902 Кр. 63.4(2...)
М-34 М-34
42942

Материалы

по изучению Владимирской губернии

Вып II

Владимир, 1926

28/XI 96 142942

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

8/XII-80г.	13/II 99	17.02.03
26/VIII 81	8/[illegible] 99	06.04.03.
31/[illegible]89	10.10.99	30.03.04
7/I 89	8.11.99	21/X 04
9/I 89	8.11.99	12.02.05
[illegible]	4/[illegible]00	14/[illegible]05
[illegible]/III 93	18.11.00	5.05.05
19/[illegible] 93	9/IX 01	11. 10. 05
4/11/5	17/IX 01	13.06.06
26/XI 95	4.11.02	2009.
	4.11.04	2010:
		2011:

Археолог. 902
М 34

Труды Владимирского Государственного Областного Музея.

ВЫПУСК II-й.

МАТЕРИАЛЫ

по изучению Владимирской губернии.

Владимирская Областная Библиотека
ДЛЯ КНИГ
К

42j
49942
0

Под редакцией
Директора Музея А. И. ИВАНОВА.

Владимирское Издательство „ПРИЗЫВ".

Владимир—1926 г.

Кр. 63.4(2Р-4Вл) л 54
М-34

г. г. Владимир. Гублит № 1489-5583. Тиаж 900 экз. Типо-литог. Издательс

Панфиловская палеометаллическая стоянка.

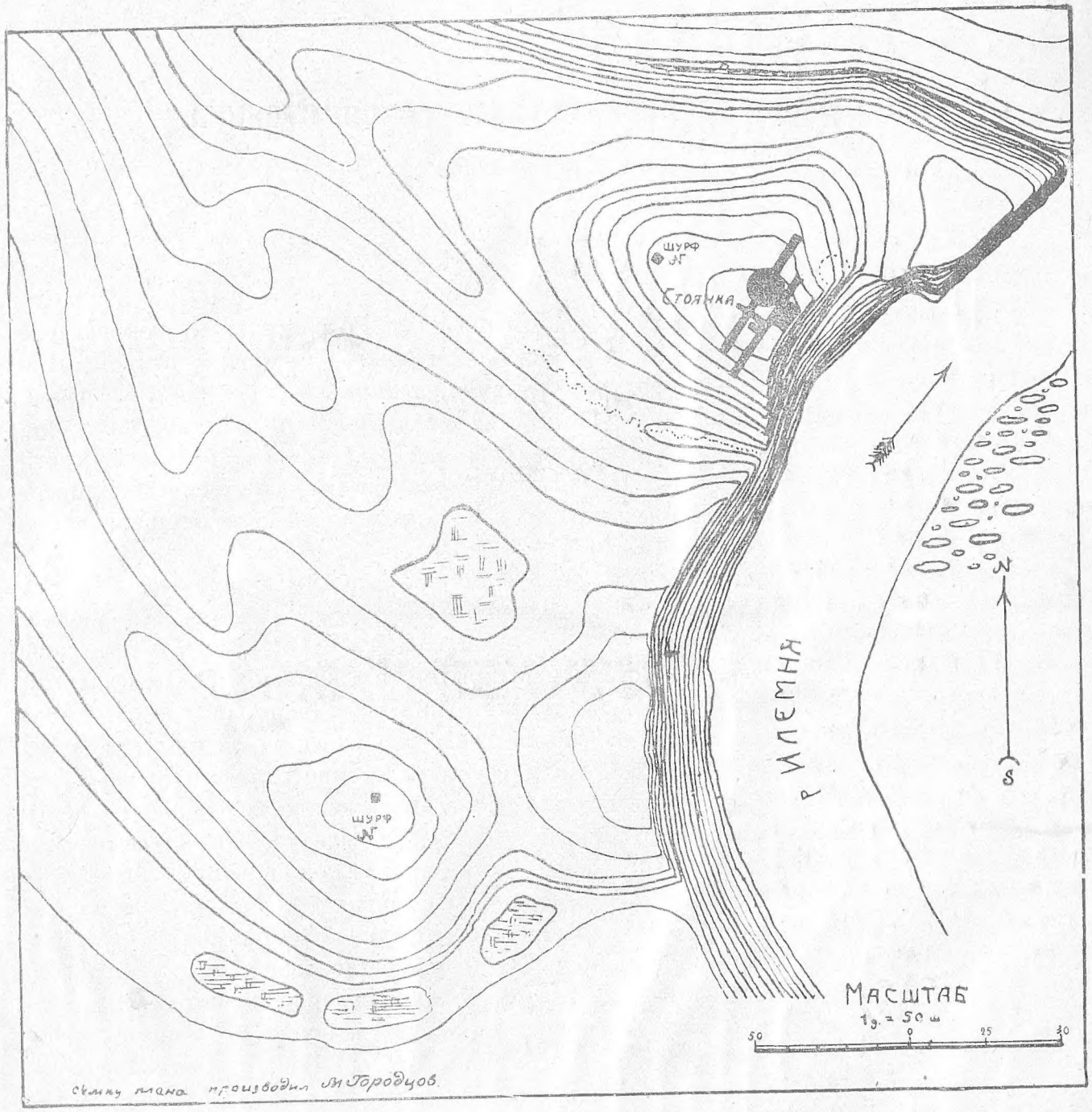
Проф. В. А. ГОРОДЦОВ.

30-го января 1924 года, в заседании I-го разряда Российского Исторического Музея, в Москве, Ф. Я. Селезнев сделал доклад об открытой им новой, как он полагал, неолитической стоянке на берегу реки Илемни, в окрестностях села Панфилова, Муромского уезда, Владимирской губернии. Тогда же я просил Ф. Я. Селезнева предоставить производство более обширных раскопок мне и студентам Археологического Отделения Факультета Общественных Наук I-го Московского Государственного Университета, на что он очень любезно согласился и оказал содействие осуществлению дела.

1-го июля 1924 года я с 24-мя студентами-археологами выехал из Москвы в Муром, а 2-го июля прибыл в село Панфилово, где и поместился в прекрасно оборудованной Уваровыми сельской школе, а после небольшого отдыха, в тот же день приступил к производству раскопок стоянки, открытой в 1923 г. Ф. Я. Селезневым. Место стоянки находится, приблизительно, в расстоянии двух верст к югу от села Панфилова и как раз против огромной насыпи железных шлаков некогда бывшего Колпинского завода, на левом берегу р. Илемни, среди поемного луга, отмечаясь небольшою возвышенностью с светлою песчаною почвою. Никаких названий это место не имеет. При детальном изучении выяснилось, что стоянка была основана древним человеком на небольшом холмике (план № 1), часть которого размыла и уничтожила р. Илемня в самое последнее время. Холм имеет с севера на юг около 70, а с запада на восток—около 80 шагов. С севера холм ограничивается долиной безымянного ручейка, а с юга—долиной совсем пересохшего, но когда то существовавшего второго ручейка. Далее к югу следуют небольшие болотца и холмики, совершенно схожие с холмиком стоянки и также покрытые культурным слоем, но значительно слабее развитым. В общем местность имеет вид довольно обычный в обширной поемной долине нижнего течения р. Оки. Следует заметить, что Илемня, подходя к стоянке, течет старым руслом самой р. Оки. Возможно, что, во время обитания стоянки, около нее текла не Илемня, а Ока. Если бы реставрировать первоначальный вид стоянки, то следовало бы представить ее, именно, на берегу р. Оки, между двух впадающих в нее ручьев, или на дельте одного ручья, имевшего два устья. При таких условиях стоянка получила бы вид острова, окруженного или со всех, или почти со всех сторон водою.

В настоящее время место стоянки и прилегающие к ней окрестности поемной долины ежегодно заливаются весенними водами. По словам панфиловских крестьян, эта вода заливает холмик стоянки в среднем не менее как на поларшина. Во время же обитания древнего человека, холмик совершенно не заливался, о чем красноречиво

ПЛАН № 1.



свидетельствуют возведенные на нем глубокие землянки, не содержащие внутри своих ям никаких водных отложений. Это очень интересное в научном отношении явление наблюдалось здесь мною уже не в первый раз: сначала оно было замечено при исследовании плотинного неолитического сооружения в долине р. Оки, близ села Дубровичи, Рязанской губ. и у., и затем на берегу р. Протвы, левого притока р. Оки, при исследовании Огубского городища (I—III в. по Р. Хр.), Малоярославецкого у., Калужск. г. Во всех этих пунктах, в древнее время, места, занятые человеком, не заливались весенними разливами; тогда как в наше время все они ежегодно заливаются или, как Огубское городище, остаются едва возвышающимися островками. Где кроется причина такого общего явления? Я полагаю, что Ока, как египетская река Нил, с неко-

торого времени стала выполнять свою пойму аллювиальными отложениями, благодаря которым весенние воды реки подымаются все выше и выше; при чем под'ем весенних вод Оки, насколько можно судить по наблюденным фактам, совершается, приблизительно, со скоростью не менее полметра в одно тысячелетие. Ранее, при исследовании плотинной постройки близ села Дубровичъ, я склонен был об'яснять разницу древнего и современного уровней весенних разливов уничтожением в бассейне реки Оки лесов, благодаря чему совершается более дружное таяние снега и поэтому получается более высокий под'ем разлива. Но эта причина не в состоянии об'яснить постоянство и равномерность под'ема почвы в поемной долине реки, а вместе и постоянство под'ема вод разливов.

Изучая по прекрасному естественному разрезу геологическое строение берега холма Панфиловской стоянки, можно видеть следующий порядок наслоения:

1) светлый песчаный растительный слой в 2—14 вершков толщины;

2) темный культурный слой, на вершине холма достигающий 4, а на скатах 18 вершков;

3) типичный дюнный песок, лежащий холмом на поверхности аллювия, высотою в 1 арш. 4 вер.;

4) слоистые пески и суглинки аллювия около 5 арш.

В настоящее время часть верхних покровов холма разрушена. Разрушение произведено панфиловскими стадами животных, останавливаемых на холме для полуденного отдыха. Животные разбили копытами поверхностные наслоения и скрывавшиеся под ними дюнные пески перешли в движение. Разрушенною оказалась восточная часть холма, размытая, как выше замечено, рекою. В получившихся таким образом обнажениях и были найдены первые кремневые орудия и обломки древней глиняной посуды, послужившие к открытию стоянки. Наше исследование начато также осмотром и обыском этих обнажений, при чем было найдено несколько совершенно целых кремневых стрел, скребков и др. орудий, а между прочим—два спаявшихся вместе орудия, повидимому, служившие клинками рубанков; из них один клинок медный (табл. I, рис. 1), а другой кремневый (табл. I, рис. 2). Оба они были сложены вместе. От долгого лежания под большою тяжестью земли медный тонкий клинок вогнулся, плотно прижался к раковистости излома кремневого клинка и приржавел к нему настолько крепко, что его могли отделить лишь с некоторым усилием. Клинок имеет вид подчетырехугольной пластинки, длиною в 4,9, шириною в 3,3 и толщиною в 0,3 см. Лезвие его сточено с одной стороны, как это делается у современных рубанков. По своим размерам и форме панфиловский рубанок совершенно похож на некоторые медные пластинки рубанков С. Кавказа. *) Время кавказских рубанков относится ко второй половине III го тысячелетия до н. эры.

Кремневый инструмент оказывается совершенно схожим с медным, но больше его размерами; длина его равняется 7,1, ширина—4,4 и толщина—0,7 см. Он также заточен с одной стороны, при чем выше заточенного лезвия наблюдается сильная сглаженность (сношенность). Последнее явление легко об'яснить при допуске, что инструмент так же, как и медный, служил клинком рубанка. Клинок в современных рубанках утверждается в прорези деревянного бруска наискось, при чем лезвие его более соприкасается с сглаживаемой поверхностью доски, именно, той стороной, с которой он заточен, а это как раз замечается и на кремневом панфиловском клинке.

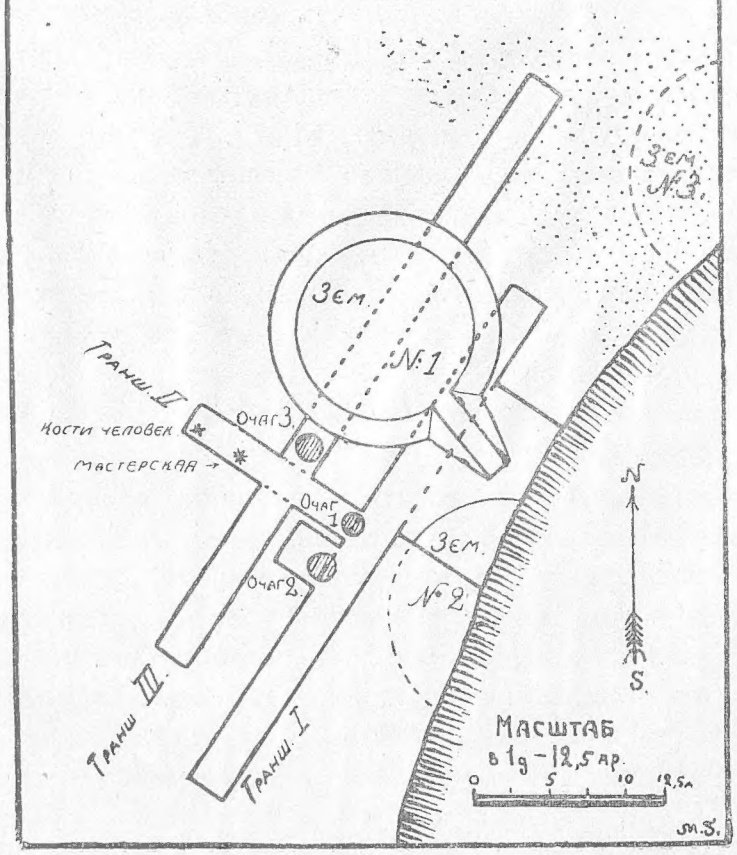
---

*) Госуд. Истор. Музей, в Москве, зала 3, колл. Кавказа.

Итак, если наше сравнение найденных клинков с кавказскими верно, то их необходимо приурочить ко второй половине III-го тысячелетия до н. эры. По близости к месту находки рубанков найдено несколько других предметов, из которых особенно интересны: 1) бронзовая почти совсем перетлевшая спиралька, 2) кусочек бронзового или медного также сильно перетлевшего предмета и 3) несколько наконечников кремневых стрел. Судя по конфигурации этого места, формою напоминавшего дюнную котловину выдувин, можно полагать, что на месте ее, до разрушения холма, находилась землянка, подобная той (№ 1), которая нами была найдена позже в раскопках, план 1 и 2.

Для исследования сохранившейся части стоянки нами сделано три траншеи и полная выкружка землянки № 1, план 1 и 2. Первая траншея имела в длину 39, в ширину $2^1/_2$ и в глубину 2 аршина. Вторая—$13 \times 2 \times 2$ аршина и, наконец, третья-$45 \times 2^1/_2 \times 2$ аршина. Выкружка землянки равнялась площади, имевшей 15 аршин в диаметре и до $2^1/_2$ аршин в глубину. Для отчистки входа в землянку вскрыта боковая площадь в 15 арш. длины и арш. 7 ширины; вся же вскрытая площадь равнялась приблизительно 150 квадратным саженям. На этой площади обнаружены: 1) две землянки, из них одна целиком, а другая только отчасти, 2) три очага, 3) одна мастерская кремневых изделий и 4) одно погребение человеческих костей (план № 2).

ПЛАН №2.



Цельная землянка имела круглую форму диаметром, как только что отмечено, в 15 аршин, а глубиною, ниже поверхности культурного слоя, в $2^1/_4$ аршина. Бока землянки круты. Со стороны реки в землянку вел входный коридор, имевший в длину $6^1/_2$ аршин, в ширину по низу $1^1/_2$, а по верху $4^1/_2$ арш. (рис. 3).

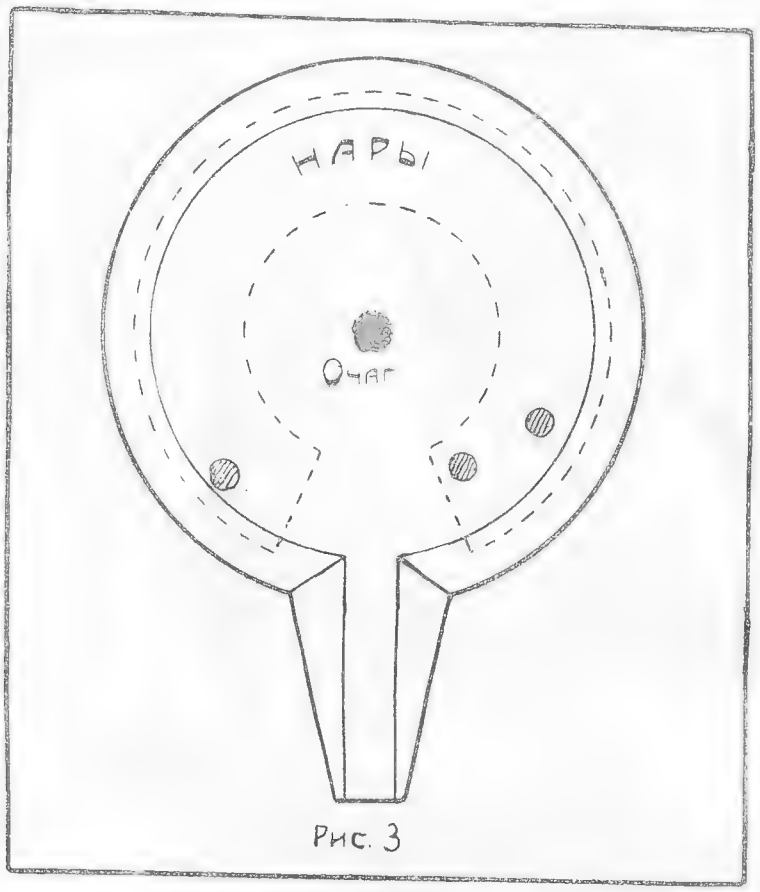


Рис. 3

Пол коридора был покат снаружи к полу землянки. В средине землянки находился очажный костер без всяких ограждений, от которого сохранилось много угля и золы. От крыши землянки остатков не сохранилось, но можно полагать, что она была конической и состояла из крупных бревен, снаружи обложенных хворостом или травой и затем обсыпанных более, чем наполовину высоты, землею (рис. 4).

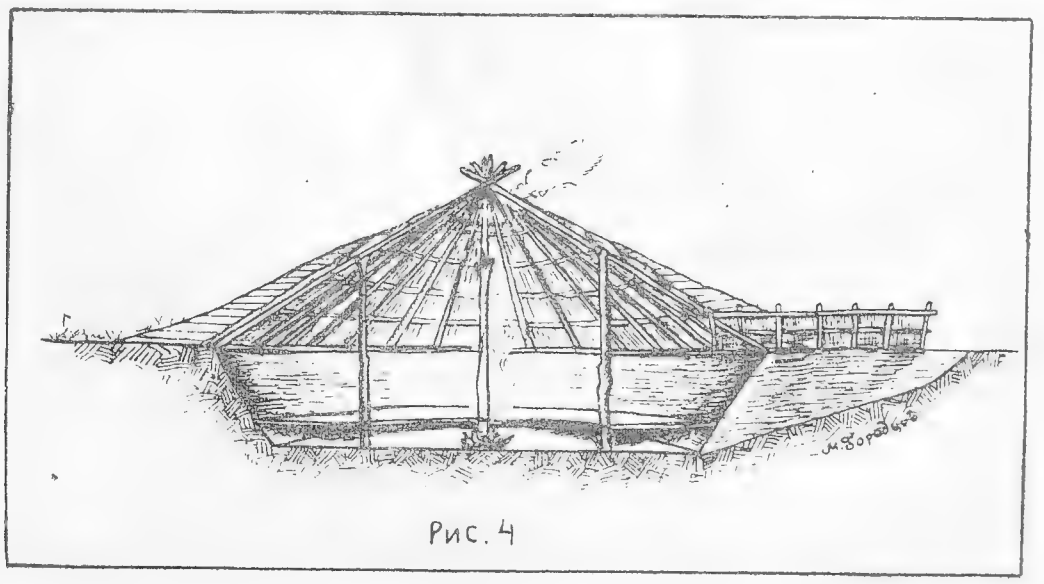


Рис. 4

Наружным видом такая землянка должна была походить на землянки некоторых инородцев северовосточной Сибири и эскимосов северозападной Америки (рис. 5);

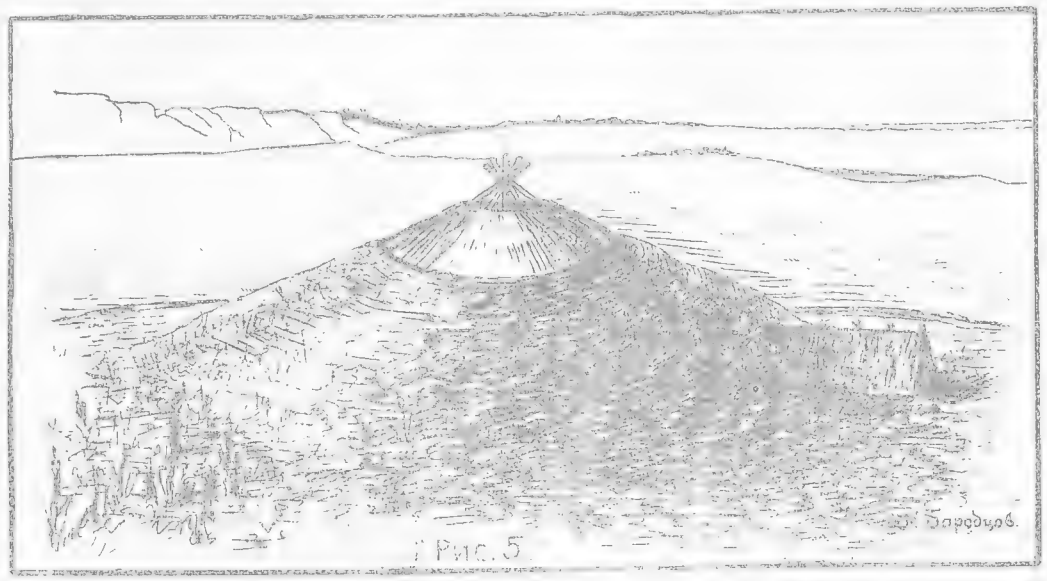


Рис. 5

она похожа была также на неолитическую землянку Волосовской стоянки, расположенной верстах в двадцати от Панфиловской; но волосовская землянка имела меньшие размеры и была без длинного коридорного входа.

Внутри панфиловской землянки найдены три глиняных сосуда, стоявших не на полу, а выше пола вершков на 10. Верхние части горшков оказались разбитыми, нижние же (более половины) стояли вертикально и, повидимому, в том первоначальном виде, в каком они были оставлены владельцами, покинувшими землянку. Нахождение сосудов выше пола землянки может указывать на то, что внутри ее существовали деревянные сооружения в виде нар или лавок, на которых стояли сосуды, а также могли сидеть и спать люди. Когда землянка запустела, то с обветшавшей крыши ее стала осыпаться земля, мало-по-малу заполнившая яму землянки и закрывшая нары с стоявшими на них тремя горшками. В конце концов рухнула и вся крыша, разбившая верхние, еще незасыпанные части горшков. Принимая все это во внимание, мы и реконструируем внутренность землянки с нарами в виде прилагаемого рисунка (рис. 4). Огромные размеры землянки заставляют полагать, что деревянная основа конической крыши должна быть весьма солидною. В соединенном заседании Научно-исследовательского Института археологии и искусствознания и Общества друзей Государственного Исторического Музея архитектор-археолог И. П. Машков заметил, что для сооружения конической крыши над столь обширной землянкой требовались толстые и длинные бревна, связать вершины которых без специальных подпор невозможно, особенно при условии обсыпания крыши землею. С этим нельзя не согласиться и следует допустить, что внутри землянки существовали столбы, поддерживающие крышу, и таких столбов было более одного, так как один столб мог быть поставлен только в средине, где был очаг.

Размеры землянки указывают на значительное число ее обитателей. Полагая по два аршина окружности землянки на человека, можно заключить, что в ней обитало от 20 до 25 персон. Наряду с людьми жили и собаки, экскременты которых, переполненные мелкими костями рыб, были найдены внутри землянки и снаружи.

Исследованная часть второй, наполовину разрушенной рекою землянки (план 2), показала, что по глубине и размерам окружности, а, вероятно, и конструктивным

формам вторая землянка была похожа на первую. В ней также был найден глиняный горшок, стоявший выше пола, указывавший, что во внутренней отделке и этой землянки играли видную роль нары или подобные сооружения, возвышавшиеся над полом.

Всего землянок на стоянке было не менее трех, из них одна, как выше замечено, оказалась разрушенною рекою и ветром. Судя по общей конфигурации занятого землянками холма, следует заключить, что они занимали самую возвышенную часть последнего. Остатков других землянок не прослежено.

Вне землянок открыто три очага (план 2). Все они представляли вид круглых котлообразных углублений около двух аршин в диаметре и ¾ аршина глубины; в одном из них, на дне, найдена каменная плитка, в другом—два куска железной руды, использованных, очевидно, не как руда, а как простые камни. Днища всех очагов одинаково были покрыты черным углистым слоем и золою, содержащим разбитые или целые кости животных, обломки глиняной посуды и каменные орудия в целом и обломочном виде. В одном более богатом по содержанию очаге (№ 2) найдено два комка экскрементов собаки, содержавшие мелкие кости рыб. Очаги, повидимому, современны землянкам. Можно полагать, что ими пользовались обитатели землянок в более теплое время года, когда не требовалось отапливать жилища. Ко времени землянок следует отнести и небольшую мастерскую кремневых орудий, открытую недалеко от очага № 3 и землянки № 1 (план 2). Мастерская содержала большое количество осколков кремня и два кремневых нуклеуса, определенно указывающих на местную выработку кремневых орудий.

Совершенно особенный интерес представляет открытие человеческих костей (план 2). На глубине около 10 вершков от поверхности темного культурного слоя были найдены лежавшими без видимого порядка следующие кости человека: 1) не совсем целый череп, 2) одна ключица, 3) бедро, 4) нижняя челюсть и 5) одно ребро (табл. I, рис. 6). Около этих костей лежали: 1) совершенно целый наконечник кремневой стрелы, 2) крупный кремневый скребок и 3) еще более крупный ссколок кремня, находившийся вместе со скребком. Эти три предмета казались связанными с костями человека, как остатки ритуального погребения, однако, в виду насыщенности подобными предметами культурного слоя, можно допускать, что они попали в почву и не в связи с захоронением костей человека. Несомненно, несвязанными с этими костями найдены недалеко от них: 1) мелкие осколочки кремня, 2) обломок кремневого орудия, 3) обломочки глиняной посуды и 4) кости бобра (ножная), лисицы (нижняя челюсть), зайца (два позвонка) и рыбы (один позвонок). Ниже костей человека оказалась ямина, содержавшая золу, угольки, редкие обломки глиняной посуды, осколки кремня и немного обломков костей животных. Все это походило на остатки очага, отношение к которым костей человека представлялось совершенно загадочным. Захоронение костей представлялось очень древним, так как выше их залегал целый, неперерытый культурный слой, а это как будто говорит за то, что кости не были вложены в почву позже окончательного образования культурного слоя. Некоторым из участников исследования приходила мысль об остатках антропофагии, тем более, что и в почве, выполнившей землянку № 1, были найдены две ручных человеческих фаланги, наводившие также на такую мысль. Однако, это едва ли было так: против этого говорит целость костей, из которых не совсем целым оказался только череп, попорченный во время наших раскопок. Ритуальное погребение также затруднительно допустить, так как кости лежали без всякого порядка и количество их слишком мало.

Таким образом, никакого решения нами не было вынесено и явление осталось загадочным. Может быть, при сооружении огромной землянки № 1, ее строители нечаянно напали на древнюю могилу и вынутые более заметные и целые кости покойника сбросили в старую ямину очага и засыпали землей. Этим можно было бы об'яснить и находки двух ручных фаланг в почве, выполнившей землянку. Эти фаланги могли принадлежать потревоженному костяку, мелкие кости которого легко могли попасть в ту землю, которой была засыпана крыша и которая, по разрушении крыши, упала внутрь землянки. Если бы это было так, то первое захоронение костей следовало бы относить к весьма древнему, может быть, даже к неолитическому времени.

Раскопанная часть Панфиловской стоянки дала 296 бытовых предметов и большое количество битого керамического материала. В состав бытовых предметов вошло 4 медных или бронзовых, 260 кремневых, 10 каменных и 22 костяных. О трех медных предметах говорилось выше. Четвертый медный, а может быть бронзовый предмет представлял вид зеленого комочка, похожего на бусину, настолько перержавевшую, что в довольно тщательной упаковке она превратилась в мелкие кусочки. Этот предмет был найден почти на самом дне землянки № 1. В состав кремневых предметов вошли: 1) наконечники стрел, 2) один попорченный наконечник копья, 3) долота, 4) топоры, 5) проколки, 6) ножи, 7) скребки, 8) рубанки, 9) фигурные предметы и др.

Наконечников кремневых стрел найдено 56 экземпляров, из них один оказался совершенно оригинальной четырех-шипной черешковой стрелой, ранее неизвестного в России типа (табл. I, рис. 7). Интересна также стрела треугольной формы типа донецких катакомбных стрел (табл. I, рис. 8). Прочие стрелы более обычных типов; многие из них имеют изящную и совершеннейшую отделку. Особенно выделяются совершенством отделки пять экземпляров типа длинных, ромбических в поперечном сечении стрел. Изящны также некоторые экземпляры листовидного, ромбического, ромбическо-черешкового и черешкового типов.

Наряду с наконечниками стрел следует отметить довольно симметрично обработанный листовидный наконечник с перехватом по средине (табл. I, рис. 9). Такие наконечники были описаны гр. А. С. Уваровым и названы жерлицами для ловли рыб.

Наконечник копья имеет двухшипную форму; сработан очень тщательно; к сожалению, потерял оба конца; ширина его равняется 4,3 см., а длина должна быть не менее 10 см.

Долот найдено 15 экземпляров. Все они сделаны из кремня и кремнистого известняка. Типы их разнообразны, но лезвия всех их одинаково желобчаты. Чрезвычайно интересны кремневые небольшие долота, впервые встреченные в средней России (табл. I, рис. 10). Эти долота имеют тщательно отполированные желобчатые лезвия, сведенные почти на узкий клин или шило. Тело долот трехгранное, массивное. Подобные долота ранее были известны в Прибалтийском крае. Эти изящные, сделанные из лучшего кремня инструменты могли служить или для пробивания в дереве отверстий, или, что мне кажется более вероятным, для орнаментации деревянных предметов. Всего таких долот найдено три, из них два поломаны и одно совершенно цело.

Кремневых топоров найдено всего только два, из них один целый, но незаконченный в отделке, имеет в длину 10, в ширину 3,6 и в толщину 1,5 см. Другой представляет обломок полированного экземпляра.

Проколок найдено 17 экземпляров, из них большинство хорошей сохранности и нередко отличаются замечательною тонкостью обработки рабочего конца.

Ножей встречено мало; повидимому, этот род орудий сильно вытеснялся медными или даже бронзовыми орудиями. Кремневых ножевидных пластинок найдено только три. Может быть, к категории ножей или пилок следует отнести крупные листовидные наконечники, сделанные из тонко отретушированных пластинок кремня. Таких орудий найдено три: одно целое и два в виде обломков. Целое орудие имеет в длину 11, в ширину 6,3 см. Интересны кривые небольшие ножи. Их найдено два; оба они сделаны из искривленных пластинок и имеют очень тщательно отретушированные лезвия. Находки подобных ножей известны в Белевском уезде, Тульской губернии.

Скребки многочисленны и разнообразны, но типы их обычны. Интересно довольно крупное скребковидное орудие, отретушированное только по одному краю пластинки, почему оно напоминает скорее пилу, чем обычный скребок. Длина его достигает 9,5, ширина 4 см. (табл. I, рис. 11).

К разряду рубанков относится уже упомянутая кремневая пластинка, найденная вместе с медным рубанком кавказского типа. Но, кроме того, к этому разряду столярных орудий я отношу совершенно оригинальные кремневые орудия, ранее, насколько мне известно, еще нигде не встречаемые. Одно из этих орудий сделано из поперечного обломочка желобчатого полированного долота. Этому обломочку придали вид высокого скребка (grattoire carenè), при чем, судя по пришлифованности его рабочего конца (табл. I, рис. 12а) с наружных плоскостей, можно убедиться, что инструментом работали, заставляя скользить его на внешней (выпуклой) поверхности рабочего конца, заставляя конец углубляться, приблизительно, на 0,5 см. Вещество, в которое конец углублялся, оказывалось настолько твердым, что шлифовало конец инструмента: вероятнее всего, это было дерево. Но что особенно интересно, так это то, что аналогичный кремневый инструмент найден в Панфиловской стоянке сделанным уже не из случайного подходящего обломка полированного орудия, а из специально подобранного осколка кремня (табл. I, рис. 13). Судя по отделке рабочего конца, следует заключить, что и этот инструмент предназначался для углублений на деревянных плоскостях. В данном случае, мы имеем дело, несомненно, с новым видом столярных первобытных инструментов, вероятнее всего, предназначавшихся для проведения каннелюр на деревянных предметах. Эти инструменты могли иметь прямую рукоятку, что мало вероятно, и могли служить клинками рубанков, т. е. утверждаться в скользящем бруске, что кажется более правдоподобным потому, что рубанки в скользящих брусках у обитателей Панфиловской стоянки, несомненно, существовали.

Обращает внимание одна продолговатая четырехугольная пластинка, в которой можно узнать «вкладыш» для костяного зубцеватого орудия. Присутствие его в Панфиловской культуре не представляет чего либо неожиданного. Зубцеватая техника костяных орудий пользовалась в древности и в России, и в Сибири широким распространением. В настоящее время самые древние зубцеватые орудия оказываются найденными в г. Красноярске, в палеолитической стоянке Афонтовой горы. Далее прекрасные экземпляры зубцеватых костяных кинжалов и ножей известны в Китайской культуре, Иркутской губ., где они относятся к палеометаллической эпохе, вероятнее всего, к III-му тысячелетию до н. эры. К этому времени, как мы увидим ниже, относится и Панфиловская культура.

Исключительного внимания заслуживает тесанное кремневое орудие типа coup de poing (табл. II, рис. 14). Наряду со столь совершенными кремневыми орудиями, какие имеются в Панфиловской культуре, казалось бы со всем не место такой

архаической форме, тем не менее она оказалась налицо и, несомненно, была современною культуре формою, а не более древнею, занесенною случайно: орудие покрыто совершенно тождественною патиною с патиной всех других орудий и найдено было внутри землянки № 1.

Фигурно обработанных кремневых предметов найдено три: в одном (табл. II, рис. 15) можно узнать фигуру человека, в другом—фигуру змеи (табл II, рис 16), а в третьем —четвероногое животное (табл II, рис. 17). Фигура человека похожа на кремневые более выразительные фигуры людей Волосовской неолитической стоянки; фигура кремневой змеи встречается впервые; фигура же животного представлена так вычурно, что в ней не сразу можно усмотреть природу животного.

Из других кремневых предметов следует упомянуть о нуклеусах и одном слегка оббитом желваке, может быть, служившем метательным камнем.

При общем взгляде на Панфиловскую кремневую индустрию нельзя не заметить в ней: 1) явление таких форм, как рубанки и шиловидные желобчатые долотца, которые еще никогда не наблюдались в русском неолите, и 2) редкость таких видов бытовых орудий, как ножи и топоры, которые ранее других стали вытесняться соответствующими металлическими орудиями, существование которых в Панфиловской культуре не подлежит сомнению. Следует полагать, что большое количество найденных нами кремневых проколок также свидетельствует о появлении более совершенных медных шил, обесценивавших кремневые проколки. Что касается отсутствия в находках самих медных орудий, то это легко об'ясняется их высокою ценностью. В Галичской стоянке, подвергнутой нами гораздо более обширным раскопкам, найден был только один медный клинок ножа на сто тридцать три каменных орудия; отсюда можно было бы заключить, что Галичская культура только начала знакомиться с металлическими орудиями, а поэтому относится к очень древнему времени, как это и заключил А. М. Тальгрен. К счастию, найденный там ранее наших раскопок знаменитый клад свидетельствует о совершенно другом, именно, о богатстве культуры бронзой и серебром; найденные же нами в землянках многочисленные железные шлаки указали, что носители Галичской культуры были прекрасно знакомы не только с названными металлами, но и с железом, которое они умели извлекать из руды и выковывать из него разные предметы. Галичская стоянка относится нами к X-VIII векам до н. эры. Панфиловская стоянка должна быть отнесена к более раннему времени, когда с железом обитатель русской территории еще не был знаком, но он, несомненно, был хорошо знаком с медью и бронзой, так как испытывал ясное влияние кавказских культур, богатых медью, бронзой, серебром и золотом.

Из предметов, сделанных из других каменных пород, заслуживают внимания два топора, утюжек (гладилка) и точильные камни. Топоры оба диоритовые, полированные; один из них без сверлины, другой с сверлиной. У последнего отбиты обух и лезвие. Сверлина его довольно неправильная и, повидимому, сделана массивным сверлом с двух противоположных сторон.

Утюжек—гладилка (табл. II, рис. 18), служивший для разглаживания швов меховой или тканой одежды, сделан из очень твердого красного железняка. Одно ребро его сильно сглажено в прямой плоскости; противоположное ребро отбито так, что орудие хорошо схватывается сверху рукою. Каменные утюжки впервые получили определение в нашей научной обработке материала из Огубского городища, Малоярославецкого уезда, Калужской губернии, относящегося к Дьяковской культуре, где подобные орудия не редки. Ранее их принимали за точильные камни, что, однако,

неверно: в действительности камни эти служили специально для швейного дела. Явление утюжка в Панфиловской культуре указывает на их большую древность в пределах Евр. России. В культурах других стран мы их пока не знаем, но они существуют, по свидетельству А. С. Башкирова, у крымских татар в настоящее время.

Костяных предметов найдено сравнительно мало. Причиной такого явления могла послужить песчаная почва стоянки. Предметы сохранились только в золистых или углистых прослоях, где кости оказывались даже в очень хорошей сохранности. Из костяных орудий наиболее интересны: 1) большой инструмент неопределенного назначения (табл. II, рис. 19), но, может быть, служивший кочетыгом для плетения обуви и корзин из лык, на что указывает его плоский треугольный рабочий конец, и 2) хорошо сохранившееся небольшое очень острое шильце. Далее любопытны: 1) привеска, сделанная из нижней челюсти небольшого зверка (хорька?) (табл. II, рис. 20), 2) бусы из рыбьих позвонков и полых костей, нарезанных в виде цилиндриков, и один костылек с круговым желобком по средине, служивший, вероятнее всего, для застегивания одежды (табл. II, рис. 21), один конец его отломан.

Керамический материал Панфиловской стоянки заслуживает особенного внимания. Этот интереснейший материал имеет все признаки генетической связи с окской неолитической керамикой волосовского типа, но вместе с тем имеет много таких черт, которые совершенно несвойственны русской неолитической керамике вообще и несут характер или заимствованный от других более развитых культур, или же указывающий на усовершенствование и осложнение своих доморощенных форм и техники. То же следует сказать и относительно керамического орнамента: он также то вполне воспроизводит неолитические узоры и элементы их, то выявляет такие черты, которые совсем несвойственны неолитическому орнаменту, то вполне отсутствует, что также несвойственно последнему.

Формы сосудов довольно разнообразны. Особенно разнообразны края сосудов. В большинстве случаев они делаются утолщенными и откинутыми наружу, может быть, для того, чтобы удобнее подхватывать их руками при переноске. Встречаются края средние и утоньшенные. Очень оригинальными представляются края складчатые, как бы гофрированные (табл. III, рис. 22), и сделанные в форме отложного воротника, опущенного и плотно прижатого к шейке (табл. III, рис. 23). Такая обработка краев совершенно неизвестна в неолитической керамике: она становится известною только в керамике металлического периода. Шейки сосудов то, как в окской неолитической керамике, совсем отсутствуют, то выражаются очень разнообразно. Любопытны высокие прямые и плавно выгнутые шейки. Первые из них напоминают шейки южнорусских сосудов катакомбной культуры палеометаллической эпохи (второй половины III-го тысячелетия до н. эры); вторые более оригинальны Оба вида таких шеек наблюдаются у тонкостенных сосудов, лишенных совсем орнамента и сделанных из лучше приготовленной глины, хотя одновременность их со всеми другими видами панфиловских сосудов несомненна. Ушков панфиловские сосуды не имеют. Некоторые сосуды имеют отверстия, повидимому, располагаемые на двух противоположных сторонах попарно и поодиночно. Бока сосудов то прямые и слегка выпуклы, как у неолитических сосудов, то сильно выпуклы и раздуты, как в неолитических русских сосудах не бывает. Днища господствуют плоские, но встречаются и круглые. Круглодонные сосуды то вполне совпадают по своей форме с неолитическими волосовского типа, то с палеометаллическими фатьяновского типа. Сходство или даже полное тождество не-

которых круглодонных сосудов с последними подчеркивается углублением, сделанным снаружи выпуклости днища. Встречаются круглодонные сосуды с поддонами в виде прилепленного ко дну глиняного кольца (табл. III, рис. 24). В целом сосуды представляются или коническими с круглым дном, совершенно схожими с неолитическими, или коническими с прямым (плоским) дном, или бомбовидными с плоским или округлым дном. Конические сосуды или совсем не имеют шеек, или имеют их слабо выраженными; бомбовидные сопровождаются наиболее выраженными и разнообразными шейками. Размеры сосудов неодинаковы: самыми крупными являются сосуды конической формы, бомбовидные же сосуды имеют средние и малые размеры. Конические сосуды покрываются орнаментом по ясно выраженной неолитической традиции, сплошь. Мало этого, иногда орнамент на таких сосудах переносится на плоские днища и спускается внутрь горла. Бомбовидные сосуды украшаются или только в верхней части, или совсем оставляются гладкими. Пользуясь более крупными обломками и теми сосудами, которые обнажились из почвы почти целыми, но растрескавшимися и после распадавшимися на куски, мы сделали попытку восстановить более ярко выраженные типы (табл. III, рис. 22, 23, 25—28).

Изучая керамический материал с технической стороны, легко заметить, что глина для выделки сосудов бралась преимущественно иловатая, плохо обработанная, иногда содержащая примесь толченых раковин. Только в редких случаях глина оказывалась лучше очищенною и промешанною, без всяких заметных посторонних примесей; из такой глины приготовлялись и самые лучшие сосуды. Обжиг сосудов не одинаков. Грубые сосуды обожжены слабее, чем сосуды более изящные. Найдены обломки совершенно необожженных сосудов, что указывает на местное производство гончарного товара. Самая выкружка сосудов производилась по меньшей мере двумя приемами. Более распространенным оказывается архаический прием, свойственный окской неолитической технике выработки сосудов на свертках рыхлого вещества, обернутого в рыболовную сеть, ткань или кожу в виде конуса. Таким приемом вырабатывались все большие сосуды конической формы то с круглым, то более обычно с плоским дном, при чем плоское дно получалось от надавливания сырого сосуда сверху вниз на твердую плоскость, может быть, даже ранее удаления из сосуда устойчивой основы, которою могла служить трава, обернутая сетью, тканью или чем либо другим. Нами найден очень интересный обломок днища, на котором сохранился отпечаток рыболовной сети, охватывавшей рыхлое вещество устойчивой основы.

Второй прием состоял в формовании сосудов на шарообразных узлах ткани или тонкой кожи, внутри которых заключался песок. Этим приемом вырабатывались панфиловские сосуды фатьяновского типа, обломки которых были найдены три раза. Чтобы придать устойчивость шарообразным сосудам, на дне их снаружи делались или небольшие углубления, обычные в сосудах фатьяновского типа, или примазывались глиняные кольца, придававшие, при некоторой обработке, днам почти плоский вид

Кроме бытовых предметов, на площади Панфиловской стоянки найдены кости животных, составлявшие кухонные отбросы. По этим костям удалось определить следующие виды животных, птиц и рыб, поступавших на стол и другие потребности панфиловского обитателя: лося, оленя, косули, свиньи (кабана), медведя, бобра, лисицы, барсука, зайца, куницы (?), гуся, утки, мелких болотных птиц, осетра, щуки и множества мелких речных рыб. Наряду с костями попадались раковины Unio и несколько раз комки помета собаки, обычно переполненные мелкими костями рыб; очевидно, последнее животное питалось преимущественно рыбами. Из представлен-

ного списка животных видно, что среди них домашние животные, за исключением собаки, еще не имеют места; спорною может быть только свинья и вот почему: среди костей, принадлежащих этому животному, встречалось очень много костей совершенно молодых особей (поросят). Это интересное явление представляется загадочным и могущим, по моему мнению, говорить за то, что свинья имелась у панфиловского обитателя в прирученном виде, хотя особенно сильно настаивать на этом пока еще не приходится, так как дикие молодые особи также могли попадаться человеку. Во всяком случае отмечаемый факт представляется интересным и заслуживающим дальнейшего его изучения в раскопках.

Таков в общем материал, добытый в Панфиловской стоянке. Наибольшее количество его извлекалось из нижних слоев землянок. Так, при полной раскопке землянки № 1, в почве, покрывающей пол коридорного входа, найдены: кремневый наконечник стрелы, обломок такой же стрелы, целый и обломок наконечника копья, скребок, проколка и пять обломков кремневых орудий разных форм, одна бусина из крупного рыбьего позвонка, обломок нижней челюсти лося и нижняя челюсть зайца. На дне землянки, по траншее № III (см. план 2), встречен черный жирный слой земли, в котором залегали угли, осколки кремня, обломки глиняной посуды, обломки костей животных, из которых некоторые принадлежали лосю; найдено несколько целых и сломанных кремневых орудий. В центральной вскрытой части оказалось много золы серого цвета и углей, как позже выяснилось, составлявших остатки костра. Тут же лежали обломки глиняной посуды, осколочки кремня, разбитые кости животных, много рыбьей чешуи. Среди всего этого отысканы: медный, сильно окисший шарик, в роде бусины, прекрасно зашлифованная игла из рыбьего ребра, без ушка, большой точильный камень и комки собачьего помета.

При выкружке восточной части землянки, в верхних слоях до глубины одного аршина вещей почти совсем не найдено; но за то в нижних слоях и на самом дне их оказалось весьма много. Из каменных орудий в этой части землянки найдено: восемь целых и четыре сломанных наконечников кремневых стрел, один обломок кремневого копья, десять целых и пятнадцать сломанных кремневых скребков, четыре целых и две сломанных проколки, два обломка полированных каменных топоров, один обломок диоритового полированного топора с сверлиной, найденный в самом очаге, одно целое полированное каменное долото с желобчатым лезвием, одно маленькое кремневое полированное долотцо с шиловидным желобчатым лезвием и с отбитой верхней частью, обломок точильного бруска из твердого красного песчанника, метательный камень, фигурная кремневая поделка, напоминающая змейку (табл. II, рис. 16), большое костяное орудие (табл. II, рис. 19), одно костяное шильце, несколько обломков кремневых орудий разных форм, много обломков глиняной посуды и осколков кремня. На глубине $1^{3}/_{4}$ аршина открыто три глиняных сосуда, стоявших в одном горизонте, выше пола землянки вершков на 10, вероятно, на деревянных сгнивших без остатка нарах.

Выкружка западной части землянки дала также много находок, а именно: пять целых и шесть сломанных кремневых стрел, один кремневый резец, тринадцать целых и сломанных скребков, четыре проколки, два полированных долота, обломок шиферной привески, обломок костяного орудия, кремневое орудие, напоминающее археолитическое coup de poing, (табл. II, рис. 14), довольно много обломков глиняной посуды и осколков кремня; кости встречались редко, но между ними оказались две ручные фаланги человека, найденные в разных местах.

При отчистке и разборке очага землянки, остававшегося целым до выкружки западной части, найдены, кроме упомянутого обломка диоритового топора с сверлиной, целое полированное долото и два кремневых маленьких долотца с прекрасно отполированным шиловидным желобчатым лезвием (табл. I, рис. 10).

Столь же обильные находки сделаны в раскопанном секторе землянки № 2, а на месте землянки № 3, разрушенной рекою Илемней и окскими весенними разливами, найдены самые интересные предметы, в виде медного и кремневого клинков рубанков, спаянных окисью меди вместе, и наряду с ними несколько других уже упоминавшихся выше предметов.

Обильные материалы, взятые из Панфиловской стоянки, дают возможность составить некоторое понятие о занятиях ее обитателей, добывающей и обрабатывающей промышленности, семейной и общественной жизни и духовном развитии.

Главными занятиями жителей стоянки являлись охота и рыболовство. Земледелие и скотоводство им, повидимому, были или совсем чужды, или только что начали прививаться. О начатках земледелия, может быть, говорят те волокнистые вещества, из которых свивались веревки, шнуры и выпрядались нити для рыболовных сетей, факт существования которых установлен отпечатком на днище глиняного сосуда, и, вероятнее всего, для тканей, первое появление которых в средней России засвидетельствовано отпечатками на сосудах Волосовской неолитической стоянки и существование которых у обитателей Панфиловской стоянки доказывается бомбовидной или репчатой формой сосудов фатьяновского типа, вырабатываемых на узлах с песком, сделанных из ткани. Однако, возможно допустить, что волокнистое вещество, необходимое для указанных целей, получалось из стеблей дико растущей крапивы, как это наблюдается у некоторых инородцев Сибири и у других малокультурных народов. О скотоводстве, как замечено, дают право говорить кости поросят, но и это свидетельство не представляется вполне убедительным.

Промыслы охоты и рыболовства отмечаются в стоянке не только присутствием в кухонных отбросах костей диких животных, птиц и рыб, но и орудиями, в виде стрел и копий, необходимых для промысловой охоты, сетей и жерлиц, необходимых для лова рыб. Для охоты могли служить и собаки. Охота доставляла мясную пищу и необходимую для одежды пушнину. Рыболовство также давало пищу людям и корм собакам. В пищу людям могли итти также плоды лесных и луговых растений и мед диких пчел, существование которых в средней России даже в наше время подтверждается многочисленными письменными документами.

Что касается обрабатывающей промышленности, то она выразилась в обработке камня, кости и, может быть, металла. Обработка камня, главным образом кремня, пользовалась широким распространением: все главные виды промысловых орудий делались из камня. Однако, наряду с ними фигурируют и металлические орудия. О количестве их у панфиловского обитателя трудно судить: их могло быть мало и довольно много. За последнее говорит более поздняя Галичская стоянка, обладавшая большим количеством медных, бронзовых, серебряных и железных предметов, а давшая в раскопках только один медный нож и четыре мелких бытовых предмета на значительное количество каменных орудий. Этот поучительный факт следует постоянно иметь в виду при оценке степени знакомства с металлами людей не только палеометаллической, но и ранней поры неометаллической эпохи.

Костяная индустрия, несомненно, пользовалась весьма большим распространением и если уцелело в стоянке костяных изделий немного, то это зависело исклю-

чительно от почвенных условий. Благодаря неблагоприятным условиям погибли все деревянные вещи, количество которых должно быть весьма значительно.

Текстильная обрабатывающая индустрия почти совсем не выразилась, хотя косвенные доказательства ее существования имеются налицо.

Вязание сетей является фактом установленным, а вместе с ним устанавливается и факт обработки волокнистых растительных материалов.

О развитом швейном деле говорят найденные тонкообработанная костяная игла и каменный утюжок.

Вот и все, что можно сказать о добывающей и обрабатывающей промышленности. Сказанного немного, но оно ценно, так как относится к жизни человека весьма глубокой древности. Что касается семейно-общественной жизни, то о ней можно составить понятие по обширным жилым помещениям и женским нарядам. Необыкновенная обширность жилищ и их скученность указывают на социальную спаянность, может быть, близкую к первобытному коммунизму. На последнее отчасти указывает и заметная бедность личных женских украшений, представленных только бусами из полых костей животных и рыбьих позвонков; очевидно, женщины одинаково с мужчинами несли все тяготы общественной жизни, не имея времени заниматься нарядами. Но что особенно интересно, так это полное отсутствие детских игрушек. Эта отрицательная черта как будто указывает на слабо развитую семейную жизнь, где на детей мало обращается внимания.

42942

О духовном развитии до некоторой степени свидетельствуют фигурно обделанные кремни, в которых прежде всего выражается искусство, а затем, повидимому, и религиозный культ. С точки зрения искусства эти произведения весьма слабы: они ниже подобных произведений более древнего неолитического человека Волосовской и др. стоянок, где из кремня вырабатывались легко распознаваемые фигуры человека, животных и птиц. В панфиловских фигурнообработанных кремнях лишь с трудом распознаются в одном изображение человека, в другом-четырехногого животного и в третьем-змеи (табл. II, рис. 15-17). Назначение подобных фигурок считается ритуальным, в них видят идолов, фетишей. Возможно, для такого назначения сделаны и панфиловские изображения. Их крайняя схематичность, может быть, указывает на широкое распространение, при котором, обычно, перестают преследовать какой либо реализм или натурализм, а ищут простейших намеков на реальные формы, способные возбудить в зрителе память о последних.

В заключение остается коснуться вопросов о времени и народности Панфиловской стоянки. Определяющими время служат медные предметы, некоторые типы каменных орудий и керамики. Определяющими признаками народность являются: 1) сходства и отношения бытовых явлений с соответствующими явлениями быта Волосовской неолитической стоянки, Галичской стоянки ранней поры неометаллической эпохи и Фатьяновской стоянки—могильника поздней поры палеометаллической эпохи.

Медные предметы Панфиловской стоянки указывают на время металлического периода, а медный клинок рубанка, схожий с северно-кавказскими клинками, на позднюю пору палеометаллической эпохи и, вероятнее всего, на вторую половину III-го тысячелетия до н. эры. На эту дату указывает и треугольный наконечник кремневой стрелы, схожий со стрелами донецких катакомбных погребений со скорченными костяками той же второй половины III-го тысячелетия. Эту же дату поддерживают высокие шейки некоторых сосудов, совпадающие с формами шеек сосудов донецких катакомбных погребений, и бомбовидные формы сосудов, совпадающие с формами фатьянов-

ЛАД

ской и северно-кавказской керамики второй половины III-го тысячелетия. На основании всех этих указаний необходимо время Панфиловской стоянки отнести к металлическому периоду, поздней поре палеометаллической эпохи, или, говоря в схеме абсолютной хронологии, ко второй половине III-го тысячелетия до нашей эры. Это определение времени настолько верно, насколько верны современные знания русской археологии.

Народность Панфиловской стоянки, несомненно, была родственна народности неолитической Волосовской стоянки. Это положительно доказывается обильными чертами сходства бытовых предметов обоих стоянок. Массовые количества керамических и каменных изделий совершенно точно совпадают друг с другом в обоих стоянках. Состав глины, технические приемы выработки сосудов и их орнамент во многих случаях не отличимы; но в волосовской керамике господствуют формы круглодонные (иногда почти коническо-донные), тогда как в панфиловской керамике господствуют формы плоскодонные. В Волосовской стоянке совершенно нет сосудов северно-кавказского и фатьяновского типов, формованных на узлах с песком; в Панфиловской стоянке они уже существуют. В керамике Волосовской стоянки нет неорнаментованных сосудов, в панфиловской керамике они имеются. В керамике Волосовской стоянки нет сосудов с высокими шейками, сильно выраженными округлыми плечами, напоминающих керамику южнорусских катакомб; в керамике Панфиловской стоянки они имеются. Из всего этого можно притти к выводу, что панфиловская керамика, происходя от волосовской, успела усовершенствоваться и осложниться под влиянием более высоких культур новыми формами и новыми техническими приемами.

Керамика является впечатлительным и надежным руководителем в определении генезиса народности. Отсюда можно заключить, что панфиловская керамика свидетельствует о генетической связи панфиловской народности с неолитическою народностью Волосовской стоянки. О том же свидетельствует и большинство кремневых орудий, которые в массах совершенно одинаковы в обоих стоянках. Особенно же интересно и, как мне кажется, важно присутствие в обоих сравниваемых стоянках фигурно обработанных кремней. В Волосовской стоянке их найдено много: они там ясно представляют фигурки людей, животных и птиц; в Панфиловской стоянке фигурных кремней пока найдено три; все они невыразительны, представляют явно упадочные формы, и в них только с некоторым усилием можно рассмотреть изображение человека, змейки и четвероногого животного. Вообще, по отношению к кремневым изделиям, как по отношению керамических изделий, следует заметить, что, наряду с схожими чертами, они носят и черты несхожие. Так, в Волосовской стоянке нет кремневых рубанков, нет шиловидных долот, нет треугольных наконечников стрел, тогда как в Панфиловской стоянке они имеются и указывают на более поздние заимствования рубанков и треугольных наконечников стрел с юга России, а шиловидных маленьких долот с запада России, из ее Прибалтийского края, где такие формы долот пользовались более широким распространением.

Среди костяных изделий схожими в обоих стоянках являются бусы из рыбьих позвонков и обрезков трубчатых костей небольших животных и, может быть, птиц; но несхожими оказываются костыльки для застегивания одежд, которых нет в волосовской культуре.

Таким образом, еще раз приходится отметить, что замечаемые повсюду сходства культур двух сравниваемых стоянок показывают на генетическое сродство их, а

следовательно, и носителей их, а замеченные отличия показывают на более позднее время панфиловских обитателей, на их развитие и связи с близкими и более отдаленными соседями.

Сравнение культур Волосовской и Панфиловской с культурой Галичской стоянки приводит к заключению о генетическом сродстве всех этих культур, указывая, что последняя из них существовала позже всех. Галичская стоянка широко обследована нами в том же 1924 году, при чем выяснено, что время ее относится к ранней поре неометаллической эпохи, приблизительно к X-VIII веку до н. эры. Таким образом, время Панфиловской стоянки стоит как бы в средине между временами Волосовской и Галичской стоянок. Поэтому можно было бы ожидать движение развития Галичской культуры через посредство Панфиловской культуры. На деле это оказалось не совсем так: некоторые явления в Галичской культуре эволюционировали не через посредство Панфиловской культуры, но особым путем, связывающим ее непосредственно с Волосовской культурой. Так, глиняные сосуды Галичской стоянки удержали в большинстве случаев неолитические конусовидные формы с округленным дном, тогда как конусовидные сосуды Панфиловской стоянки в огромном большинстве случаев имеют дно плоское. Такое явление, вероятнее всего, об'ясняется географическим положением Галичской стоянки на довольно отдаленном севере. Обработка глины, обжигание галичских сосудов, повидимому, эвольвировали от неолитических волосовских приемов через панфиловские палеометаллические приемы; этим же путем, вероятнее всего, развился и галичский керамический орнамент.

Фигурные кремневые изделия в Галичской стоянке отсутствуют, но вместо их в ней имеются литые медные изображения, среди которых фигурируют изображения людей, животных, змей и др.; птицы же отсутствуют, но они отсутствуют и в Панфиловской стоянке, оставаясь только в Волосовской.

В Волосовской стоянке металла нет. В Панфиловской стоянке есть медь и, может быть, бронза. В Галичской стоянке есть медь, бронза, серебро и железо, при чем медь и железо обрабатывались на месте стоянки, а последнее из них выплавлялось из руды, добываемой, по всей вероятности, в соседних оврагах, богатых этим продуктом.

Формы жилищ всех трех сравниваемых стоянок одинаковы в том смысле, что они имеют одинаково вид землянок. Панфиловская землянка может быть производима от волосовской; галичская землянка более похожа на волосовскую, чем на панфиловскую: с первою она схожа и по величине диаметра, и по отсутствию входного коридора, но глубина ее гораздо менее; тогда как панфиловская землянка имеет одинаковую глубину с волосовской, а размер диаметра гораздо более.

Изучая сходства и различия сравниваемых стоянок, приходится заключить, что все они, не взирая на их отличия и разность возраста, принадлежат одной и той же народности, обитавшей в средней и отчасти в северной России несколько тысячелетий. Совершенно другое приходится сказать об отношении культур трех стоянок к четвертой среднерусской культуре, именно, Фатьяновской. Эта культура не имеет никакой связи ни с Волосовской, ни с Галичской; она имеет связь только с Панфиловской. Эта связь выражается в заимствовании Панфиловской культурой некоторых форм глиняных сосудов и способов более совершенного обжигания их. В русской археологии гораздо ранее открытия Панфиловской и Галичской стоянок было положительно установлено, что Фатьяновская культура является пришлою в средней России с сев. Кавказа. Открытие Панфиловской стоянки сильно подтвердило это.

Носители Фатьяновской культуры заняли среднюю Россию не пустою, а населенною носителями Панфиловской культуры, с которыми фатьяновцы и вошли в деловые сношения.

Допуская родовое единство народов, создавших в средней и отчасти северной России Волосовскую, Панфиловскую и Галичскую культуры, следовало бы определить расу этих народов, но, к сожалению, для такого определения в науке нет еще достаточных материалов. Найденные гр. А. С. Уваровым погребения Старшего Волосовского могильника не могут принадлежать к определяемым аборигенам, потомучто сопровождаются керамикой, совершенно несхожей с аборигенною средне и северно-русскою керамикой, а поэтому ссылаться на описание их не представляется возможным.

Заканчивая на этом предварительное изучение Панфиловской стоянки, считаем необходимым еще раз подчеркнуть ее большое значение в русской археологии. Культура этой стоянки является ярким связующим звеном между культурами неолитической и неометаллической эпохи, указывающим на то, что в средней России народ, создавший культуру волосовского типа, жил долго, перешел в этой стране в металлический период, выделяя и давая начало производным культурам, дожившим до ранней поры неометаллической эпохи. Полагая, что Волосовская культура существовала —около 5000 лет, Панфиловская — около 2500-2000 лет, а Галичская — около 1000-800 лет до н. эры, мы видим, что требуется еще многое, чтобы вполне связать эти культуры, представляющие из себя только вехи, ориентируясь на которые, предстоит пройти длинный исследовательский путь. Правда, большой интервал между культурами Волосовской и Панфиловской, в настоящее время, можно до некоторой степени заполнить Балахнинской культурой, повидимому, неверно отнесенной к неолитической эпохе. Время этой культуры определяется техникой керамики, которая выше, а следовательно, моложе волосовской, и отсутствием признаков влияния на нее Фатьяновской культуры, что указывает на ее большую древность. При таких условиях можно с некоторою натяжкою приурочить Балахнинскую культуру приблизительно к IV-му-тысячелетию до христианской эры или к концу ранней поры палеометаллической эпохи нашей классификации. Отсутствие в Балахнинской стоянке металла или случайно, или неслучайно. Если верно последнее, то культура должна быть неолитическим пережитком в металлическом периоде; явление весьма возможное и нередкое. Вводя Балахнинскую культуру в линию установленных хронологических вех, мы получаем для средней и отчасти северной России такую схему культурного развития: в конце неолитической эпохи (около начала V-го тысячелетия) господствует Волосовская культура; позже (около начала IV-го тысячелетия) ее сменяет Балахнинская; еще позже (во второй половине III-го тысячелетия) являются Панфиловская и современная ей пришлая с юга Фатьяновская культура. Далее следуют: культура старшего Волосовского могильника, время которого едва ли может выходить из второй половины II-го тысячелетия, культура Сейминская (XIV в.), Младшего Волосовского могильника (XI в.) и, наконец, Галичская (X-VIII в.), Дьяковская (III в. до и III в. по Р. Хр.) и современная родственная ей Городецкая, только что подарившая нам свою позднейшую дату в Троицко-пеленицком городище, Рязанской губернии, в виде серебряной монеты Савромата V (572 г. Ахеменидской или 276 г. христ. эры), заключительные культуры финская и славяно-русская. Таким образом, создается список культур, сменявшихся в хронологической последовательности, начиная с конца неолитической эпохи, в течение всего металлического периода на территории средней и отчасти северной России. Само собою разумеется, что этот список далеко неполон и несовершенен, но он теперь стал возможен и явился, что немаловажно для современной археологической науки.

$19^{12}/_{IX}$-25 г.
Г. Москва.

Табл. I

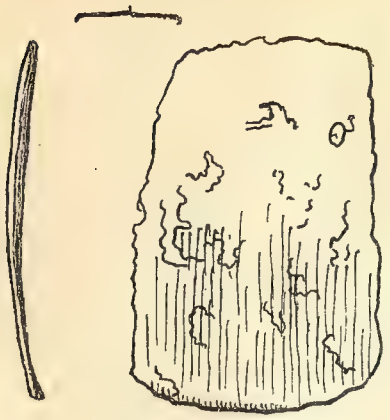


Рис. 1.

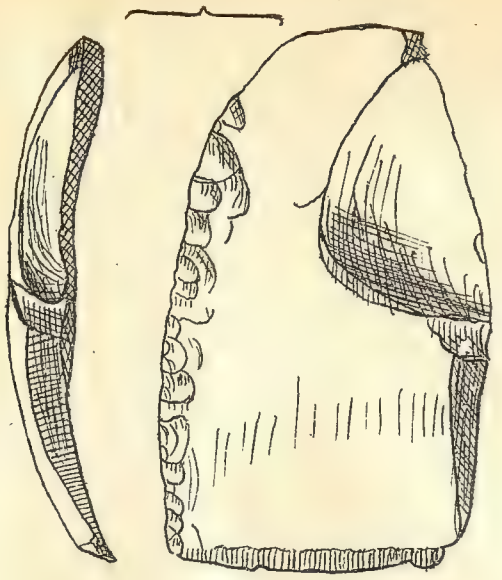


Рис. 2.

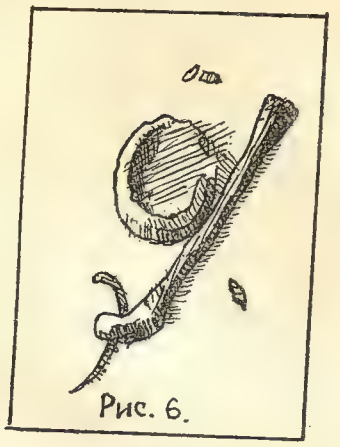


Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

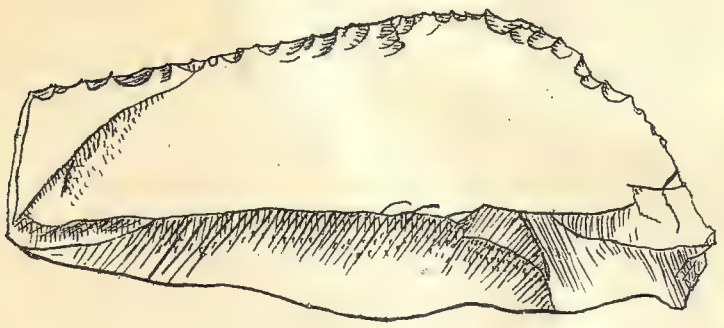


Рис. 11.

Рис. 9.

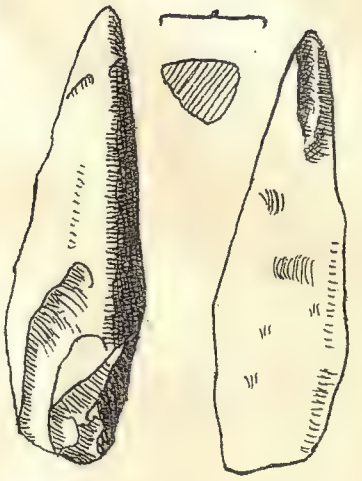


Рис. 10.

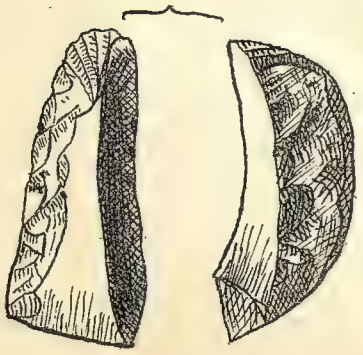


Рис. 12.

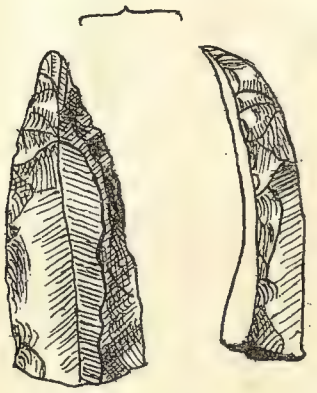


Рис. 13.

Пандфиловская палеометаллическая стоянка.

Раскопки проф. В. А. Городцова.

Табл. II.

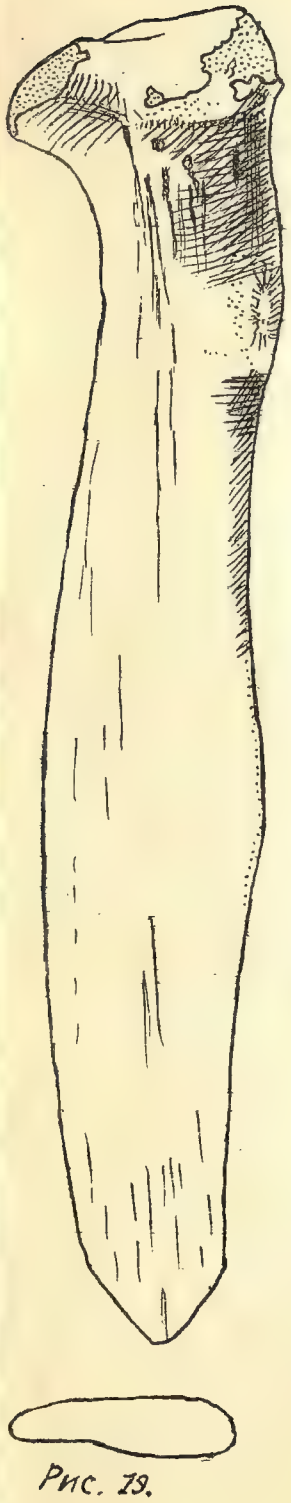


Рис. 19.

Рис. 14.

Рис. 15.

Рис. 16.

Рис. 17.

Рис. 18.

Рис. 20.

Рис. 21.

Памфиловская палеометаллическая стоянка.

Раскопки проф. В. А. Городцова.

Табл. III

Рис. 22.

Рис. 23.

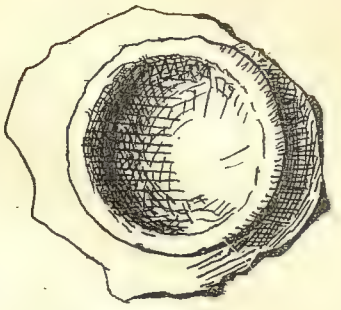


Рис. 24.

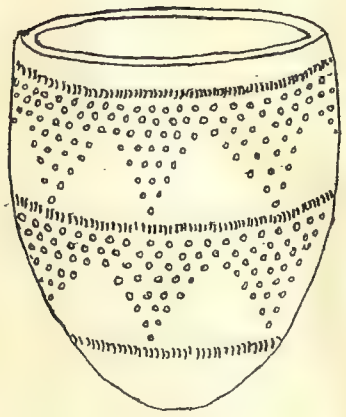


Рис. 25.

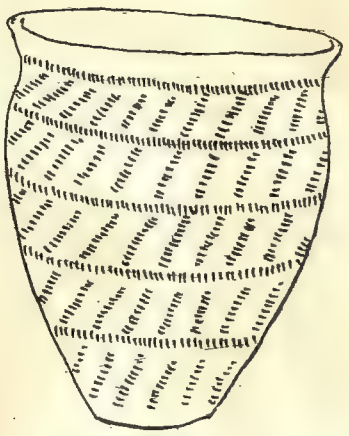


Рис. 26.

Рис. 27.

Рис. 28.

Панфиловская палеометаллическая стоянка.

Раскопки проф. В.А. Городцова.

Археологические исследования в окрестности Мурома.

Культура финнов средней Оки.

Ф. Я. СЕЛЕЗНЕВ.

Корниловский могильник.

В 1910 году был открыт финский могильник у дер. Подболотни, Муромского уезда, давший более 200 погребений. Ранее того были известны находки подобной же культуры около р. Максимовки, недалеко от Мурома, и у с. Урванова, Меленков. уезда. Это все по левую сторону Оки. Другая сторона, повидимому, позднее вышла из-под леса, и там до последнего времени не удавалось найти таких населенных пунктов, которые можно было бы связать с упомянутой культурой. Только в самое последнее время, именно осенью 1923 года, указанный пробел был заполнен открытием нового интересного могильника.

Последний находится в нескольких саженях от д. Корниловки, ниже Мурома верстах в 25-ти, против пристани «Монастырек». Правая сторона Оки в этом месте горная, высоко приподнятая над поймой и сливающаяся волнообразно с соседним плато. Почва, составляющая культурный слой, супесчаная и всюду лежит довольно тонким пластом; подстилающая масса—пестро-окрашенные глины: темная и красная с белыми прослоями; на склонах желтый слой местами сходит на нет и тогда поверхностная часть оказывается лежащей непосредственно на красном слое.

Пососедству немало оврагов, глубоко врезающихся в почву, и долин с болотистыми зарослями. Селения—Кондраковка, Ефремова и Ефанова—расположены последовательно от берега Оки по направлению к Корниловке по склонам оврагов с остатками леса. Последний большей частью состоит из смешанных пород, преобладает береза и ель; в низинах растет ольха. Сплошной сосны поблизости немного. Из рек здесь протекает одна Муромка, на которой стоит Корниловка.

Муромка—небольшая лесная речка, сажени 2 шириной, течет по оврагу весьма быстро; глубина ее незначительна.

Могильник раскинулся на Ю-В от селения и на Юг от названной речки; расстояние от последней около ½ версты. Поверхность с обоих указанных сторон сначала поднимается, а затем, за самым могильником, опускается слегка к оврагу. В настоящее время здесь пашня местных крестьян, но, повидимому, еще недавно был лес, следы которого остались в виде кустарника с елками. Севернее, саженях в двадцати, идет дорога из Корниловки, а к востоку находится кирпичный завод. Последний занимает склон к оврагу, где слой глины выходит прямо на поверхность. Благодаря выемкам почвы для глины и обнаружился могильник (табл. I, план № 1). Площадь, занятая некогда могильником, равняется приблизительно 1000 кв. саж. и тянется

с запада на восток. Если смотреть из указанной выемки,—а последняя идет на протяжении 100 арш. в только что названном направлении и почти столько же поперек,—то окажется следующий профиль: в восточной части над основной глиной идет черный слой толщиной в аршин и местами более, состоящий из перегорелой земли с углями и черепком, в западной — он переходит в пестрые пласты могильной насыпи. В первой части разведочные разрезы почвы не дали ничего, а во второй оказался могильник.

Ко времени настоящих исследований от многих рядов погребений уцелело только два. Погребения идут в строгом порядке в направлении от ЮЗ к СВ с неизменной ориентировкой на ССЗ. В первом ряду оказалось пять обыкновенных погребений и два по способу сожжения. Во втором—три детских погребения. СВ и СВ по внешнему кольцу идут конские погребения. Глубина прикрывающего пласта обычно около аршина и редко более; но два детских погребения—на глубине $1^1/_2$ ар., а животные зарыты еще глубже.

Рядом с детскими погребениями, во втором ряду, находятся, повидимому, еще человеческие погребения, хотя место это не велико: сажени две вправо до конского погребения, а влево могильник, кажется, прерывается совсем. С юга к погребениям подходит вышеуказанная выемка глины, захватывая могильник почти во всю длину; по другую сторону угла выемки, к западу, оказалось только одно погребение, по всей вероятности, конское (№ 10), которым, повидимому, тоже замыкается внешнее кольцо могильника. Южная часть местности за выемкой могильного слоя совсем не содержит.

Самая главная часть погребений, таким образом, оказывается уже уничтоженной. По показаниям крестьян, близких к кирпичному промыслу, здесь попадались бронзовые украшения, железные орудия и части конской утвари, в одном случае найден был прямой меч.

Внутри выемки кирпичниками оставлено два-три места, где содержание глины оказалось бедным из-за перекопанной почвы. Раскопки в этих местах однако ничего не дали, хотя напластование казалось характерным для могил с глубиною насыпного слоя от $1^1/_2$ до 2 аршин. Очевидно, могильник состоял не сплошь из погребений, а прерывался некоторыми промежутками нетронутой земли. По словам братьев Спириных и их отца, занимавшихся издавна кирпичным делом, в этом месте вещи из железа и бронзы, а также костяки попадались с открытия кирпичных работ, т. е. с самого начала выемки. Это дает возможность точнее определить границы могильника. Сохранность костяков, по этим сообщениям, иногда была настолько полная, что попадались черепа весьма крепкие с значительными остатками волос. Последние темно-русого цвета. Положение вытянутое, ориентировка всюду одинакова, т е. на ССЗ. С бронзой попадалось и серебро; мелких ценных вещей, в роде серег, не замечалось.

Из переданных Спиринымн вещей оказались: обыкновенные спиральные браслеты, такие же из более широкой полосы, части головного жгута, состоящего из спиралей, толщиною в палец, с берестовою трубкою внутри; части головного ремня, обвитого бронзовой полоской; части ремня $^3/_4$ дюйма ширины с обкладкой из узких пластинок; части тонкого ремня, украшенного трубочками и спиральками; части пояса, состоящего из 8-ми параллельных ремешков, обернутых спиральками в перемежку с пластинчатыми обоймами; височные кольца разных размеров из проволок, замыкающие концы которых представляют с одной стороны дырочку, с другой—крючечек; небольшая лунница с точечным узором по внешнему краю; привеска из 9-ти „лапок“ на общем основании со шнурковым орнаментом, и серебреная бляха из 4-х частей,

склепанных между собою, с отверстием посредине. Из железных вещей передано одно копье; топоры и долота переделывались крестьянами на мотыги и другие орудия. Меч не сохранился, как и многие другие вещи [1]).

В таком состоянии дошел до нас могильник Обследование его производилось нами в два приема с промежутком в несколько дней. Небольшое количество рабочих позволяло вести работу с соблюдением предосторожности и не спеша. Все находки зарисовывались и обмерялись, а во второй прием была применена и фотография.

Погребение 1-е. Костяк в последней степени разложения представлял взрослого человека в вытянутом положении. Руки запястьями близко к шее, локти книзу на небольшом расстоянии друг от друга. Несколько из сохранившихся зубов сильно стерты.

В верхнем углу погребения, слева от покойника, глиняный горшок средней величины ручной работы. Внутри горшка следы истлевшей кости. Рядом часть трубчатой кости крупного животного.

Несколько в сторону в области головы оказался шнур с колокольчатыми привесками в количестве 30-ти пар. Вся эта гирлянда представляла кольцо как бы смятое и разомкнутое снизу. Можно думать, что украшение не принадлежало покойному, а было положено с ним в виде дара. Шнур сохранился настолько, что мог выдерживать тяжесть всех привесок. Справа, на той же высоте, диагонально к погребению оказался пучок коротких волос, заделанный в бронзовую спираль, волосы темно-русого цвета. Ниже, несколько влево,—две пары височных колец 10 см. в диаметре, застегнутых с помощью ушка, и с подвесками треугольной формы. Благодаря тому, что кольца лежали почти друг на друге, можно думать, что они также были кем то положены или висели с одной стороны головы покойника. Ниже оказались 2 огромных спиральных браслета, верхние концы которых были сближены почти до касания, а нижние расходились. Ниже этих вещей, несколько вправо, горизонтально лежала серебреная бляха с крышкой диаметром 11 см. и представляла собой расплющенный до толщины обыкновенного железного листа диск. В середине отверстие 3,5 см., прикрытое крышкой на ушке, также круглой формы. В стороне, противоположной ушку, край крышки оттянут стреловидно и заходит на бляху. Поверхность бляхи ровная, хорошо отполирована, по внешнему краю имеется точечный орнамент в виде каемки; такие же точки более редко по всей крышке. Край на месте шва украшен елочным орнаментом так же, как и крышка (табл. IV, рис. № 11).

Справа на этой высоте 3 железных стрелы ланцетовидной формы со стержневыми укреплениями, положены остриями вверх.

В области нижней части груди, на расстоянии 4-х сантиметров,—пара массивных браслет с квадратным сечением с незамкнутыми концами. Ниже, в том же расположении, другая пара пластинчатых браслет и возле них серебреный перстень. Последний состоит из 3 колец, спаянных между собой в одной точке, в то время как другие их стороны расходятся. Пространство между последними заделано тонкой пластинкой в виде козырька.

В области живота, несколько вправо, ремни шириною в 3 сантим. Некоторые из них положены друг на друга, другие с расхождением в сторону. Внутри ремней оказалась бронзовая застежка, какие бывают на конской сбруе, тут же другая

[1]) Огромное количество бронзы было унесено кирпичными мастерами в д. Саванчаково, Муромского уезда. Сообщения рисуют возмутительную картину разрушения и расхищения памятников. Замечательно, что никто не удосужился сообщить об этом, куда следует.

железная застежка квадратной формы и несколько кусочков железа, плохо сохранившегося. Составлялось впечатление, что все это принадлежало конской утвари, в роде уздечки.

Около правого бедра 2 узких небольших ножа, остриями вниз, и другое орудие со втулкой с одной стороны и с плохо сохранившимся другим концом; скобка неизвестного назначения и 4 стрелы прежнего типа, остриями вниз, под ними кусочки истлевшей кожи. В области лона друг на друге 3 куфических монеты: 2 средней величины и 1 маленькая. Цвет первых совершенно белый, поверхность сильно стерта (надпись видна местами), третья коричнево-красного цвета сильно попорчена от времени, с едва заметными следами чекана. Первые из указанных монет оказались саманидскими, а последняя аббасидская (IX и X в.).

В области ног топор узкой формы со щековицами, долото и копье Первое из указанных орудий лезвием ко дну могилы, а два последних—параллельно погребению, остриями вниз (табл. I, рис. № 1).

Вдоль правой стороны погребения шла полоса от перегнившей древесины, части таковой же оказались и внизу под костяком.

Погребение покоилось в желобковатой яме, проделанной в основном грунте, размером 2×1 м. Сверху насыпь толщиной в аршин. Слой земли серого цвета с примесью глины и небольшого количества углей.

Погребение 2-е. На В от первого погребения, на расстоянии 30 см. от него, оказалось второе погребение. Здесь от костяка почти ничего не сохранилось, за исключением нескольких зубов. Последние слегка стерты. Судя по вещам, оказавшимся при погребении, положение вытянутое. В левом углу, на высоте головы, горшок прежнего типа без каких бы то ни было следов остатков пищи.

В области головы, поперек погребения, украшение из привесок, как и при первом погребении, на шнуре, но число привесок меньше—22 пары. Ниже, по сторонам, небольшие лунницы, без подвесок, и височные кольца в количестве 3-х пар, диаметром меньше прежних; остатки головного ремня со спиральками и остатки спиралей от головного жгута расположены приблизительно поперек бывшей головы. На месте шеи ожерелье из желтых бус и пронизок из синего стекла, а также—шейная гривна. Последняя представляет массивный бронзовый обруч с крученым орнаментом, размером 12 см., на концах имеются застежки: с одной стороны петля, с другой—четырехгранная шляпка. Грудной бляхи не оказалось. В области груди находился массивный браслет с заведенными друг за друга концами. Справа и слева от него другая пара пластинчатых браслет, по положению которых можно было судить, что руки были сложены, как и в современных погребениях. На месте кистей рук оказались спиральки, служившие кольцами. В области живота, параллельно друг к другу, находились две подвески с привесками в форме гусиных лапок на цепочках.

Десятью сант. ниже, в таком же расположении, находилась другая пара привесок, подобных первым, с той лишь разницей, что здесь гусиные лапки прикреплялись к основанию непосредственно с помощью ушков (табл. I, рис. № 2).

Никаких железных орудий не было. Под всеми вещами сохранились остатки луба, служившего подстилкой.

Погребение надо считать женским.

Погребение 3-е. На З от первого погребения на таком же расстоянии оказалось еще погребение, крайне бедное по количеству вещей. Кроме горшка и топора, находившихся по концам могильного ложа, при погребении было найдено железное

кольцо сплющенной формы, бронзовая застежка в виде палочки с ушком по средине и серебреный перстень, подобный таковому же при первом погребении. Все последние вещи находились приблизительно в области живота. От костяка не было и следа.

Погребение 4-е. К З от списанного оказалось погребение девочки. Из костяка уцелела нижняя челюсть с небольшим числом зубов, принадлежащая ребенку 6-7 лет, и части черепа и ребер. Горшок был не с левой, а с правой стороны и не стоял, как обыкновенно, а оказался опрокинутым. Из украшений найдено: серебреная нагрудная бляха с крышкой такого же типа, как и в первом погребении, и пара лунниц из серебреных пластинок. Бляха хорошо отполирована и имеет точечный орнамент по внешнему краю; на крышке точками же выведен геометрический рисунок. Лунницы имеют гладкую поверхность без орнамента (табл. IV, рис. № 12).

Из бронзы: части пластинчатых браслет с легким орнаментом линиями, 2 колокольчатых подвески, остатки височных колец со спиральными и другими подвесками, части ожерелья из двойных треугольных привесок на общем основании. Последние чередовались с пронизками из цветного и прозрачного стекла, сердолика и бронзовых шариков. В области головы оказались остатки жгутов со спиралями, внутри которых истлевшая шерсть или волосы; жгут постепенно утончался, напоминая косу. Здесь же против висков находились симметрически расположенные привески в виде полосок с подвесками гусиной лапки. От той и другой привески шел узенький ремень, украшенный бронзовой спиралью. Под вещами находились остатки луба.

Погребение 5-е. Еще западнее предыдущего погребения, по той же линии, на расстоянии 30 см., оказалось женское погребение. Здесь сохранились некоторые кости: нижняя челюсть с зубами (последние довольно сильно стерты), части верхних головных костей, несколько шейных позвонков, ключицы и остатки костей рук с браслетами и кольцами. Руки скрещены на груди. Пара браслет спирального типа на обычном месте, другая пара пластинчатых браслет рядом с первою также надета на кость. На безымянном пальце спиральное кольцо. На груди большая бляха с крышкой, подобная вышеописанным серебреным. По остатку шнурка в последней удалось проследить способ укрепления этого украшения. После того как открыта была бляха, под ней оказалась материя из тонких шерстяных ниток красноватого цвета с зеленым и синим оттенком, что, вероятно, происходило от присутствия окиси меди. Цвет материи от воздуха быстро потемнел и сама материя как бы обуглилась.

Выше, по обоим сторонам головы, находились части височных колец среднего диаметра без подвесок и ниже — немногочисленные части ожерелья из двойных подвесок треугольниками.

Нижняя часть погребения оказалась уничтоженной выемкой, почему от украшений ниже груди ничего не осталось. Подстилкой, как и везде, был луб. Горшок отсутствовал.

Погребение 6-е. Выше линии описанных погребений, в головах первого погребения, с той же ориентировкой, на глубине $1^1/_2$ метров оказалось двойное детское погребение. Слева лежал младенец, повидимому, женского пола, а справа—мужского. В промежутке в опрокинутом положении маленький горшечек, а в ногах, в сторону второго погребения—в два ряда 5 таких же маленьких горшечков, при чем в одном из них оказался совсем маленький—шестой горшечек.

От первого младенца сохранилась нижняя челюсть с некоторыми зубами и части верхних головных костей, затем некоторые позвонки, ребра и кости пальцев. Сохранилась часть кисти правой руки с пальцами — большим, указательным и средним (последние два украшены кольцами).

На груди бронзовая ажурная бляха в виде круга с лучистым рисунком; по нижнему краю несколько ушков, но без подвесок; в центре—язычек для застегивания (табл IV, рис. 10). По обе стороны бляхи жгуты, украшенные спиралью и желтыми бусинами с верхнего конца, а с нижнего—сложными колокольчатыми привесками. Маленькие височные кольца были расположены симметрически по сторонам по 5-6 шт. с каждой, на некоторых из них спиральки, а на одном—перстень, похожий на настоящий; на шее ожерелье из желтых бус и цветных стеклянных пронизок Вокруг головы шел узенький ремень, обложенный тонкими пластинками, по концам которого против правого и левого виска—подвески с треугольными привесками. Последнее украшение напоминало головной убор девочки в четвертом погребении.

Положение вытянутое. Сохранившаяся рука лежала на грудной бляхе.

От костяка правого младенца сохранились кости черепа, именно: часть затылочной кости, шейные позвонки с частями мускульной ткани и части ребер. Подстилкой служил луб. Украшения следующие: по две пары малых пластинчатых браслет таких же, как и в предыдущем случае; сложно-колокольчатые привески, висевшие на жгутах, маленькие височные кольца и ожерелье из двойных подвесок треугольниками, в перемежку с перламутровыми и из белой пасты пронизками. Грудной бляхи не было. Сохранилась часть русых волос.

Судя по положению браслет, руки должны быть полувытянутыми, кисти сходились в нижней части живота (табл. II, рис. № 3).

Погребение 7-е. Восточнее предыдущих, на глубине 20 см., с положением на ССЗ оказалось еще детское погребение, по счету третье, очень малое по размерам: все вещи, найденные при нем, укладывались в четырехугольник длиной в 15 и шириной в 10 см., за исключением двух горшков, которые стояли вне, слева от погребения. Последние малого размера, поставлены рядом против головы.

От костяка сохранились части затылочной кости и остатки височных костей весьма малого размера. Поперек головы шел узкий ремень со спиральками, справа и слева от него—части височных колец, диаметром средней монеты. Шею украшали бусы из синей пасты В области груди спиральное кольцо с фалангой пальца правой руки свидетельствовало о положении рук в этой части. Правее и левее от этого, на расстоянии 10 см. друг от друга, браслеты из массивной бронзы с отогнутыми концами; размер маленький. В области ног параллельно одна другой две небольшие подвески с тройными привесками из пластинок в виде четырехугольников на колечках. Под погребением остатки подстилки из луба.

Погребение 8-е. Ниже погребений первой линии шли еще погребения, уничтоженные при выборке глины. Часть их, благодаря повороту ямы, сохранилась. Здесь оказалось большое количество золы и угля с перегорелыми костями.

Между последними некоторые части имели вид трубчатых костей человека. Из инвентаря оказались следующие железные вещи: топор, копье, пешня и нож. Все эти орудия были расположены веерообразно неподалеку друг от друга и, благодаря зольному и угольному пласту, великолепно сохранились. Несколько выше этих предметов в направлении к северу оказались мелкие железные вещи: два кольца, напоминающие таковые же от конской утвари, кольцевая фигура, несколько сплюснутая, застежка и точильный брусок. Вещи лежали по одной линии с юга на север.

По всей вероятности, здесь имелось трупосожжение.

Погребение 9-е. К З от предыдущего было новое погребение, весьма невразумительного свойства. В обычном направлении намечалось могильное ложе на глубине,

как и у других взрослых погребений. На дне—остатки луба со следами большого количества тонкой совершенно истлевшей меди, оставшейся в виде бесформенной зелени. Местами выступала как бы толстая материя коврового типа, были также остатки веревок, кажется из мочалок, и части ремня шириной 3 см., украшенные бронзовыми узкими пластинками. В С конце ямы оказался такой же ремень длиной в 60 см., свернутый широкой спиралью; последняя давлением почвы сплюснулась. В южном конце—бляшки: пара ажурных прямоугольных в дюйм шириной и несколько более в длину, пара сложных подвесок с привесками в форме гусиных лапок, бляшка в виде диска с привешенными к ней колокольчатыми подвесками на цепочках, узенький ремешок со спиральками и часть холстины с остатком бронзовой обхватки; железное шило, нож, два кирпичика из красной глины 5×3,5×2 см. с вдавленным рисунком каемкой,—повидимому, части литейной формы. Несколько сбоку остаток трубчатой кости человека (руки).

Погребение 10-е. Описанными погребениями могильник в восточной части, повидимому, заканчивался. Пробные траншеи дали угли, черепки и в одном месте стрелу и нож. Можно было думать, что только что названные находки указывают на места поминального обряда в роде тризны. Однако кнаружи, в восточном направлении от помянутых находок, оказалось еще погребение - конское.

На глубине около 1½ метров представилось следующее. На основном грунте ямы (форму могилы не удалось определить) лубяная подстилка, а на ней направлением к востоку трубчатые кости ног животного, расположенные так, как будто бы последние были связаны. Тут же оказались топор и нож. К западу от костей, в области предполагаемой спины коня, бляхи типичной конской утвари; далее, кусочки кожи очень хорошей обработки, сохранившей форму седельной обшивки. Кожа украшена бронзой, некоторые части прошиты проволокой в цепочку. Здесь же оказались железные кольца, типичные для подпруг, и железный крюк, повидимому, от седельной луки. К югу, на месте воображаемой головы,—части ремней, при чем при одном из них оказалась бронзовая пряжка, а при другом—посеребреная бронзовая личинка, какие бывают на концах; часть украшения в виде трубочки, подвеска колокольчиком на цепочке и три бляшки из двойных дисков с ушками. Ясно, что это уздечка, хотя удил при ней не оказалось. Однако здесь можно было заметить пятно от железа, обратившегося в руду (табл. II, рис. № 4)

Погребение 11-е. На противоположном конце могильника, именно в З его части, пробные траншеи дали результат близкий к описанному. Здесь на такой же глубине оказалось тоже погребение животного, но не целиком, а в сожженом виде. Остались только части копыт со следами огня. Из вещей—топор и нож, другой нож в слое несколько выше, затем горшок, внутри которого остатки истлевших бронзовых спиралек; часть веревки, украшенная бронзовыми спиралями, находилась на дне ямы, неподалеку от горшка. Луба не было. Несколько в сторону от упомянутых вещей—трубчатая кость некрупного животного, в роде овцы. Данное погребение можно отнести к разряду жертвенных.

Могильник у д. Ефанова.

Следующим за Корниловским пунктом поселений Муромы на правом берегу Оки является место по той же речке Муромке, верстах в 5-ти ниже предыдущего пункта, считая по течению. Здесь, именно против селения Ефанова, на С от названной речки идут волнистые поля из обнажений желтой глины, чередующихся с на-

носами песка и с сохранившимися остатками некогда сплошного бывшего здесь леса. Весной почва легко размывается и сносится ручьями, благодаря чему пососедству видны овраги и котловины с провальными ямами.

Около 1900 года были случаи нахождения соседними крестьянами медных вещей, о чем в свое время было отмечено в соответствующей литературе [1]).

В июне 1924 года эти места были осмотрены и обследованы. Поле, носящее у Ефановских крестьян название „Смородинника", и соседний склон — „Глинки" — были прорезаны многочисленными пробными колодцами, особенно в тех местах, где и верхние слои обнаруживали жилые остатки: темную почву с черепком и углем. Признаки близости могильника оказывались на-лицо, но действительного обнаружения последнего пришлось ждать долго. Работе мешала твердая и сухая глинистая почва. Только несколько ближе к р. Муромке, между „Глинками" и „Смородинником" напали на погребение. Оно состояло из горшка синей глины, сделанного с помощью круга, формы современного „кашника" с загнутыми губой краями, поставленного дном вверх, и небольших остатков железа, совершенно потерявшего форму сделанной из него вещи. Глубина могилы — обычная для Корниловки: около 1 метра, ориентировка, судя по остаткам железа и горшку, головой на С от костяка остались лишь незначительные следы на дне могилы в виде серых пятен.

Попытки открыть новые погребения по соседству с находками не дали ничего, хотя почва всюду оказывалась характерно перепластованной; на предельной глубине попадаются зола и уголь с черепками.

Могильник, повидимому, весьма бедный. Крестьяне, по словам старожилов, находили бронзовые вещи вблизи этого места во время пашни. Судить о форме находимых предметов по смутным описаниям не представляется возможным. Можно думать, что это были украшения из женских могил, близкие к Корниловским.

Могильник у Перемиловской пустыни.

Те же рассказы Ефановцев о нахождении вещей у «затона» близь Перемиловской пустыни дали повод к поискам нового могильника, который действительно и был найден.

Могильник занимает берег старицы Оки, носящий местное название „затона", в ста саженях от впадения в нее Муромки. Несмотря на высоту от уровня реки (сажен 15), место это весной потопляется и постепенно разрушается. Основной профиль берега состоит из красной и желтой глины с прикрывающим пластом подзола. Последний имеет толщину несколько более метра. Вглубь от берега местность постепенно поднимается также волнообразно и покрыта лесом, преобладающими породами которого являются хвойные. Севернее, в направлении устья Муромки, идет понижение, хотя слой подзола и здесь остается прежней толщины; понижение идет, очевидно, за счет подстилающих глинистых пластов.

Предварительно было обследовано место от устья Муромки до указанного пункта по пойме, вдоль „затона". Здесь в ста метрах от названной речки, в отмоинах берега было найдено бронзовое копье небольшого размера. Далее, за землянкой, против строющегося парохода, в берегу обнаружилось погребение: виднелся головной жгут с бронзовыми кольцами, височное кольцо и, позеленевший от меди, череп. Глубина несколько менее метра. Голова направлена на СЗ. Из черепа уцелела почти вся верхняя часть, кроме лица, и нижняя челюсть.

[1]) Н. Г. Добрынкин в описаниях древностей Муромского уезда.

В виду рыхлой супесчаной почвы удалось отпрепарировать погребение весьма удачно. Головной жгут опоясывал череп от лба до затылка; в затылочной части имелось укрепление в виде пуговицы. Последняя с выпуклостью и имеет в средине отверстие, сквозь которое продевался шнур с уцелевшим узлом, указывающим, каким образом все это было прилажено к головному убору. Тут-же под жгутом сохранилась холстина и остатки матерчатой ленты шириной в 1½ см. Это, очевидно, также относилось к приспособлению для подвязывания жгута.

По сторонам черепа находились височные кольца по одному с каждой. Кольца массивнее Корниловских и сделаны из граненой перекрученной бронзовой проволоки, концы—у одного встык, без запора, у другого запор с ушком. Диаметр колец средний—7½ см.

Рядом с черепом, против лев го виска, оказалась кремневая стрела средней величины довольно тонкой работы и кремневый же небольшой скребок, затем—черепки с сетчатым орнаментом. Последние попадались вообще в почве над погребением Далее, оказалось несколько костей — шейные позвонки и ключица; все это подстилала древесина, тонкий слой которой сохранился не осредственно под черепом, имея на себе следы истлевшей материи— шерстяной или льняной—сказать трудно. Никаких других предметов в виде украшения или орудий при погребении не оказалось, также не осталось и других костей от скелета. На дне могилы заметно было присутствие золы и угля.

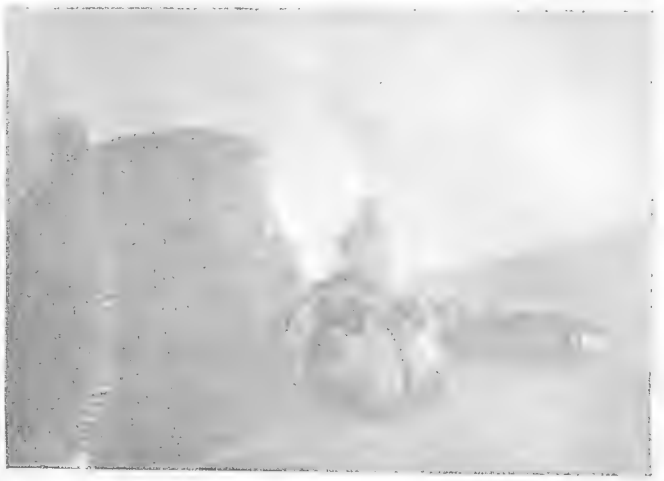


Рис. № 5.

Находка зарисована в ее первоначальном положении с трех сторон (рис. № 5).

Погребение 2-е Впереди только что описанного погребения оказалось второе погребение; глубина и ориентировка те же. Сохранились остатки черепа и височное кольцо прежнего типа и размера, со сведенными концами без запора. Под погребением довольно большое количество золы и угля без всяких других остатков.

Погребение 3-е. Пососедству с первым погребением, восточнее его, вглубь берега оказалось второе погребение на той же глубине с хорошо сохранившимся черепом. Последний имеет длинную форму с покатым лбом; в нижней челюсти сохранились передние зубы, для корневых же в кости не осталось и гнезд, как это бывает у очень старых суб'ектов. Из украшений имелись два толстых кольца диаметром 9 см. с замкнутыми концами без запора. В левом верхнем углу могилы глиняная чашка диаметром 23 см., высотою 12 см., сделанная довольно хорошо, хотя о применении гончарного круга можно сомневаться.

Погребение 4-е. Почти против предыдущего, на север, оказалось погребение не совсем взрослого человека; сохранился почти весь череп, в противоположность первому—короткоголового типа. Нижняя челюсть с чрезвычайно низким подбородком. Инвентарь следующий: в верхнем лев м углу погребения небольшой величины горшечек с узким горлом, диаметром 6½ см., высота 8½ см., диаметр в средней части 10 см. Ниже горшка глиняная пряслица. В области живота браслет из бронзовой пластинки с линейным орнаментом; ширина его у концов 1½ см., в средине 0,8 см., большой

поперечник 5½ см., меньший 4½ см, концы имеют „губки". В стороне, несколько ниже, оказались бронзовые щипчики длиной в 5 см., шириной у рабочего конца 1,2 см., у заднего 0,7 см. Инструмент сделан из пластинки, перегнутой пополам. На месте поясницы оказалась обойма из листовой бронзы прямоугольной формы, с выпуклыми выведенными точками по краям, по три в ряд. Поперечник вещицы 0,8 см. Неподалеку серебреная бляха с шестью привесками бокальчатой формы. Сама бляха представляет диск, вылитый по модели из проволочной сканьи в виде концентрических кругов. В середине имеется отверстие и язычек для застегивания. Вес вещи 120 грм.

Погребение 5-е. От предыдущего погребения была проведена траншея вглубь плато от берега на СВ длиной 7 метр. и шириной 1½ метра до глубины основного грунта (около 1 метра). По длине всей траншеи на глубине нескольких сантиметров оказался тонкий угольный слой, а далее та же серая перепластованная почва с черепком и изредка углями. Черепки все с матерчатым орнаментом. Попадались также кремневые осколки и настоящие орудия из этого материала: 3 небольших стрелы и 2 скребка; попадались также кости животных,—плохо сохранившиеся.

От конца этой траншеи, под прямым углом к ней, на ЮЗ проведена другая, вначале которой оказалось, повидимому, конское погребение: найдены остатки трубчатых костей и зубы лошади, без всяких однако вещей. Далее, оказалось человеческое погребение с остатками черепа на обычной глубине и с прежней ориентировкой. Из инвентаря—одно правое височное кольцо из бронзы, сделанное из толстой проволоки, без замка, концы всрез, диаметр—5 см. Это скорее был браслет, хотя назначение его иное. Слева от черепа, на расстоянии 10 см., куча горелых или вареных костей некрупного животного, повидимому, овцы. Кости имеют серый—почти белый цвет, раздроблены и деформированы от действия огня. Сожжение животного, повидимому, происходило вне могилы, т. к. при костях совсем не было углей, хотя присутствие золы заметно.

Погребение 6-е. Выше черепа предыдущего погребения оказались трубчатые кости следующего погребения; кости с той-же ориентировкой выступали вперед. В виду того, что последнее погребение уходило несколько вниз, можно думать, что оно и являлось более ранним. Остатки скелета удавалось проследить до черепа, вещей однако никаких не оказалось. Череп закатился сильно назад, так что темянная его часть оказалась внизу, а лицевая смотрела вверх. Из инвентаря—одно кольцо у правого виска, но это скорее детский браслет из толстой проволоки.

Против груди слева другая куча перегорелых костей, раздробленных и изменившихся, почему и нельзя было определить, человеческие это кости или животных. Вместе с ними оказались следующие вещи: 1) части бронзовой спиральки, повидимому, ручное кольцо, 2) железное небольшое кольцо, как бы от конской утвари, 3) железная фибула, 4) железная пряжка, 5) глиняная пряслица, 6) две бронзовых фибулы и 7) небольшой железный нож. Несколько выше, ближе к голове, пососедству с горелыми костями—12 шт. бусин из красной пасты и одна из синего стекла кубической формы с притупленными углами. Все эти вещицы располагались без всякого порядка. Получалось впечатление, что могильник идет не сплошь, а группами. Горшки с пищей попадаются не везде и почти совсем не оказалось железных орудий, [1]) за исключением двух вышеуказанных ножей. Вследствие этого нельзя в точности установить, какие погребения специально мужские и какие женские, за исключением погребений 1-го и 4-го, каковые нужно считать женскими.

[1]) По слухам, рабочими при рытье землянки находились железные копья.

Каменные орудия, найденные в 1-м погребении, можно считать за предметы знахарства или в значении другого рода пережитков; однако, некоторые стрелы и скребки, а также кремневые осколки и черепки с матерчатым орнаментом довольно загадочны Была ли эта вторая культура, более ранняя,—настоящий «Каменный век» или сам могильник следует считать древним? Синие и красные бусы встречались и в Корниловском могильнике. Серебреная бляха (четвертое погребение) напоминает Подболотский тип.

В других могильниках обычно встречались черепки одного типа с цельными горшками. Здесь черепки с матерчатым орнаментом отличались от цельных сосудов. Одинокой стояла находка бронзового копья. Стрел и копий из железа совершенно не оказалось. Одним словом, в могильнике оказались особенности, но сделанных наблюдений оказалось недостаточно, чтобы примирить указанные факты и вывести должное заключение.

Могильник у р. Максимовки.

В СЗ части Муромского уезда протекает речка Максимовка, впадающая в р. Ворозиму и затем в Ушну. Максимовка принадлежит к числу самых малых речек, которые в летние жары не пересыхают только в наиболее глубоких местах. Обычная ширина речки 2-3 метра, а по глубине почти всюду ее можно перейти вброд; исключение представляют лишь омута—ямы, где и водится рыба. Весной Максимовка не разливается, а представляет на некоторое время непереходимый шумящий овраг с мутной снеговой водой.

От д. Лесникова до д. Бердишево Максимовка течет почти на север и лишь у д. Голоперовки делает небольшой изгиб на В. Здесь берега ее довольно высоки, особенно правый, и ежегодно отмываются. Слагающая их желтая глина становится крепкой только в сухое время года, а в дождливое, особенно весной, делается крайне слабой и разрушающейся.

Летом 1923 года Голоперовский крестьянин Николай Андреевич Тихомиров, после обвала берега против своей усадьбы, нашел несколько железных вещей и одну из бронзы. Среди первых оказались весьма малой величины кельты, молоток, кузнечные клещи, ножи и обоймы, а второй — височное кольцо. Все эти вещи в марте 1924 года были доставлены в Муромский музей, а в сентябре произведено было обследование на месте.

На обвалившемся берегу оказался край могильника, раскопанного в свое время Нефедовым. Во время производства работ названным ученым здесь стоял помещичий двор; раскопаны были места, свободные от построек. Теперь бывшая усадьба обращена в крестьянскую пашню, и необходимо было напасть на нетронутые места. Одним из таких оказалось место, занимаемое некогда амбаром, площадью 6×5 м. Оно отстоит от Максимовки на расстоянии 20 метров, считая от русла, а от берегового откоса еще менее. Здесь были проделаны две траншеи: одна прорезывала место с запада на восток, по северному краю бывш. амбара, а другая перпендикулярно к первой—с С на Ю по восточному краю.

В верхнем слое серой рыхлой почвы попадались остатки позднейшего помещичьего хозяйства: битые и цельные бутылки, конские ремни, обыкновенные гвозди. Дальше, на глубине нескольких сантиметров почва становилась компактной с характерным могильным перепластованием и вкраплением угля с древними черепками.

Погребение 1-е. В траншее № 1, на глубине около 1-го метра, с ориентировкой на С оказалось детское погребение. В верхнем конце могилы стояло три горшка средней

величины, ручной работы, расположенные так, что их можно вписать в треугольник вершиной вниз. В одном из горшков под некоторым слоем земли оказался перстень из серого металла обычного для Муромлянской культуры типа. На расстоянии 1 м. от горшков к низу погребения, почти один на другом, лежали два детских браслета из массивной бронзы с заведенными и несколько расплющенными концами, диаметром в 5 см. Несколько правее тонкая спираль из белого металла под острым углом к оси погребения, и на некотором расстоянии обесформившееся железо. Против этих вещей, с противоположного бока, железное кольцо диаметром равное указанным браслетам. Ниже всего этого, поперек погребения, оказался кожаный пояс шириной в 1,5 см., опоясывавший труп два раза и завязанный на спине с помощью особых ремешков. На поясе на расстоянии трех см. друг от друга бронзовые прямоугольные бляшки 2×1½ см. с узенькими прорезками по длине. Спереди пояс имеет несколько свешивающихся концов, как у современных кавказских, с украшающими личинками длиной в 2 см. и шириной 1½ см. каждая, формой напоминающими карточный знак „треф", с овальной прорезью внутри. Между ремнями пояса сохранились остатки шерстяной не совсем грубой ткани и под ней другой — холщевой, более тонкой, с остатками позвоночников и других костей внутри. Снизу к поясу прилегали остатки древесины в виде тонкого слоя, на котором покоилось погребение. Несколько ниже поясов, слева, вдоль погребения лежал нож с костяной ручкой, острием вверх. Книзу на расстоянии 15 см. от него по той же линии—продолговатое железное кольцо—фибула и параллельно ему с другого бока еще почти такое же. Несколькими сантиметрами ниже справа и слева в симметрическом порядке 2 пары бронзовых бляшек из двойных дисков с ушком между ними: 1 пара, выше лежащая, покрупней (диаметр диска 2 см.) и другая помельче (1½ см.).

Все вещи, кроме горшков, расположены по погребению на длине ¾ метра.

Развитие траншеи в обе стороны — на восток и запад за пределы места, быв. под постройкой, ничего не дало.

Погребение 2-е. Траншеей № 2 захвачено другое погребение на глубине 0,5 м. с ориентировкой на З Из костей сохранились почти целиком верхняя часть черепа и нижняя челюсть с зубами мало стертыми, трубчатые кости ног, правой руки и часть позвоночника. Кости—взрослого человека; положение вытянутое, правая рука на лоне. Ни горшка, ни других предметов при погребении не оказалось. Погребение напоминало христианское, хотя глубина его обычная для финских.

Из вещей, доставленных Н. А. Тихомировым, прежде всего, заслуживают внимания 2 кельта. Первый из них имеет размер: в длину 7 см., ширину 4,5 см., при ширине втулки 3,5 см. Второй—8,5×3×2,5 см. Втулки не сведены в трубку, а представляют собой простой загиб краев полосы, из которой делалась вещь, для обхвата древка. Самые орудия отличаются от настоящих кельт, находимых в других могильниках окрестностей Мурома, и имеют, кажется, назначение позднейшей „скребки" для рытья земли, очистки пола от грязи и т. д.

Следующая вещь—молоток. Длина его 9 см., ширина посредине 2,5 см , диаметр одного ударного конца—2 и другого—1,5 см. Величина, следовательно, очень небольшая; небольшая же 4-х гранная дыра в средине указывает, что орудие присаживалось на рукоятку с помощью гвоздя, а не вдеванием на рукоять, как обычно.

Далее, клещи, сделанные из узкой полосы железа, длина 30 см., хватательный конец, как у гвоздевых клещей. Орудие все же следует отнести к кузнечному типу.

Ножницы, сохранившиеся весьма плохо, также узки, длиной 16 см. без колец, напоминают соответствующий инструмент для резки железа.

Частью неизвестного орудия является полоса железа с расплющенным стреловидно концом, обломанная с обоих сторон (длина оставшейся части 19 см.)

4 шт. петлеобразных из узкой железной полосы обойм длиной 7—9 см., ширина просвета 2,5 см.

Последней из железных вещей является крючок длиной в 9 см., похожий на кочедык, но весьма круто загнутый (от седла).

Бронзовое височное кольцо средней величины, сделано из тонкой проволоки с запором обычного типа: на одной стороне ушко, пробитое в расплющенной части конца, на другой — крючок.

В виду незначительности материала только что описанного могильника, трудно говорить об особенностях последнего. Бронзовые вещи почти все можно отнести к Подболотскому типу; железные кельты (скребки) в этом виде едва ли можно считать исключительно древними. Монеты, найденные по соседству, всего вероятнее, принадлежали населению, хоронившему своих умерших здесь, у Максимовки, и являются, поэтому, датирующими. Первым местом по находкам упомянутых монет является соседнее поле дер. Бердишева, на СВ от Максимовки; вторым—Савковский клад.

Савковский клад.

В июне 1924 года учительница с. Н.-Котлиц Красильникова обратилась в Муромский музей с предложением нескольких монет, принесенных ей учеником из соседней деревни Савкова—Елисеевым. Таким образом, в наших руках оказалась часть клада, о котором будет речь ниже. Обследование находки на месте выяснило следующее:

В мае названный Елисеев Иван, 14-ти лет, пахал поле и сохой выворотил монеты. На месте, где была находка, на глубине 10 см. от поверхности найдено было дно горшка диаметром около 9 см. и другие черепки темно-серого цвета ручной работы; на некотором расстоянии от этого еще монеты, несколько штук которых ржавчиной были спаяны в столбик. Почва темного цвета с большим количеством перегноя. Ниже стали попадаться еще черепки и угли, а также кости домашних животных, именно овцы, затем куски золы, спекшейся с железом и отдельно, а также печная глина. Черепки совершенно другого типа, чем верхние: светлосерые, тонкие, станковой работы, верхний край (горлышко) с крутым отгибом, как у современных корчаг; судя по кривизне последних, сосуды имели открытый диаметр 20-25 см. Орнамент—бороздками на „пузе“, в одном случае, кроме того, зигзагообразная линия. В глине заметно присутствие золы, один бок подмазан чистой глиной; закалка довольно хорошая.

Далее, попалась часть орудия из плотного известняка длиною 8 см., толщиной 1,5 см., шириной у отломанного конца—2,5 см. Орудие хорошо отшлифовано, к концу сходит остро. Предмет напоминает долота из неолита, в роде тех, какие найдены были на Ушне (у Камитова).

Ниже, на глубине 1 метра, почти на границе основного песчаного слоя, оказался скелет ноги молодой лошади и рог бычка, а также другие кости крупных животных, б. ч. раздробленные.

Место, где оказался клад, находится на левой стороне р. Максимовки в расстоянии около 60 метров от нее, и около пол-километра от описанного выше Максимовского могильника. Поверхность полевого участка здесь резко окрашена в темный цвет и имеет все признаки древнего жилья. Расположено место на невысоком пригорке, идущем параллельно речке, и отделено от последней долиной с остатком болотца—следы прежнего русла Максимовки. Благодаря наклону участка, почва его ежегодными вспашками постепенно сносится к указанному долу, в результате чего и был выпахан клад.

Клад, как можно было заключить из оставшихся на его месте черепков с частью горшечного дна, был заключен в сосуд названного типа, поставленный над тем местом, где были закопаны упомянутые кости, свидетельствующие, м. б., о положенных здесь кусках мяса или целых частей животного. Следует ли в этом видеть особый ритуал, сказать трудно. Вопрос в этом отношении нуждается в дальнейшем изучении случаев подобных находок.

Всех монет оказалось 204, не считая 10-15 похищенных разными любопытными при осмотре первоначальной находки и тут же ими поломанных при пробовании металла.

По данным изучения, монеты подразделяются на следующие группы: Аббасидов (311-329 годы Геджры)—2 шт., Абу Даидов, Бавендидов и Бувейхидов (277-386)—35 шт., Зияридов (361-369)—40 шт., Саманидов (301-377)—119 шт. Варварских подражаний Саманидам—7 шт. Одна монета с крестом — Оттона X-го, чеканенная в Кельне, X в.

Таким образом почти весь клад состоял из арабских монет 899-999 г. г., т. е. IX-X в.

Сколько времени сказанные монеты ходили по рукам, прежде чем попали в клад, гадать нет надобности; мы только видим, что расстояние во времени от самых ранних до поздних ровно в сто лет. Во всяком случае клад относится к Домонгольскому периоду и был зарыт, вероятно, до наступления того движения населения, которое происходило при татарском нашествии. Была ли такая сравнительно большая сумма накоплена частным лицом или она обязана собиранию населения целого поселка —это могли бы выяснить обстоятельства, при которых был закопан клад. Косвенное раз'яснение вопроса, может быть, дадут соображения, которые уместно будет высказать в заключение всего обзора находок, в связи с вопросом о вторжении на Оку славян и их князей.

Оселок у д. Катышева.

Весной 1924 года крестьянин д. Катышева Петр Степанович Куликов сообщил музею о находках на поле бронзового ножичка и поясного ремня с пряжкой.

Нож длиной в 15 см. имеет ручку в 6,5 см. с украшением в виде петушка на конце. Лезвие—8,5 см. при ширине в 1 см. в виде ланцета (табл. IV, рис. № 13 [1]).

Пояс с сохранившейся частью ремня—шириной 3,5 см Пряжка 4×3,5 см. прямоугольной формы с городчатым передним краем и четырьмя квадратными вырезками, служившими, повидимому, для застегивания.

В июне того же года на месте произведено исследование. Участок, где оказались находки, представляет, несомненно, оселок и здесь, по словам жителей соседней д. Катышева, в старину будто-бы находилось их селение. Место с темной окраской почвы находится на берегу овражка, который у самого Катышева переходит в речку

[1]) К сожалению, нож успели отточить, чем в значительной степени его испортили.

—небольшой приток Илевны. Сама Илевна течет севернее, почти параллельно оврагу, на расстоянии километра от него. Возможно, что упомянутый овраг когда-то был настоящей речкой.

Площадь с темной окраской почвы занимает метров сто в длину вдоль оврага и около 50 м. в поперечнике. Вблизи места, где были найдены вещи, в пробных колодцах сейчас-же обнаружились древние черепки, угли и куски засохшей глины. Культурный слой колебался в глубину от нескольких сантиметров до целого метра.

Несколько южнее от указанного места рельеф поля также наклонялся к долине и здесь в промоине от весеннего ручья был найден железный серп древнего типа. Длина его 17 см., ширина во все лезвее одинакова—3,5 см. Кривизна весьма небольшая, почти как у косы, ручка не стержневая, а имеет „пятку", на подобие таковой же у современных кос. Лезвие к концу закругляется и не имеет зазубрин.

Колодцами, направленными к средине исследуемого участка, найдена площадь около 16 кв. метров, круглой формы, где на глубине 15 см. оказался сплошной слой, толщиной 6 см, перегорелого зерна гороха, ржи и овса. Непосредственно под этим залегали черепки и остатки железных вещей. Черепки тонкие, серого цвета, от горшков станковой работы, с краевым отворотом—точь в точь как Савковские под кладом. Из железа оказалось: 1) обломок большого четырех-гранного гвоздя, 2) часть стержня, напоминающая отломленный обух косы и 3) 3 железных кольца, 2 из них диаметром 3,5 см. и 3—4,5 см. На последнем на боку имеется отверстие, и в этом месте край кольца расплюснут на подобие перстня. Отверстие по величине соответствует шипу пяточной части найденного серпа и свидетельствует о назначении служить укреплением подобных орудий на рукояти. По соседству с указанными вещами и черепками оказались кости домашних животных: часть берцевой кости теленка, зубы того же животного, зубы свиньи и часть челюсти собаки, часть тазовой кости некрупного животного. К З от этого места, по словам местных крестьян, несколько лет тому назад был найден жернов около $^2/_3$ м. в диаметре.

Перечисленные предметы, как и вся картина их нахождения, а также вещи, найденные ранее, наводят на некоторые размышления. Горшки, судя по расположению их остатков, как будто бы стояли на найденном месте в определенном порядке, будучи наполнены хлебом. Кости оказались рядом с огнищем, у края последнего, и не имеют следов огня. Можно думать, что здесь были сожжены некоторые орудия, в роде косы. Следует ли видеть во всем этом место древнего жертвоприношения или это простое пожарище от хозяйственного склада. Многочисленные черепки, рассеянные на пространстве всей изучаемой площади, вместе с остатками печной глины, говорят более за то, что здесь был поселок. Что же касается древности найденной культуры, то о ней можно судить по черепкам, найденным вместе с сгоревшими хлебными зернами, так как эти черепки тождественны савковским, оказавшимся под кладом. Поэтому есть основание думать, что означенный поселок, как и поселок у Савкова, принадлежал нашей Муроме, оставившей после себя столь разнообразные и многочисленные следы. Можно надеяться, что современем где нибудь вблизи откроется могильник с культурой, подобной вышеописанной,—что подтвердило бы высказанное предположение.

Необычным для финских находок является вышеописанный бронзовый ножичек. Откуда и каким путем он сюда попал, а также—каково его назначение—вот вопросы, которые возникают при его осмотре. Изображенный на ручке петух роднит названную вещь с Востоком, но не мусульманских стран.

Муромский „Городок".

На С от Мурома по большой дороге, ведущей в Вязники, между селениями—Дмитриевской слободой и Чаадаево находится место, известное под именем „Городок". По слухам, здесь был некогда город, два бугра по обоим сторонам дороги кажутся как бы признаками вала от бывшего здесь укрепления. К З на расстоянии 100 метров вдоль дороги идет глубокий овраг, а к востоку на таком же расстоянии—откос Окской поймы. Ниже Городка метров на 200 протекает речка Выжега почти перпендикулярно к дороге, образуя в свою очередь глубокий овраг. Таким образом, северная часть Городка круто обрывается в виде горного выступа. Весенние воды округлили последний, а по восточному склону его проведена дорога с мостовой. Основная глина верхней части этого участка прикрыта нетолстым слоем черной почвы, часть которой сползла к пойме. Здесь по косогору на пространстве пол-километра вырыты ямы под будущий фруктовый сад. Во время производства таких работ один из участников начинающегося садоводства гр. с. Чаадаева Кучин выкопал куфическую монету. Обследованием установлено, что почти все вскопанное место некогда представляло поселок, т. к. в большом числе указанных ям (всего до 600 ям) до глубины $^2/_3$ метра имеются угли, кости домашних животных и древние черепки темного цвета без орнамента.

Место, названное Городком, следовательно, имеет связь с историей нашего края так же, как и другие описанные места. Было ли однако здесь что нибудь оправдывающее название,—сказать можно будет потом, после обстоятельного исследования [1]). К числу обстоятельств, подтверждающих название Городка, как стратегического пункта, можно отнести местоположение городка: отсюда, как с птичьего полета, видна Ока на большом протяжении. Такое господствующее положение над водным путем в древности безусловно могло быть особенно важным.

Пятницкий могильник в городе Муроме.

В конце прошлого столетия причетник Пятницкого прихода в г. Муроме на своей усадьбе выкопал бронзовые вещи. Последние были доставлены Уваровой и по этому поводу началась переписка с местными властями об охране места находок. Переписка сохранилась в делах и попала в архив музея.

В октябре 1924 года было обследовано место означенной находки по указаниям оставшегося в живых настоятеля Пятницкого прихода. Вещи, судя по описаниям очевидца, состояли из подвесок финского типа и указывали на присутствие могильника финской культуры. Раскопки, произведенные здесь, подтвердили предположение, при чем было найдено до 14 погребений, из коих мужские почти исключительно с железным инвентарем, женские, кроме того, имеют украшения из бронзы, не считая горшков, сопровождающих и те и другие погребения. Два погребения оказались детскими. Вблизи мужских погребений 2-3 могилы коней.

Могильник расположен в расстоянии 20 метров от берега Оки. Место это теперь находится на краю города, к югу от него, и составляет угол, образуемый, с одной стороны, упомянутым откосом, с другой—выемкой, где проходит полотно железной дороги у Окского моста. Вид на пойму отсюда замечательно красивый. Внизу

---

[1]) Дополнительные раскопки дали на одной из восточных террас Городка типичное финское погребение, подобное Пятницкому могильнику.

широкой полосой извивается Ока с озерами; далее, видны волосовские пески и затем у горизонта синеет полоса леса. В древности эта картина, вероятно, казалась более дикой, но не менее красивой и величественной.

Погребение 1-е. Первой траншеей, направленной с З на В в расстоянии 15 метров от откоса, захвачено было одно погребение, давшее большое количество золы и горшок средней величины в виде миски, сделанный без помощи круга. Ни костей ни остатков каких либо металлических вещей не оказалось. Горшок стоял от зольного места к С на глубине около 1 м. Величина и форма зольника не соответствовали человеческому погребению. Зольник был почти круглый, несколько более метра в поперечнике. Можно было принять найденное за южный край могильника, а самую находку—за ритуальное погребение, ограничивающее край могильника. Действительно, пробным колодцем метрах в 6-ти от данного места на С найдено было настоящее погребение—мужское.

Погребение 2-е. На глубине 0,75 метра найден был железный гарпун длиной 20 см., к С от него на расстоянии 1½ м.—горшок, в промежутке, почти на средине, железный кельт длиной 17 см., шириной у лезвия—5 см., поперечник втулки 4,5 см; последнее орудие лежало почти перпендикулярно к погребению. Выше на расстоянии 10 см. бронзовая спираль—кольцо с фалангой пальца внутри, направленная параллельно кельту. На половине расстояния от кельта до гарпуна, почти вдоль погребения—железный нож концом вниз. От костяка ничего не сохранилось, кроме указанной фаланги. Судя по вещам, положение было вытянутым, головой почти на С с небольшим уклоном на З, правая рука на груди. Кельт был поставлен к правому боку; нож висел на поясе, а в ногах стоял гарпун.

Погребение 3-е. Следующая траншея была проведена параллельно предыдущей; несколько к З была проложена другая; к В третья и севернее на 6 метров в том же направлении—четвертая. Восточная граница траншеи не доходила до берегового откоса на 13 метров, т. к. там почва не заключала уже могильных признаков. Погребения, прежде всего, оказались в четвертой траншее.

Здесь на северном краю обнаружились два горшка один над другим, разной величины: первый побольше—ниже, а второй меньше—выше. Наибольшая глубина ⅔ метра. В восточном направлении от горшков стали открываться вещи из железа. Это были застежки, состоящие из колец с заведенными за них толстыми плоскими крючками. Застежки лежали в одну линию вдоль погребения; свободные концы крючков направлены к правой стороне, запирающие накладывались на кольца сверху. Величина застежки в длину свободной частью крючка 4 см., диаметр кольца 2 см. Застежек оказалось 3 пары (табл. IV, рис. № 14).

На той же высоте с правой стороны—железная фибула и под ней обесформившееся железо. Фибула представляет собой тип прямоугольной пряжки с крючком и по низу имеет дополнительный двойной крючок или обойму; можно думать, что последнее делалось для укрепления застежки на ремне.

В промежутке между вещами—спиральное кольцо с фалангой пальца правой руки, направлением несколько вверх. Несколько левее—три плоских железных кольца: два величиной с браслет, рядом, а третье меньшее—под ними. Кольца, как и все мелкое железо, плохо сохранились. Справа по соседству с кольцами часть пояса с поперечными железными прямоугольной формы личинками и фибулы в виде растянутого в поперечном направлении кольца с язычком. Ниже, под остатками пояса,—железный кельт, лезвием вправо, перпендикулярно к длине погребения. Ниже кельта, в двух

местах остатки железа, при чем в одном случае сохранилась форма в виде прямоугольной пластинки. Ниже, в области живота—плоское железное кольцо, еще ниже прямоугольная пластинка. С правой стороны, на той же высоте, нож лезвием к низу; с левой стороны, несколько ниже—наконечник стрелы острием вниз. Все вещи в указанном порядке расположены по длине погребения так, что их можно вписать в прямоугольник длиной в полтора и шириной в $^2/_3$ метра, считая от конца стрелы до горшков. Костяка не сохранилось. Судя по вещам, погребение покоилось головой на ССЗ.

Погребение 4-е. Вверху—два горшка рядом: один средней величины, другой чрезвычайно маленький—справа. На расстоянии одного метра от горшков к югу поперек погребения бронзовая спираль—кольцо на руке. Несколько ниже железный кельт с направлением, как и в предыдущем погребении, лезвием в правую сторону; против кельта, в средине—прямоугольная железная пластинка, к левой стороне железный удильный крючок величиной несколько крупнее тех, какие употребляются для современных жерлиц. Ближе к середине, несколько ниже,—небольшой нож, левее его—другой более крупной величины, оба лезвиями книзу; еще ниже—часть плоского кольца и такое же полное небольшое кольцо. От костяка, как и в предыдущем погребении, ничего не сохранилось.

Погребение 5-е. На обычной глубине оказались вещи, расположенные в направлении с Ю на С. Снизу (юг) железное копье длиной 24 см., шириной 4 см. Выше на 60 см. и несколько влево нож со втулкой для ручки; оба орудия остриями вниз. Еще выше на 15 см. по линии копья к левой стороне топор со щековицами, лезвием наружу. Длина топора 20 см., ширина лезвия 5,5 см., самая узкая часть 3 см., ширина в щековицах 10 см., ширина обуха 5 см.; обух вместо ударной плоскости имеет в длину и ширину овал. Ширина отверстия в обухе 3 см. Топор в длину несколько загнут сверху вниз и лезвие имеет закругленное. Так же, как и кельты в предыдущих погребениях, он был приставлен к боку умершего (к левому, на высоте груди). Выше над топором, во внутрь могилы, до линии ножа—многочисленные железные вещи, потерявшие свой облик.

Погребение 6-е. Глубина прежняя, ориентировка на север. Вверху небольшой горшок; на 25 см. ниже топор одинакового типа с описанным в предыдущем погребении, но несколько меньший по величине; щековицы менее вытянуты; положение топора поперек погребения, лезвием внутрь. Над лезвием бронзовое спиральное кольцо. На 30 см. ниже топора второе спиральное кольцо, направленное по длине погребения. Несколько ниже нож, длиной 12 см, со стержнем для ручки. Ниже и значительно левее, почти друг на друге, 7 железных стрел остриями вниз. Ниже, на расстоянии $^3/_4$ метра от ножа, копье средней величины острием вниз. От костяка ничего не сохранилось. Судя по спиральным кольцам, руки находились—одна на груди, другая на животе. Топор был приставлен к груди, копье вдоль тела концом вниз; вдоль левого бока колчан со стрелами и за поясом нож (табл. III, рис. № 6).

Погребение 7-е (женское). Глубина около метра, ориентировка на ССЗ. В верхнем левом углу перегорелые кости некрупного животного (овцы) Ниже и ближе к середине могилы остатки черепных костей, по сторонам которых височные кольца по 4 шт. с каждой. Диаметр их от 7 до 11 см.; все из бронзовой проволоки с запором, состоящим из ушка на одном и крючка на другом конце. На одном из колец надета бронзовая фибула, диаметром в 3 см., в виде двойного кольца с веревочным орнаментом и проволочным язычком; поперек кольца фибулы прямоугольная пластинка

с таким же орнаментом. Ниже дугой головной жгут из льняных шнурков, обвернутых кожей и обвитых бронзовой спиралью (табл. IV, рис. № 15). Несколько выше жгута по той же линии пять пронизок из белой пасты цилиндрической формы. Тут же оказалась коронка от переднего зуба, сильно стертая. Ниже, в области груди, с правой стороны — железная браслетка и против нее с левой стороны бронзовое спиральное ручное кольцо. На расстоянии 15 см. от последнего книзу—второе такое же кольцо. По соседству небольшой нож острием вниз. Ниже, против середины могилы, прямоугольная бронзовая пластинка от пояса с точечным орнаментом по краям; справа от нее часть плоского железного кольца браслетного размера и красной глины кирпичик 1×2 дюйма и с полдюйма толщиной, имеющий с одной стороны углубленный рисунок в виде каемки, состоящей из черты и волнистой линии со звездками в извилинах. Ниже пояса на $^2/_3$ метра в двух местах тонкие спирали на ремешках параллельных друг другу, — бывшие украшения на ногах.

Погребение 8-е (женское). Глубина около одного метра, ориентировка на ССЗ. В верхнем левом углу горшок более чем средней величины, несколько ниже его к середине дугообразный головной жгут, длиной в 15 см., такой же, как и в предыдущем погребении, толщиной в 1,5 см. (табл IV, рис. № 15). Жгут находился несколько косо к погребению и нижней своей частью касался остатков черепных костей. Другое украшение опоясывало голову поперек лба и состояло из ремешков и бронзовых бляшек в два на полтора сантиметра с точечным орнаментом, между бляшками звенья из тройных ремешков длиною в 5 см. и шириной в 0,5 см., обвернутых спиральками из бронзовой полоски (табл IV, рис. № 16). Таких звеньев оказалось четыре. Ниже этого украшения параллельно ему шел отдельный сплошной ремень тоже со спиральками. С той и другой стороны остатков головы из-под украшений выступали части височных колец обыкновенного типа по три с каждой. А с левого виска—часть головного жгута и отдельной его спирали. Остатки височных колец соединяла бронзовая гривна диаметром 18 см., поперечное сечение которой в середине около 3-х мм. и к концам до шести мм. Концы для запора загнуты петлями, при чем петля сложена на три угла, получается нечто вроде трефового значка; петля другого конца в середине расплющена и загнута в виде крючка. Концы той и другой стороны гривны до половины обвиты спиральной полосой. Внутрь от гривны оказалось украшение, состоящее из трех монетообразных бронзовых подвесок с ушком на каждой; орнамент на этих подвесках состоит из концентрических кругов; между отдельными подвесками на общем шнурке находились пронизки из золотой пасты и синего стекла. Пронизок первого вида четыре шт., второго—три и одна из белой пасты. Некоторые из пронизок оказались спаянными с подвесками. Ниже в области груди—спиральное кольцо с остатком кости пальца, другое такое же кольцо на лоне, направленное соответственно положению руки на этом месте. Несколько ниже часть железной фибулы и к левому бедру полная такая же фибула, состоящая из кольца с язычком. Между этими вещами конец ременного пояса с бронзовой тонкой обкладкой, украшенный точечным орнаментом. С боку у левого бедра ножичек с деревянной ручкой острием вверх и по сторонам его два височных кольца средней величины с обыкновенными запорами. Ниже лона следы от плохо сохранившихся мелких железных вещей, и еще ниже, на расстоянии 60-ти см., к концам ног справа и слева остатки тонких ремней с бронзовыми спиральками (табл. III, рис. № 7).

Погребение 9-е (женское). Глубина прежняя, направление СЗ. Сохранилась лобная часть черепа и на ней следы тонких бронзовых пластинчатых украшений,

повидимому, от головного ремня. Справа от черепа, несколько выше—средней величины горшок, похожий на миску. По сторонам черепа остатки височных колец; ниже, на шее—ряд треугольных бронзовых пластинок от ожерелья. На груди спиральное кольцо от руки; никаких других украшений в этой области не оказалось, но ниже под остатками истлевшей ткани лицевой стороной ко дну могилы лежала бронзовая подвеска, состоящая из основного полуцилиндра в 3,5 см. длиной и около 1 см. шириной с тремя треугольными привесками Длина подвески 4,5 см. В области поясницы ремень шириной в 3 см, украшенный обоймами из тонкой бронзы, ш риной в 2 см., с точечным орнаментом по краям. Кожа сохранилась только внутри обойм.

Ниже пояса на 30 см., дугообразно в обе стороны книзу оказались украшения в виде бокальчатых колокольцев из белого металла в 3,5 см. длиной и 2 см. в поперечнике, по 10 шт. с каждой стороны; каждый из таких колокольцев находился в расстоянии 2-х—4-х см. друг от друга (табл. IV, рис. 17). Внутри некоторых экземпляров сохранились ремни, прикреплявшие эти украшения к краю одежды.

Ноги обозначались остатками трубчатых костей, при чем на подколенной части той и другой оказались ремешки сантиметра $1^1/_2$ шириной с обоймами из листовой бронзы, украшенными обычным точечным орнаментом; на месте щиколок по два таких ремня с теми же украшениями и еще ниже по украшению в виде кистей из треугольных бронзовых пластинок на колечках. Далее, украшения в области ступней состояли из ремешков с промежуточными звеньями бронзовых пластинок, напоминающих части „венца“ (8-е погреб.) с той лишь разницей, что ремешки и промежуточные пластинки были тоньше. Некоторые группы таких ремешков слегка изогнуты в дугу, соответственно „передку“ обуви. Были ли это действительно аксессуары обуви или составляли особый вид подвязки ее—за плохой сохранностью найденного проследить не удалось. Незначительный остаток подошвенной кожи с характерным для нее рубцом вроде ранта указывал, что обувь была кожаная. Под бронзой кое-где уцелели кусочки древесины, подстилавшей погребение (табл. III, рис. № 8).

Погребение 10-е (женское). Глубина прежняя, направление то же. Вверху широкий сосуд в роде миски. Ниже, почти рядом, остатки черепных костей. За и под ними—части головного жгута прежнего типа, при чем два отдельных конца с небольшим перерывом расположены в дугу с расширением вверх, и третий конец на расстоянии 4 см. параллельно им внутри дуги. Еще ниже гривна вышеозначенного типа и размера запирающими концами вниз. По правую и левую сторону на гривне ремешками были подвязаны бокальчатые колокольчики по одному с каждой. Колокольчики длиной и видом напоминают таковые же, отмеченные в предыдущем погребении, но мельче их: поперечник раструба всего лишь 1 см.; кроме того, колокольцы эти в верхней части имеют ушки, сделанные из двойной проволоки и зажатые трубками верхних частей каждого колокольца. Против правой стороны гривны оказалось височное кольцо из низкопробного серебра с обычным запором, но на ушке имеется орнамент в виде черточек и крестиков. Диаметр кольца около 10 см. В области живота, под углом друг к другу, с промежутком 15 см., оказались два браслета из тонкой бронзовой ленты шириной в 1 см., закрученные спиралью в 3 оборота, внутри каждой браслеты сохранились трубчатые кости рук, по направлению которых можно было установить, что последние были сложены на животе. Спиральное кольцо с фалангой, оказавшееся несколько ниже, и браслет в вершине угла, подтверждает сказанное. Правее кольца к левому боку небольшой нож острием вверх. Против кольца, на 8 см. ниже—железная фибула; по той же линии, несколько влево, железная

обойма и железная пластинка, направленная вдоль погребения; вид последней напоминает наконечник от поясного ремня; снизу сохранился остаток холста (табл. III, рис. № 9).

Погребения № 11 и 12 (детские). В мае 1925 г. были произведены дополнительные раскопки путем продолжения траншей III и IV на восток, где оказалось два погребения детей, положенных на ССЗ.

На обычной глубине, между тремя горшками средней величины, расположенными треугольником, оказались следующие вещи: вверху, в промежутке двух верхних горшков средней величины, височное кольцо с крючковым запором; на кольце бронзовый перстень, похожий на современные. Ниже, против правого горшка, два других таких же кольца. В промежутке между ними нижняя челюсть ребенка с нестертыми зубами. Ниже, по линии тела, дугообразно расположены бронзовые украшения в виде топориков в числе 6, чередующиеся с бусинами из синего стекла. Ниже, в области груди, —круглая ажурная бляха с подвесками гусиной лапкой на цепочках. Справа и слева от нее пара спиральных браслет малого размера и под ними пара массивных. Выше правого браслета—спиральное кольцо от руки. Сбоку от левого браслета куча жженых костей некрупного животного. Все предметы расположены по длине, равной 9 дюйм.

Следующее погребение, также детское, оказалось несколько южнее. Оно состояло из двух горшков, поставленных в ногах погребения; над ними, на расстоянии 20 см., остатки нестертых зубов; левее—спиральное кольцо от руки, по бокам пара височных колец средней величины; между ними простая фибула.

Погребение 13-е (конское). В траншее № 4 с левой стороны от второго погребения, в расстоянии 2-х метров от него, оказались кости лошади. Голова мордой на юг находилась в естественном положении на глубине 1/2 метра. Шейные позвонки уходили вниз под некоторым углом к поверхности, напоминая положение шеи стоящего животного. В виду того, что кости представляли последнюю степень разложения и ничего далее от костяка не уцелело, остальной картины положения коня проследить не удалось. Никаких вещей или хотя бы следов металла не оказалось, за исключением небольшого количества углей в почве и золы на глубине 1 1/2 метров.

Погребение 14-е (конское). Так как из траншеи № 4 погребения уходили под стену к югу, то пришлось проложить новую траншею параллельно первой в сторону означенных уходящих погребений. В начале только что указанной траншеи, в расстоянии трех метров от предыдущего конского погребения на СЗ, оказалось другое такое же. Здесь сначала на небольшой глубине также оказались кости черепа лошади. Больше всего сохранились зубы; степень тления здесь была еще большая и проследить положение костяка еще менее представлялось возможным. Книзу, среди остатков вещества, похожего на муку, попадались и более твердые кости. Пососедству, с западной стороны, кучей были сложены горелые кости другого некрупного животного вместе с золой; на дне ямы, на глубине 1 1/2 м., сплошной слой золы.

Могильник описанными погребениями не заканчивался, а, кажется, уходил в северном направлении. Как на его особенность, можно указать на большое количество железа, находящегося при погребениях. Наряду с топорами обычного типа оказались железные кельты, какие были найдены и в Подболотском могильнике. Вместе с двумя находками гарпунов, здесь впервые найден удильный крючок; ножи имели как бы втулки, хотя при ближайшем рассмотрении последними оказались широкие кольца, надетые на ручки.

В женских могилах, кроме жгутов, в качестве головных украшений, найден особый венец. Нагрудные бляхи отсутствуют. В отличие от Корниловских погребений, ноги украшены ремешками со спиральками и личинками, а также подвесками, как с передней стороны, так и с задней; подол одежды украшался колокольчатым набором. В одном из погребений найден железный браслет, положенный, впрочем, отдельно, и кирпичик-печать, как это было отмечено и в Корниловских погребениях. Горшки ручной работы без орнамента.

Лошади без дополняющего инвентаря, повидимому, говорят о существовании похорон животных, но не с целью их использования в загробной жизни для обычных услуг, а в виде жертвоприношений. Способ сожжения при человеческих погребениях не обнаружен.

Могильник, можно думать, является более ранним, чем Корниловский.

Материал описанных могильников дает возможность высказать по поводу его несколько необходимых соображений. Прежде всего, почти во всех местах бросается в глаза обилие железа. Оно встречается и в виде поделок боевого характера и предметов домашнего обихода. Является вопрос: было ли это железо местным или оно ввозилось, как серебро и медь, со стороны. Близость залежей железной руды в нынешнем Выксунском районе и пососедству с Муромом—в районе Колпинки указывает как будто бы на то, что названный материал был местным. В самом деле, трудно согласиться, что выплавка чугуна в окрестности Мурома началась только с XVIII в. Кустарным путем, как это делается и теперь у некоторых отсталых народов, железо могло появиться у наших финнов уже в до-историческую пору. Петровские рудознатцы, всего вероятнее, шли по готовым следам, давая начатому делу другой оборот и размеры. Правда, уральское железо по количеству должно быть доминирующим, как и теперь, но оно ведь находилось в чужих руках. Такому предположению мешает только один факт. Если железо было своим и свои же были кузнецы,—а на это указывают находки клещей и молотков с наковальнями,—то почему сделанные из железа вещи строго однотипны и почему так мало мечей, а ножи такого размера и формы, что годятся почти исключительно для кухни?

Меч найден только в Корниловском могильнике и, судя по описанию нашедшего, формой и величиной не отличался от Подболотского: широкий, прямой, не особенно длинный, на ручке заканчивается шишкой. Два таких меча Муромский музей имеет из находок Подболотского могильника. Вас. Ал. Городцов относит их к Скандинавскому типу. А по замечанию Д. Н. Анучина, в курганах средней и северной России (IX– XI в.) мечи вообще составляют большую редкость; повидимому, они были мало распространены и употреблялись лишь людьми состоятельными [1]). Можно думать, что меч не был распространен у наших финнов по другой причине, о чем будет сказано потом.

Другим оружием боевого типа является копье. По величине и форме оно оказывается таким же, какие находятся в мерянских курганах [2]). Изящное, сильно сплюснутое в клинке, с тонким перехватом, оно довольно легко и в отдельных случаях, вероятно, употреблялось, как метательное. По причине того, что железные вещи находятся в сильно испорченном виде, трудно сказать, были ли копья сделаны

---

[1]) Статья проф. Анучина в трудах VI Археолог. с'езда. Т. I-й.
[2]) Гр. Уваров. Меряне и их быт.

из булата или только закаливались под сталь. Копье, найденное в зольном пласту в Корниловке при погребении сожжением, где внешняя форма почти не пострадала, оказывается весьма твердым [1]).

Орудиями, сопровождающими копья, являются кельты, топоры и пешни. Такое совпадение едва ли случайно. Численное отношение названных орудий друг к другу по коллекциям из Подболотского могильника и по нашим находкам определенно говорит за какую то связь.

Кельты, найденные в Пятницком могильнике, все почти одинаковы по форме и размерам и, как было уже сказано, не отличаются от таковых же, находимых у Подболотни.

Топоры разнятся по длине и по приспособлению на рукояти. В первом случае они или достаточно широки, чтобы годиться для работ в хозяйстве, или настолько вытянуты, что в этом отношении теряют всякий смысл и годятся лишь для боевых целей. Во втором случае, присадка была или простою, для чего употреблялся проух с ровными краями, или более надежной—с помощью щековиц. Проух в виде круглой дыры указывает на применение длинного древка такого же, как у мотыги; обух с щековицами—на топорище, которое, смотря по целям, могло быть также длинным или коротким. Замечательна форма этих топоров: лезвие никогда не составляет прямой линии параллельно рукояти, а скошено к последней под острым углом и, в зависимости от наточки, с нижнего края закругляется. Мерянский топор имел такую же форму. Если сравнить найденные топоры с современным, то они отличаются от последних еще тем, что их клинья не треугольной формы, а вытянутой, с загибом. Последнее обстоятельство делает их более пригодными в качестве боевых орудий.

Долота или пешни различаются по устройству втулки, которая бывает или цилиндрической, или конической. Длина этих орудий почти всегда одинакова, 22—25 см., редко более. Узкое долото обыкновенно имеет коническую втулку; цилиндрическая втулка, округло сходящая к клину, отличает долото с широким концом. Орудием последнего типа является долото, найденное в Корниловке при погребении сожжением, имеющее ширину рабочего конца в дюйм (остальные б. ч. $^3/_4$ дюйма).

Уместно задаться вопросом: какого назначения были только что указанные орудия; были ли это действительно долота, как они называются некоторыми исследователями, или больше основания считать их пешнями. Вопрос этот удобнее выяснить при описании быта наших финнов.

Стрела в виде ивового листа или более широкая, ромбовидная, всегда без втулки, укреплялась на древке с помощью стержня и в этом отношении является более родственной стреле из неолита, чем, как можно было бы ожидать, таковой же из бронзового века. Стрела со стержневым укреплением при выделке ее не требовала сложных приемов и обходилась дешевле.

Что касается внешнего быта насельников древней Муромы, то относительно его имеется достаточно данных, добытых раскопками.

Прежде всего, народ этот жил оседло и не был малочисленным. Толщина культурного слоя в некоторых местах доходит до 2 метров и свидетельствует о долговременной здесь жизни. Население было безусловно земледельческим, как это можно установить по находкам в Катышеве, хотя при погребениях земледельческие орудия ни разу не найдены. Впрочем, В. А. Городцов в Подболотском могильнике, кажется,

---

[1]) Такой же твердости оказались пешня и топор, за исключением ножа, который легко уступает напильнику.

находил остатки кос. Ритуальный обычай класть с умершими орудия боевого характера восходит, вероятно, к до-земледельческому периоду. Поэтому земледельческие принадлежности, как предметы нового сравнительно уклада, и не сопровождают умерших. На занятие сельским хозяйством указывают, между прочим, находки льняной материи в виде холста и разного рода шнурков из того же растительного волокна.

Наряду с земледелием имелось и скотоводство, что подтверждается конскими погребениями и погребениями жертвенных животных, не считая находок отдельных костей этих животных в отбросах пищи. Овечья шерсть, найденная неоднократно в виде ткани, свидетельствует об овцеводстве, которое, повидимому, было общепринятым.

Далеко не последнюю роль в этом хозяйстве играло рыболовство, где и применялись вышеуказанные многочисленные пешни. Пешня в качестве орудия при ловле рыбы под льдом является до сих пор распространенной. Зимой занятие рыбным промыслом ведется с особым успехом в мелководных реках и озерах, где последние сильно промерзают и рыба сама выходит на свежий воздух к проруби. Существующие до сих пор способы ловли в этих случаях всевозможными изгородями, запорами, вершами безусловно имеют древнее происхождение. Гарпун, который также находится при покойнике, заменял современную острогу и мог быть применяем как зимой, так и в другое время года. Рыболовные крючки, завещанные еще каменным периодом, находятся нечасто; как предметы сравнительно мелкие и сделанные из железа они легко раз'едаются ржавчиной.

Об охоте особенно распространяться не приходится, так как это занятие до сих пор является важным подспорьем при хозяйстве в лесных местах. На заре нашей истории меха играли роль главного предмета торговли. Такое животное, как лось, увеличивало, кроме всего, питательные рессурсы наших предков. Находки копий и стрел безусловно свидетельствуют об этом далеко не легкомысленном занятии.

Жилища Муромы едва ли отличались какой либо затейливостью. Тот слегка расширенный тип топора, который мы согласились принять годным для хозяйства, все таки недостаточен для развития плотничества; при отсутствии пилы и других инструментов, если даже и применялось долото, с такими топорами едва ли можно было многое сделать. Обычные бревенчатые избы, какие потом отмечены были в наших местах, вроде уцелевшей до сих пор деревенской бани „по черному", могли, конечно, быть построенными и с помощью самых несложных орудий. Но наиболее широко применялись, вероятно, всевозможные временные постройки—традиционные землянки и шалаши.

В отношении одежды опять таки мы могли бы обратиться к современным потомкам древних насельников средней Оки. Полушубок, кафтан, равно как тулуп и „чепан" дошли до нас почти в неизмененном виде от старины и могут быть отнесены целиком к последней. Также не изменилась и ткань сукна из овечьей шерсти „в елку", как ткется толстый холст на онучи. В Максимовском детском погребении сукно оказалось более тонким, а холст в качестве нижней одежды и в других случаях попадается довольно часто. На головном уборе женского погребения у Перемиловской пустыни оказались даже ленты. Ткань под грудной бляхой Корниловского погребения сохраняла следы окраски. Крашение ткани безусловно могло быть с помощью растительных веществ и особых сортов глины, как это делается и до сих пор в деревне.

Украшения на одежде, подобные найденным в погребениях, целиком почти сохранились у потомков древних финнов в наших краях. Замечательно, что особый вид

морских раковин, употреблявшихся в виде украшения костюма у Муромы много веков назад, также уцелел на современных костюмах мордвы.

Привески Корниловского и Пятницкого могильников не столь разнообразны и сводятся к определенным типам. Привески подболотские, приобретенные Муромским музеем, разнообразнее. Нужно сказать, что этого рода украшения имеют почтенную древность и указывают на влияние различных культур. Часто встречающийся тип подвески в форме гусиной лапки отмечен был в курганах в восточной части России и в Скифских древностях. Треугольная подвеска топориком присутствует среди курганных находок Екатеринославской губернии, наряду с бубенчиковыми подвесками.

Специально шейными украшениями следует назвать гривны и ожерелья из бус. Гривны в виде бронзового жгута с крученым орнаментом, шляпной застежкой и петлей по концам—обычное украшение этого рода. В Подболотских находках попадались гривны расплющенные, с целой бахромой подвесок из трубочек на колечках, там же были найдены и серебреные гривны. Гривны Пятницкого могильника по устройству запирающих концов отличаются от вышеуказанных со шляпкой. В финском могильнике близ ст. Черусти (с. Пустоши) гривны имеют шляпочный запор или с глухой завязкой [1].

Ожерелья из подвесок с бубенчиками, найденные в Корниловке, одинаковы с таковыми же из Подболотского могильника. То же можно сказать и о других металлических элементах шейных украшений, чередующихся иногда с пронизками.

Ожерелья из бус в наших находках сводятся к пронизкам из сердолика, лутого и цветного стекла, пронизкам из пасты разных цветов до золотого и к перламутровым пронизкам. Зеленых бус, упоминаемых древними писателями и попадающихся изредка в мерянских погребениях, пока не найдено.

Специально грудным украшением являются бляхи. Их два типа: сплошные с крышкой и ажурные. Последние иногда, в свою очередь, украшены привесками. Первые являются принадлежностью, кажется, взрослого, а вторые дополняют убранство детей, хотя одна такая серебреная бляха с крышкой найдена в погребении девочки (Корниловский могильник). Бляха с крышкой, обычно широкая до 12 см. диаметром, делалась из бронзы или серебра и прикреплялась к груди с помощью нитяной петли, пропускаемой в отверстие крышки. В последней имеется особое приспособление для захвата этой петли. Бляха бывает тонко выбитой из одного или нескольких кусочков металла; поверхность обычно гладкая; по внешнему краю украшается точечным орнаментом; несколько выпуклых точек делается и по средине бляхи. Крышка, сверх того, иногда украшается геометрическими рисунками.

Ажурная бляха делается из нескольких тонких перекрученных проволок, переплетенных в виде кружева и спаянных между собой. В середине обыкновенно застежка; по нижнему краю идет ряд ушков и на них находятся подвески из цепочек с лапками или другими привесками. Подобные бляхи, украшенные целою кистью подвесок, иногда привешивались, повидимому, к поясу на подобие аналогичных поясных украшений у современной мордвы.

Интересных фибул для застегивания частей костюма в наших могильниках не оказалось, кроме довольно древней по типу в виде буквы ф.

Уместно было бы сказать о лунницах, найденных в Корниловском могильнике. Этого рода украшения, восходящие к культу Астарты и распространенные между

[1] А. Иванов Пустошенский могильник. 1925 г.

мусульманскими народами, в простейшем случае представляют пластинку эллиптической формы с вырезкой эксцентрическим кружком к краю по меньшему диаметру. Вырезанный край дополняется припаянным крючком из проволоки, заходящим за другой край рожка, что служит средством прикрепления лунницы, как украшения. Параллельно с этими вещами можно поставить распространенные среди нашего края височные кольца с подвесками или без них. Кольца привешивались к головному ремню на ряду с лунницами;—их можно отнести также к восточному влиянию.

Головной женский убор в виде жгута с бронзовыми украшениями спиральными или отдельными кольцами устанавливается по находке в Перемиловском могильнике. Голова, повидимому, покрывалась чем то вроде платка или капюшона из материи и затем на нее надевался означенный жгут. Последний укреплялся шнурками или специальными лентами, а иногда и с помощью особых пуговиц. Исчезающая теперь прическа в виде двух кос, перепоясывающих голову замужней женщины, напоминает подобный убор. Головной ремень, к которому прикреплялись височные кольца и лунница, возможно, опоясывал голову под покрытием. Найденный в одном из Пятницких погребений особый венец из ремней, украшенных спиралью с пластинчатыми перехватами, надо полагать, отличает украшения этого рода, свойственные девице, при чем такое украшение также шло поперек лба, не захватывая покрывала. Ношение жгута под покрывалом лишало бы его смысла, как украшения, и совсем трудно допустить, что означенный жгут укреплялся концами на плечах, перекидываясь через голову от одного виска к другому. Нужно принять за безусловное, что древняя муромлянка не могла ходить с открытой головой зимой по причине холода, а летом от множества комаров и всякого рода «гнуса», изобиловавшего среди приокских лесов и болот.

Головной убор мужчин, кажется, не представлял ничего особенного и поэтому, за отсутствием металлических украшений, не мог сохраниться.

Пояса присутствуют как в мужских, так и женских погребениях и состоят обычно из ремня с бронзовыми обоймами и с таким же язычком на конце. На поясе имели место бронзовые и железные застежки от простых пряжек до художественно сделанных, с привесками. В этом отношении верхом изысканности являются фибулы Подболотского могильника, хранящиеся в Муромском музее. Пояс Максимовского детского погребения явно носит восточные черты.

Обувь женщины, в зависимости от состояния, была кожаной, которая украшалась привесками с носка и с пятки и, кажется, походила на теперешние мордовские „коты". Чулки, если они были, или онучи подвязывались особо украшенными ремнями у колена и щиколок.

Следует отметить обычай приокских жителей украшать свои руки кольцами, перстнями и браслетами, при чем распространен тип спиральных браслет и колец. Браслет, как и перстней, особеннно художественных не встречается.

Возникает вопрос, были ли все описанные бронзовые украшения местным изделием или привозились со стороны. Присутствие в раскопках литейных ложек и остатков форм для этого дела говорит за то, что литейное ремесло было и на местах, но какими сортами изделий оно ограничивалось, сказать трудно. Ажурные бляхи можно скорее отнести к предметам импорта, хотя еще не установлен очаг этого рода фабрикатов. Определеннее обстоит дело с цветными и стеклянными бусами, экзотическая природа которых довольно ясна.

Вообще, надо полагать, что кое что из инвентаря древней муромы делалось дома, вещи поценнее шли извне. Так, между прочим, дело обстоит с выделкой кожи.

Ремни и другая кожа представляют иногда грубую выделку, но попадается и такая, которая напоминает современную шагрень. Шорное и сапожное производство в ценных вещах шло, как можно думать, с Востока. Особенно это можно сказать относительно высокого сорта седельных изделий. Знаменитый Булгар, державший в своих руках всю торговлю с заморскими купцами, простирал свои коммерческие обороты, как известно, и на Оку. Находки арабских монет IX—X века говорят о размерах этих оборотов, равно и о моменте наибольшего развития этой торговли.

Необходимо, однако, коснуться того вопроса, к какому собственно народу следует отнести исследуемые нами могильники. Прежние исследователи финнов почти довольствовались на этот счет летописными известиями. Лингвистический метод, принятый за последнее время в нашей науке, внес однако в это дело значительную ясность. Так расшифровано было классическое название „Меря", давшее ныне существующих черемис.

По Нестору, у „Муромы язык свой," - но, оказывается, никакого такого языка специально для указанной финской ветви на местах ее прежних поселений не осталось. Огромное количество странно звучащих слов в названиях рек, урочищ и селений есть ни что иное, как испорченные мордовские названия. Поэтому наша Савастлейка, кроме специфического корня, даст мордовское название реки: Лей, Ля,ль сокращенное. Летописное название сохранилось только в имени города Мурома, речки Муромки и некоторых других мест. В то же самое время писатели, современные нашему летописцу, совсем не знают Муромы, но знают народ, живущий в тех же местах,— мордву. Очевидно, места с древними названиями нужно считать территорией того народа, который здесь жил и давал эти названия. А таким народом оказывается, повторяю, была мордва. Ее знает и Константин Багрянородный под именем mordia, как народ живущий между хозарами и славянами к югу от Булгар; о ней говорит Рубруквис, путешественник XIII века. Кроме того, мордву в окрестности Мурома отметила Лаврентьевская летопись под 1103 годом при столкновении с нею Муромского князя Ярослава. 70 лет спустя, рассказывается далее, мордву избивали Рязанские и Муромские князья „на усть Окы"; а „где втечет Ока в Волгу, приседит Мурома—язык свой"—говорит Нестор. Очевидно, Мурома и мордва—одно и тоже. Олеарий уже в XVII веке считает Оку мордовской территорией, правда, включая сюда и татар, а Муром называет мордовским—„mordvanorum".

С такими историческими справками мы снова возвращаемся к нашим могильникам. Оказывается, грудные бляхи с крышками, как и многое другое из украшений, найденных в могилах, до сих пор носятся мордовками в селениях Ардатовского уезда; и вообще в костюме мордвы столько указаний на Муромлянский тип, что вывод напрашивается сам собой. Конечно, десять веков, протекших за это время, сделали свое дело. Как ни велик консерватизм народа, обитающего в глухих местах, но развивавшаяся пососедству техника все же на него действовала, подчиняя себе и костюм и соответственным образом изменяя вкусы.

Ориентировка погребений головой на север соответствует таковому же обычаю у мордвы Эрзи.

Некоторые из корниловских погребений дают материал для установления факта жертвоприношения через сожжение животного, где однако не все ясно. Какая, например, была надобность при этом в горшке: была ли в нем положена пища, назначенная самому животному или кому то другому. Горшки сопровождают нередко и похороненных коней и коров.

Отсутствие идолов при покойниках Муромы, как бы указывает на отсутствие олицетворения божества у этого народа, что сближает данную религию с таковою же у мордвы. Действительно, мордва, как показали исследования, имела и имеет множество божеств в качестве сил природы или духов покровителей, но видимая природа их представляется неопределенной. Так „мать—вода“ (ведь—ава) и „бог—дуб“ (тума—паз), не смотря на указание родового признака, все же существа смутно представляемые. Такая религия у позднейшей мордвы безусловно имеет древние формы и поэтому может относиться к ее корниловским и пятницким предкам.

IX—X века, к коим относятся наши могильники, захватывают мордву в самое критическое время. Муромский край, населявшийся с доисторических времен, теперь привлекал новых пришельцев. Ока, одна из значительных рек бассейна Волги, была путем, разносящим первобытное население в самых разнообразных направлениях. Ее притоки—Клязьма, Теша, Ушна, не считая других более мелких, от главной артерии рассасывали колонизационные волны в дебри, которыми изобиловал этот край. К началу истории княжеской Руси этнический материал Муромского края оказывается настолько осевшимся, что имел определенную физиономию.

Боевой могильный инвентарь, в виде копий, суженных топоров и стрел, свидетельствует, между прочим, об отношениях мордвы к соседам, исторически наметившимся к этому времени. Представитель финского междуречья Оки и Волги по натуре и по природным условиям не был воинственным. Он не дошел до брони и, может быть, поэтому не любил меча и лишь постоянное надоедание соседей заставляло его настораживаться. Авантюристское появление князей—викингов из-за моря для политической судьбы Русской равнины имело последствием смешение всех славянских и не славянских элементов в одну кучу под общим именем „Русь“. Ока не могла быть не замеченной названными князьями, сначала как путь важный в стратегическом отношении, затем в смысле использования готовых экономических сил. За этим движением шла не столь спешно, но неуклонно живая волна славянства, для которого приднепровские земли не представляли в конце концов естественных средств к существованию. Финну оставалось или браться за оружие, или сливаться с пришлым населением, а в противном случае уходить. Все три процесса шли параллельно с некоторыми отклонениями в зависимости от внешних причин. Погребальный обряд X века снаряжает покойника на тот свет под свежим впечатлением происходящих событий, почему и кладется с усопшим не только оружие, но иногда и боевой конь. Общественный строй, не ушедший далее родового начала у наших финнов, не обладал способностью сопротивления. Варяжскому военному искусству помогла и славянская жажда новых мест для поселения. В результате Муромский оплот мордвы был сломлен и для Оки открылась новая страница истории.

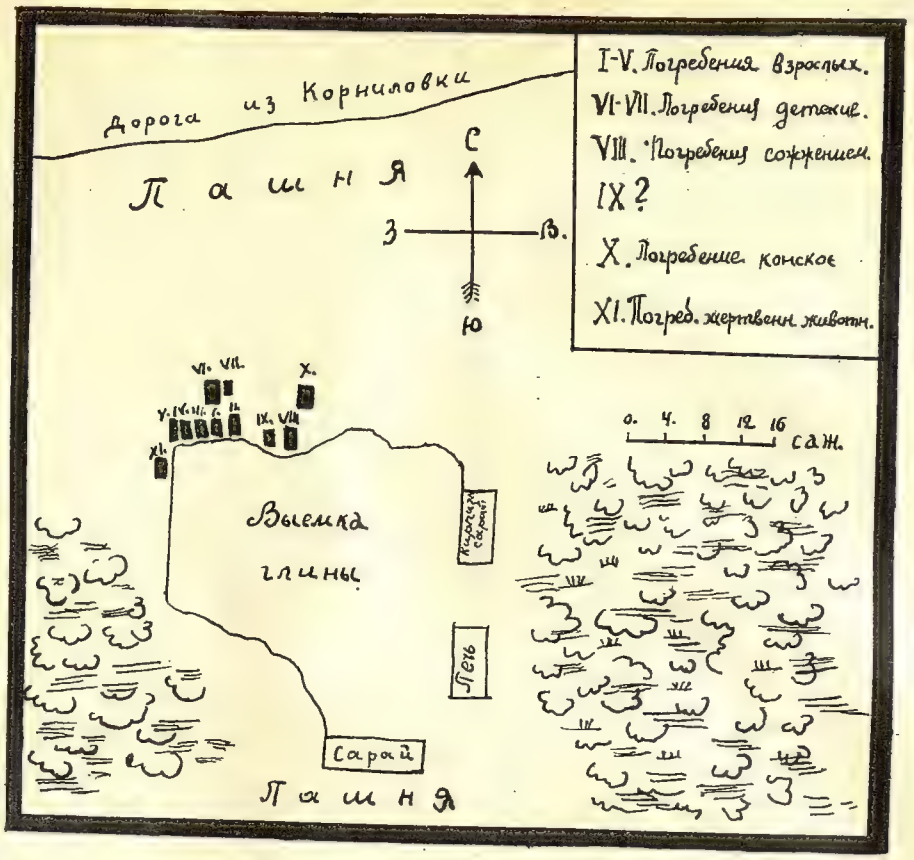
Некоторое время процесс борьбы отмечается нововведениями в погребальном обряде: труппосожжения чередуются с обыкновенным погребением, замечается чужое влияние в инвентаре, но затем, ассимиляция в пользу пришельцев становится полной. Правда, события XIII века, в виде появления нового властелина на Волге—татар, перемешивает карты русских князей,—но начавшегося процесса внутри страны и это не остановило. Получившийся в результате народ—конгломерат только принял в себя от этого новые капли крови и наследственно осложнился.

Некоторые особенности Муромлянских женских погребений дают основание полагать, что у древних насельников Оки женщина занимала довольно почтенное положение в семье. Обилие украшений является известного рода доказательством

тому. Правда, обилие женских украшений говорит больше об известных эстетических потребностях названного народа и некоторых особенностях вкуса, в которых женщина всегда шла первою. Однако, где женщина презирается совсем, как рабыня, не могло бы быть и этого явления.

Что у наших предков с финской стороны были в обычае добрые семейные нравы, об этом говорят детские погребения. Ребенок по смерти пышно украшается, для него ставятся гостинцы в многочисленных малюсеньких горшечках, кладутся особые по красоте бляшки, подвески, богатые бусы и ожерелья—заботливость прямо трогательная. Так мог поступать толко нежно любящий отец и внимательный семьянин. Не следует забывать, что все это обходилось весьма дорого, а средства исходили от главы семейства. Словом, древняя мордва, в качестве наших предков, отнюдь не является такою, в родстве с которой признаться было бы стыдно. В культурном отношении она стояла нисколько не ниже своих ближайших соседей и только особые условия делали ее мало подвижной. Новая политическая судьба выводила этих наших предков из инертности, но та же самая судьба и не позволила им этим воспользоваться.

План №1.



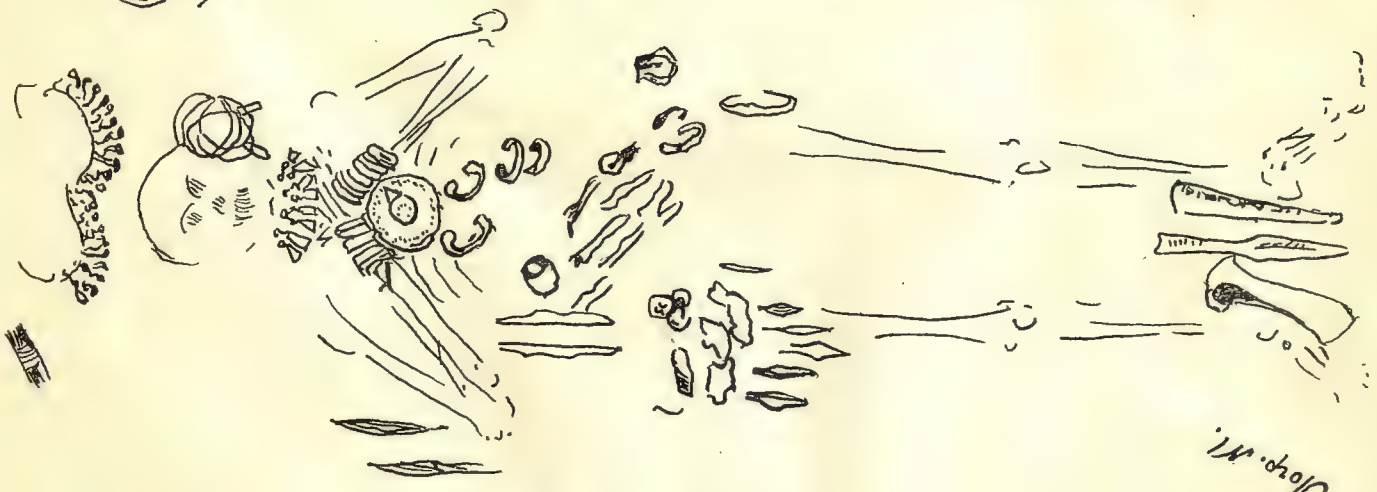


Рис. №1.

Погр. №1.

Рис. №2.

Погр. №2.

Корниловский могильник.

Раскопки Ф. Селезнева.

Табл. II.

Рис. №3.

Погр. №6.

Погр. №10.

Рис. №4.

Кормиловский могильник.

Раскопки Ф. Селезнева.

Табл. III

Погр. №6.

Рис. №6.

Погр. №8.

Погр №10.

Погр №9.

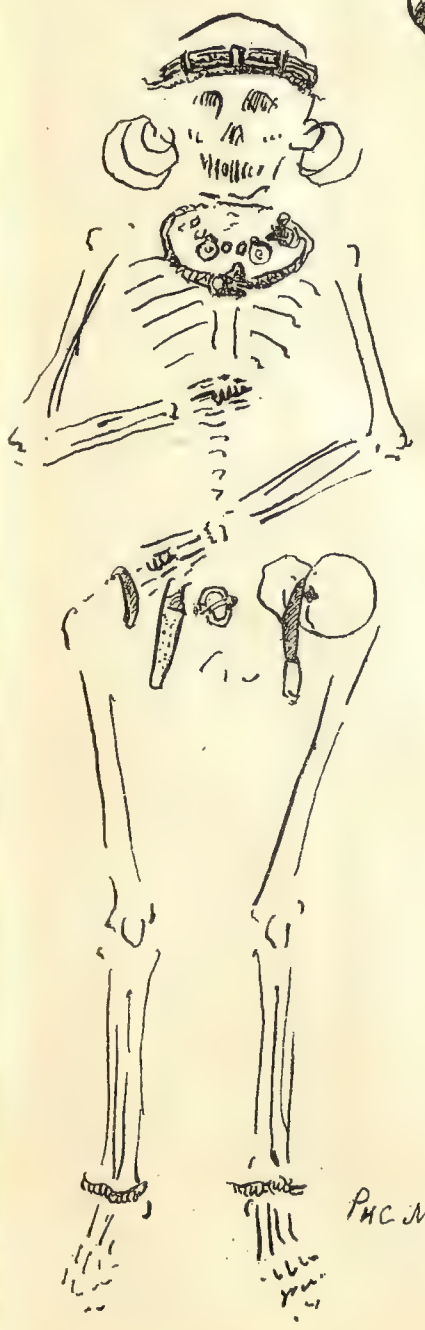


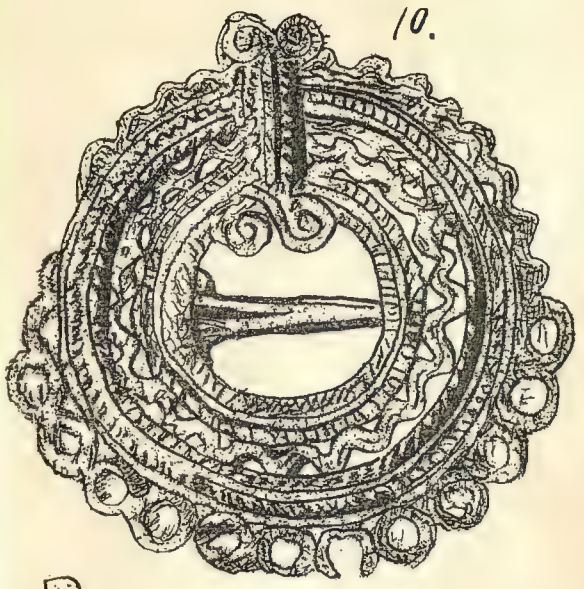
Рис №7

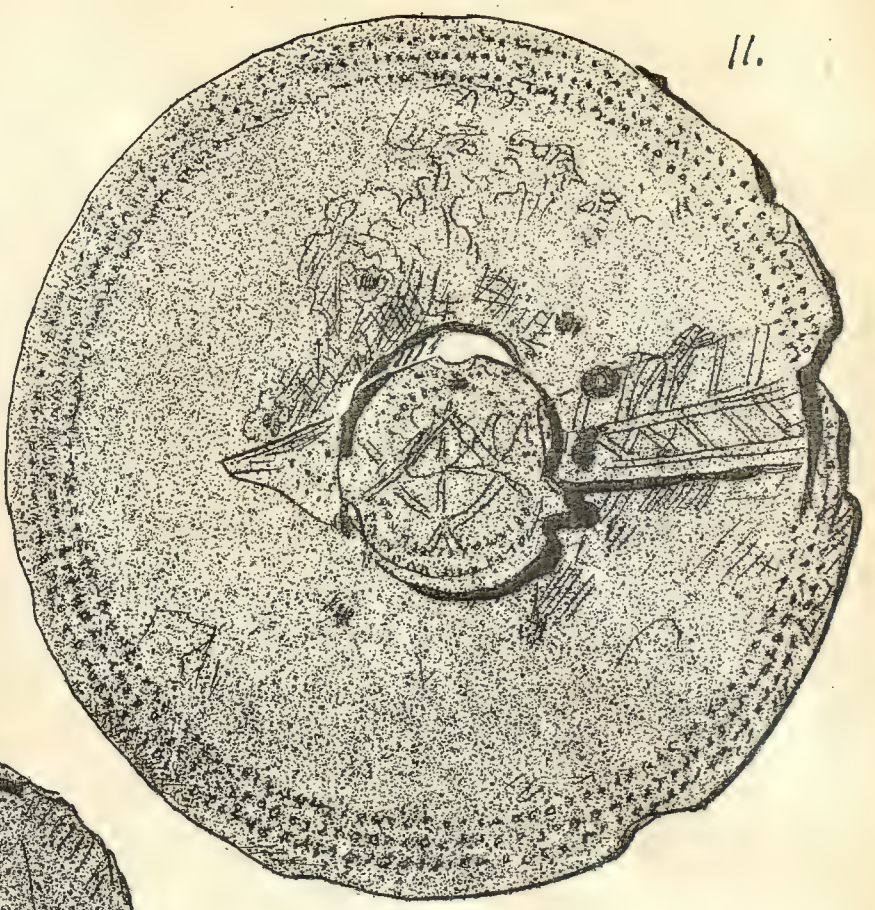
Рис №9.

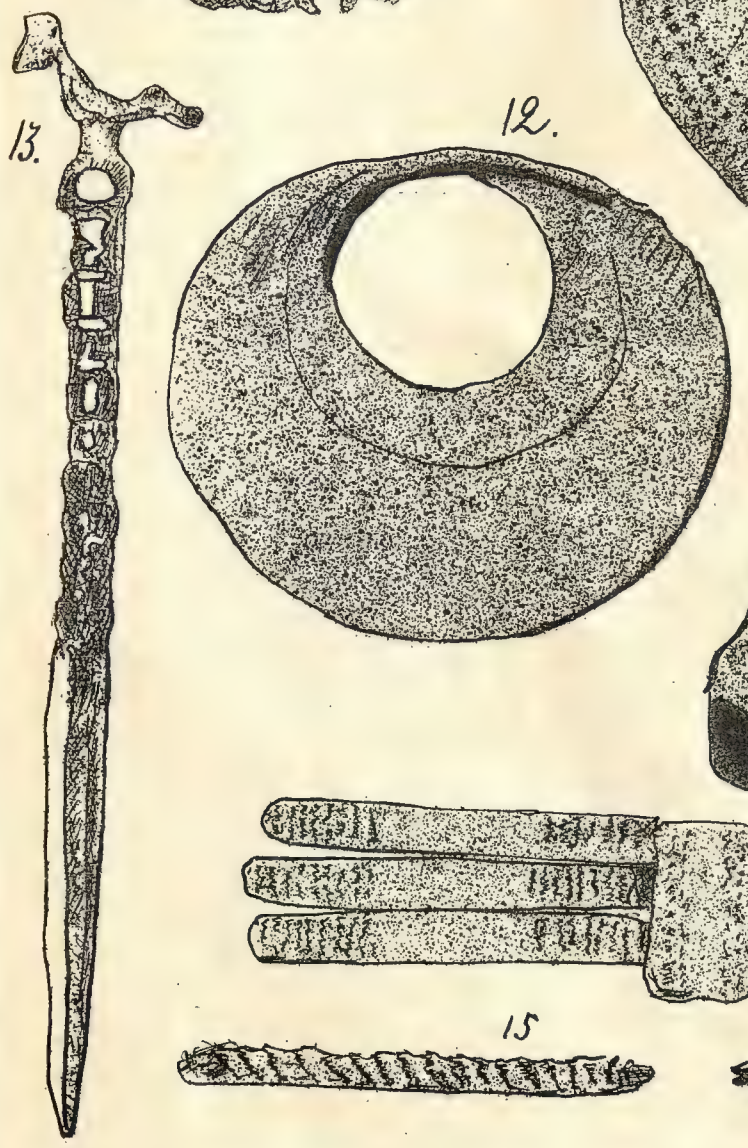
Рис №8.

Раскопки Ф. Селезнева. Пятницкий могильник.

Табл. IV.


10.


11.


13.

12.

14

17

16

15

15.

В натуральную величину.

Раскопки Ф. Селезнева.

Кляземский городок,

бывший удельный город Стародуб.

А. И. ИВАНОВ.

Среди многочисленных памятников отдаленного прошлого Владимирского края особый интерес в историко-археологическом отношении представляют городища.

Под городищами понимаются земляные укрепления, устроенные как в доисторические, так и в исторические времена, но потом оставленные населением.

Расположены эти памятники обыкновенно в малодоступных местностях, на высоких холмах, имеющих с одной стороны или даже с двух глубокие овраги; главная часть их примыкает к реке или вообще к воде, а остальная площадь соединяется с прилегающей местностью. По большей части городища окружены одним или несколькими валами и рвами, иногда хорошо сохранившимися. Смотря по условиям местности и по идее назначения, форма городищ бывает различна: круглая, неправильная, треугольная и четырехугольная. Размеры их также различны: площадь некоторых городищ не превышает нескольких десятков квадратных сажен, площадь же других достигает нескольких десятин.

В пределах Владимирской губернии памятников указанного типа сохранилось довольно значительное количество. В настоящее время мною собраны сведения о 46 городищах, расположенных, преимущественно, по берегам рек [1]).

Кроме пунктов, удержавших в той или иной степени типичные черты городищ, во Владимирском крае имеется ряд селений, своими названиями указывающих на существование здесь в прошлом древних земляных укреплений, внешние следы которых уничтожены временем и рукой человека.

Таких селений насчитывается 15.

В *Александровском уезде*: в 25 в. от гор. Александрова—с. Красный город (Шимохтино тож) и в 60 в.—дер. Городищи.

Во *Владимирском уезде:* в 32 в. от г. Владимира—дер. Городок.

В бывш. *Суздальском уезде*: в 31 в. от г. Суздаля—с. Городище.

В быв. *Покровском уезде*: в 7 в. от Покрова—дер. Городищи, в 32 верстах—с-цо Городок и в 40 в.—дер. Городец.

В *Вязниковском уезде*: в 25 в. от г. Вязников—дер. Городок и в 2 в. от гор. Гороховца—дер. Городищи.

В *Ковровском уезде*: в 17 в. от гор. Коврова—дер. Городины и в 72 в.—деревня Городина.

В *Меленковском уезде*: в 55 в. от г. Меленок—дер. Городищи.

---

[1]) Список городищ приложен к статье «Музейное дело во Владимирской губернии за время революции». Приложение № 4.

В *Судогодском уезде*: в 65 в. от г. Судогды—пог. Городищи и с. Спас-Городищи при р. Тетруле.

Различие в названиях, формах и размерах городищ показывает, что означенные памятники нашего края не могут быть отнесены к одной какой-либо эпохе. Существование их, очевидно, является весьма продолжительным, обнимая собою во многих случаях несколько последовательных периодов времени, начиная с глубокой древности. К сожалению, до сих пор эти интереснейшие сооружения на территории Владимирской губернии совершенно не подвергались научному исследованию, которое позволяло бы классифицировать их в определенном хронологическом порядке.

Поэтому можно только предполагать, что наиболее древними являются городища круглой формы и незначительные по размерам. К числу их относятся: 1) два городища при с. Добром, Владимир. у.,—одно на юго-западной стороне села и другое на юго-восточной, при овраге Дебри (список, № 6); 2) при с. Висельках, Владимир. у., расположенное на горе над р. Нерлью (сп., № 13); 3) около с. Кондракова, Муромского у., возвышающееся над р. Окой (сп., № 24); 4) при с. Спас-Седчине, Муромского у., расположенное на высокой оконечности мыса (сп., № 25) и 5) при селе Ильинском, Юрьевского у., называемое „Турдан“ (сп., № 46).

Все эти оригинальные укрепления имеют, повидимому, исключительно обрядовое значение и принадлежат той культуре, которая получила весьма широкое распространение в верховьях Волги и Оки в VI—VIII в.в. и довольно богато представлена Дьяковым городищем (близ Москвы).

Следующими по времени происхождения с некоторой вероятностью можно признать те из городищ, которые отличаются более крупными размерами по сравнению с предыдущими и имеют неправильную или треугольную форму укреплений. Расположены они обыкновенно в углах крутых поворотов или слияния рек и на мысах, образуемых глубокими оврагами. Среди городищ этой группы надлежит отметить: 1) городище при дер. Семеновской, Александровского уезда, расположенное на оконечности оврага, над р. Дубной (список, № 1); 2) при с. Менчакове, Владим. у., над р. Нерлью (сп., № 14); близ дер. Григорова, Переславск. у., при впадении Шусты в р. Кубрю (сп., № 30); 4) при дер. Антонке, Переславск. у., в углу двух оврагов (сп., № 36) и 5) близ с. Симы, Юрьевского у., над р. Симкою (сп., № 43).

Занимаемые перечисленными городками места отличаются всеми удобствами защиты и вполне ясно указывают на первоначальное назначение данного рода укреплений, как военных опорных пунктов. Когда и кем построены означенные сооружения—определить невозможно за отсутствием каких-либо материалов, но лучше всего относить их, повидимому, к до-славянской поре или самому началу славянской колонизации Владимирского края (IX—XI в.в.).

Третью группу составляют городища, довольно крупные по размерам и имеющие форму укреплений четырехугольную или близкую к четырехугольной. Расположены они на возвышенных берегах рек или на больших холмах, лежавших на главных путях массового колонизационного движения славян и являвшихся весьма удобными в стратегическом отношении. Остатки городищ этого типа имеются: 1) в 18 в от гор. Владимира, близ дороги к с. Ставрову, на высокой горе «Чижевой» (список, № 4); 2) при с. Осовец, Владимирск. у., на берегу р. Клязьмы (сп., № 5); 3) близ дер. Мокеева, Владимирск. у. (сп., № 7); 4) при с. Кидекше, Владим. у., на берегу реки Нерли (сп., № 8); 5) при селе Барском-Городище, Владим. у., на берегу реки

Нерли (сп., № 10); 6) при с. Спасском-Городище, Владим. у., на берегу р. Нерли (сп., № 11); 7) в 19 в. от г. Суздаля, около дороги к Гаврилову-Посаду (сп., № 15); 8) при с. Лукине, Вязниковск. у., на берегу р. Луха (сп., № 18); 9) близ с. Пировых-Городищ, Вязниковского уезда, на крутом берегу р. Клязьмы (сп., № 19); 10) при с. Городище, Юрьевского у. (сп., № 41) и 11) земляные валы в г. г. Владимире, Переславле и Суздале (сп., №№ 16, 17, 40).

Судя по местоположению и характеру укреплений, а также на основании некоторых летописных указаний, время построения перечисленных городищ должно быть приурочено к началу образования в нашем крае русской государственности (кон. XI—нач. XIII в.), вынужденной защищать себя как со стороны местного финского населения, так и со стороны своих же враждебных соплеменников.

Настоящее исследование посвящено одному из городищ последней категории, находящемуся в 12 в. ниже г. Коврова, на высоком берегу р. Клязьмы, и известному под именем „Кляземского городка" (сп., № 20).

Кляземский городок, бывший некогда удельный город Стародуб, издавна пользовался вниманием любителей старины и не раз упоминался в исторической и справочной литературе, [1]) но все эти упоминания, в большинстве очень краткие, ограничивались исключительно сообщением некоторых отрывочных исторических данных о городище и связанных с ним народных преданий. Научных обследований городища и даже точных его описаний никем не производилось.

Нашей задачей было—восполнить существующий пробел и выявить физиономию памятника путем археологических изысканий. С этой целью нами исходатайствовано было от Главнауки Н. К. П. разрешение на право производства археологических раскопок городища (открытый лист от 17/IV—1925 г. № 79/7822).

К сожалению, наше научное предприятие оказалось в значительной степени запоздалым. По приезде на место обнаружилось, что вся почти внутренняя площадь городка срыта на глубину 2—3 м. при постройке здесь фабрики местным купцом Ф. Носковым в 1908—10 г. г. По рассказам местных жителей, бывший фабрикант Ф. Носков, обнаружив богатые известковые и глиняные залежи на месте городища, купил у крестьян в 1908 г. за бесценок всю гору, занятую „городком", и немедленно приступил к земляным разработкам. Часть известняка и глины, добытых на городке, пошла на постройку фабрики, а другая часть продана была на сторону. Через два года постройка фабрики была закончена хозяйственным способом, не потребовав от Ф. Носкова никаких почти затрат. Но в результате этой ловкой хозяйственной операции ценнейший памятник древней культуры оказался в большей своей части навсегда погибшим для науки [2]). Неуничтоженными оказались лишь несколько случайно пропущенных мелких клочков культурного слоя, на которых и должен был сосредо-

---

[1]) А. Федоров. Истор. собр. о граде Суждале, стр. 107.
А. Щекотов. Словарь географич., ч. 5, столб. 1178.
Н. Барсов. Географич. словарь Русской земли (IX—XIV ст.), Вильно. 1865, стр. 190; П. Семенов. Географич.—статистическ. словарь, т. 2, стр. 637—638; И. Н. Березин. Русск. энцикл. словарь, т. 2. отд. 4, стр. 278; Брокгауз. Энцикл. словарь, т. 15, кн. 29, стр. 446. Н. Шаганов. Москвитянин, 1844, ч. 4, № 7, стр. 178—179. Северная пчела, 1844; Нижегородск. Губ. Ведомости, 1847, № 40; Владимир. Губ. Вед., 1844, № 33; К. Тихонравов. Влад. Губ. Вед. 1859, № 28; Русск. Дневник, 1859, № 131; М. Погодин. Москвитянин, 1850, V, стр. 1—4; Владим. Губ. Вед., 1867, № 49; Карамзин. Истор. Госуд. Российского; Соловьев. История России; А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. 2, СПБ. 1891, стр. 174—199.

[2]) Нельзя не выразить крайнего удивления, что бывшая Владимирская Ученая Архивная Комиссия, на обязанности которой лежала до революции охрана памятников в пределах губернии, совершенно не знала о разрушении столь известного в литературе памятника, как Кляземский городок.

точиться наш исследовательский интерес. Но прежде чем приступить к описанию городища и произведенных на нем археологических обследований, мы считаем необходимым остановиться предварительно на исторических известиях и народных преданиях о городке, связывающих этот памятник с бывшим удельным городом Стародубом и сообщающих ряд интересных сведений из его прошлой жизни.

Исторические известия и народные предания о городище.

Первое упоминание о Кляземском городке, бывшем удельном городе Стародубе, мы встречаем в Воскресенской летописи, в которой говорится, что в 1218 г. Стародуб был передан Владимирским князем Георгием в удел брату Дмитрию-Владимиру.

В 1238 г., после страшного татарского разгрома, Стародуб перешел во владение Ивану Всеволодовичу, младшему брату Владимирского князя Ярослава.

В течение второй половины XIII в. и первой половины XIV в. Стародуб-Кляземский несколько раз упоминается в летописях, как самостоятельный удельный город.

В 1363 г. Московский князь Дмитрий лишил Кляземский Стародуб независимости и выгнал из него непокорного князя Ивана Федоровича. С этого времени Стародуб становится в подчиненное положение к Москве и Стародубские князья, в качестве послушных наместников Московского князя, участвуют в целом ряде Московских походов: по покорению Твери в 1375 г., в Куликовской битве 1380 г. и по усмирению Новгорода в 1386 г.

В конце XIV в. Стародубское княжество делится между сыновьями Стародубского князя Андрея Федоровича на ряд мелких самостоятельных уделов или волостей, давших наименование новым княжеским фамилиям. Так, волость, известная в то время под названием «Погара» или «Пожара», наделенная старшему из братьев—Василию, дала роду его фамилию Пожарских, Стародуб с ближайшими селами и деревнями—Стародубских, село Ряполово с поместьями—Ряполовских и село Палех с наделами—Палехских или Палецких [1]).

В 1410 г. гор. Стародуб был взят и разорен татарами вместе с Владимиром и Муромом [2]).

Дальнейшая судьба Стародуба Кляземского долго остается неизвестной. Сведения имеются лишь о самом конце этого древнего удельного города.

В феврале 1609 г. Владимирский воевода Михаил Вельяминов доносил в Тушино, что Кляземский городок вместе с другими селами изменил Лжедимитрию и присягнул Василию Шуйскому. В марте того же года поляки с казаками напали за измену на Кляземский городок и жестоко расправились с жителями: одних побили, а других сожгли в осаде [3]).

После этого разорения город уже не возникал и только остатки искусственной городовой насыпи свидетельствуют о его давнем существовании.

Селение перенесено было за валы, несколько далее от берега Клязьмы. Исторические справки говорят, что и село, получившее название Городка, постигали в дальнейшем несчастия, хотя не от иноземных врагов, а от разбойников.

---

[1]) Производство фамилии кн. Палецких от с. Палеха оспаривается некоторыми историками.

Кроме вышеуказанных четырех родов, из Стародубского старшего княжества выделились впоследствии следующие княжеские фамилии: Голибесовские, Рамодановские, Пестрые, Тулуповы, Кривоборские, Льяловские, Осиповские, Стригины, Гундоровы, Ковровы, Неучкины, Гагарины, Небогатые, Хилковы и Татевы.

[2]) А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПБ. 1891, т. II, стр. 174—199. Владим. Губ. Вед. 1859, № 28.

[3]) Акты Московск. государства, т. 2, № 151, 170.

В 1667 г. крестьяне села Кляземский Городок доносили в своей челобитной о нападении на них разбойников в ночь с 27 на 28 октября ст. ст. Время для нападения выбрано было весьма удачно, так как жителей дома не оказалось,—«все были у праздника у дмитрова дни в разных селах и деревнях». Оставшиеся «не большие людишки великое голомя с разбойниками бились и всполог в колокола били», но разбойники из ружья «прочь всех отбили, а сами пошли на утек». Когда прибежали на набат крестьяне из ближних сел и пустились в погоню, то ничего не нашли, «потому что тропа черная ушла подле Клязьмы в леса да в поймы не вестьмо куда» [1]).

В 40-х годах прошлого столетия открыто было будто бы около сельской церкви большое количество надгробных камней с надписями имен князей, бояр и торговых гостей, но эти памятники, по невежеству церковников, употреблены были в фундамент новопостроенной церкви [2]).

Кроме исторических известий и некоторых вещественных остатков, память о седой старине Стародуба Кляземского сохраняют переходящие из рода в род местные народные предания.

Так, говорят, что там, где находится вал, был терем какого то князя столь высокий, что с верху его виднелись башни Суздаля. Когда этот терем рухнул, то верх башни ударился в землю на другом берегу Клязьмы, сделал в земле пробоину, вследствие чего образовалось озеро, место которого указывают между дубами. Возвышающиеся к ЮЗ от городища два небольших плато связываются в воспоминаниях местного населения с какими то теремами и носят название «теремищ».

По поводу находящейся к ЮЗ от городища высокой горы «монастырь» местные жители передают рассказ, что здесь был в глубокой древности богатый монастырь и что после одной кровопролитной битвы все павшие воины похоронены были около монастыря в одной братской могиле, доказательством чего служит нахождение в земле большого количества человеческих костей.

Далее говорят, что церквей при городе было семь, но из них сохранила следы только одна церковь—Георгия, на горе «Егорий».

Некоторые местности близ села связываются с преданиями о торговых рынках. Так, овраг за горой „Егорий“ называется „Просным“, так как здесь происходила будто бы когда то торговля просом. Другой овраг, расположенный еще дальше в том же направлении, называется „Коровий“, каковое название произошло, по местному толкованию, от торговли в данном месте скотом. Указываются и места древних пристаней, где останавливались прибывающие по воде барки с товарами.

Таковы сведения о прошлой судьбе Кляземского городка, почерпнутые нами из письменных и устных источников. Как ни скудны эти сведения, они все таки имеют существенное значение при обсуждении археологических данных, составляющих предмет нашего дальнейшего изложения.

Описание городища.

Местоположение (план № 1). Кляземское городище расположено на правом высоком берегу р. Клязьмы в 12 в. от г. Коврова, вниз по течению. Городище занимает обширное плато, возвышающееся над Клязьмой четырехугольным мысом, который ограничен: с СЗ стороны рекой, а с СВ и ЮЗ глубокими оврагами. Клязьма течет здесь по прямому направлению с ЮЗ на СВ, при чем нынешнее русло отступило

[1]) Владимир. Губ. Вед. 1867, № 49.
[2]) Владимир. Губ. Вед. 1859, № 28.

от древнего берегового массива приблизительно на 35 м., образовав между подошвой плато и современной рекой пологий скат, застроенный в ЮЗ части зданиями фабрики имени „III Интернационала“. Противоположный берег Клязьмы представляет собою пойменную низменность, простирающуюся верст на 10 в ширину и в значительной степени свободную от лесной поросли. Отсюда городище заметно издалека и имеет прекрасный вид с прилепившимися у его береговой подошвы фабричными строениями и с полукруглой каймой соснового леса, охватывающей линию укреплений с нагорной стороны (рис. № 1). В свою очередь с городища можно наблюдать весьма на далекое расстояние живописные картины пойменных окрестностей.

Рис. № 1.

Ограничивающий городище с СВ стороны овраг имеет вначале, при спуске к Клязьме, до 30 м. ширины и около 40-50 м. глубины по скату своих склонов. С удалением в глубь материка он то суживается, то расширяется и затем разделяется на несколько отрогов. В одном из треугольников, образуемых отрогами, юго-западном, расположена сельская церковь, а в другом, северо-восточном, сельские сады и огороды. Склоны оврага почти сплошь заросли лесом и представляют собой чрезвычайно красивый уголок (рис. № 2).

Рис. № 2.

Противоположная городищу сторона оврага полого поднимается вверх и достигает значительно большей высоты по сравнению с городищем. Самая верхняя часть этой возвышенности господствует над всей местностью и носит название горы „Егорья". Народное предание сообщает, что здесь стояла в древности церковь Георгия, построенная князем Юрием Долгоруким.

Вдоль ЮЗ вала идет другой овраг, еще более глубокий, который по мере удаления от реки становится мельче и затем разделяется на два отрога.

В треугольнике, образуемом оврагом и Клязьмой, к ЮЗ от городища, поднимаются четырьмя террасами холмистые поля с историческими воспоминаниями. Самую возвышенную точку верхней террасы составляют два возвышенных плато, называемых „Теремищами" и разделенных между собой долиной в 60 м. ширины.

На склоне третьей террасы, обращенном к Клязьме, возвышается круглый холм, на котором находится старообрядческое кладбище. Надкляземская сторона нижней террасы занята фабричным поселком.

В другом треугольнике, образуемом двумя верхними отрогами оврага, на ЮЮВ от городища, возвышается гора, называемая „Монастырь". Она имеет по скату до 60 м. высоты и связывается с преданиями о каком то бывшем здесь монастыре. Между горой „Монастырь" и городищем выступает продолговатый круглый холм, поросший кустарником.

Далее, на ЮВ и В от этого холма и горы „Монастырь" раскинулось нынешнее село, носящее древнее название „Кляземский Городок".

Размеры и форма городища (*план № 2*). Городище занимает удлиненную с СВ на ЮЗ площадку и должно быть отнесено к числу крупнейших во Владимирской губернии, так как ширина площадки, взятая вместе с укреплениями, доходит до 136 м., а длина до 176 м. Площадка городища представляет собой несколько покатую к Клязьме поверхность, и весьма хорошо защищена со стороны реки и оврагов крутыми скатами, имеющими высоту от 15 до 35 м. По верху скатов идут земляные валы, в значительной части хорошо сохранившиеся. С юго-восточной стороны, не имеющей естественной защиты, городище укреплено валом и рвом, пересекающими мыс почти по прямой линии и упирающимися концами в овраги. Все четыре вала имеют протяжение 506 м. и представляют собою форму удлиненного четырехугольника с овалами в южном, западном и северном углах.

Наиболее хорошо сохранился СВ вал. Он тянется в совершенно прямом направлении с ЮВ на СЗ по обрыву оврага на протяжении 95 м., а затем делает изгиб к З протяжением в 32 м., образуя овал. Высота вала по внутреннему откосу 8-10 м., ширина в основании 8 м. В ЮВ конце вала, на месте стыка с ЮЗ валом, находится древний проход или ворота, шириной 8 метров.

ЮВ вал также довольно хорошо сохранился. Высота его по внутреннему откосу в СВ части 8—10 м., а в ЮЗ—4-5 м. Внешний откос имеет глубину от 12 до 20 м. Вал тянется вначале на протяжении 105 м., совершенно в прямом направлении с СВ на ЮЗ, перпендикулярно к СВ валу, а затем делает почти правильный дуговой изгиб к З длиной 60 м., до соединения с ЮЗ валом. На расстоянии 50 м. от СВ конца вал перерыт в недавнее время для в'езда на территорию городища. Проход имеет ширину до 8 м. Профиль обреза обнаруживает, что вал насыпан из глины и песка, вынутых, вероятно, здесь же при устройстве рва и углублении площадки (рис. № 3).

ЮЗ вал самый короткий. Он тянется прямо с ЮВ на СЗ, параллельно СВ валу и имеет в длину 74 м. Ширина в основании 8 м., а высота по внутреннему откосу от 3 до 5 м. Северо-западный конец вала несколько испорчен при постройке здесь фабрики.

Рис. № 3.

СЗ вал, обращенный к Клязьме, значительно разрушен обвалами и разработками при постройке у подошвы городища фабричных зданий. Сохранился только внутренний откос, который показывает, что вал имел те же очертания, что и юго-восточный вал: первоначально он шел почти по прямому направлению с СВ на ЮЗ на протяжении 80 м., а затем делал дуговой изгиб к Ю длиной около 60 м. до соединения с юго-западным валом. Высота вала по внутреннему откосу 3—5 м., ширина в основании до 8 м. Внешний откос сохранился только в северо-восточной половине, а в юго-западной он весь почти уничтожен обвалами и разработками известкового камня. Профиль среза, обнаженный указанными разработками, великолепно обрисовывает геологическое строение берегового массива, на котором стоит городок. Сверху до глубины 0,7 м. идет серой окраски культурная почва с черепками, углем и другими признаками жилья. Ниже залегает желтая рыхлая глина, под которой выступают компактные пласты красной глины. С глубины 2—2,5 м. начинается известковая порода сначала рыхлого мучнистого строения, а затем на некоторой глубине переходящая в довольно твердый однообразный массив.

Непосредственно за обрывом находится расчищенное плато, застроенное сооружениями фабрики.

Площадка городища (план № 2). Как отмечено было выше, почти вся территория внутри валов оказалась изрытой выемками почвы, произведенными во время

добывания здесь глины в 1908-1910 г. г. Так как глина залегала не в одинаковых горизонтах, то выемки имели не везде одинаковую глубину и образовали три почти правильные террасы, спускающиеся к Клязьме.

Самая нижняя терраса, ближайшая к реке, носит на себе следы наиболее усиленных разработок. Здесь почва срыта до самого известкового грунта на глубину более 2 м. Ширина террасы в средине 14 м.

Следующая терраса возвышается над предыдущей приблизительно на 1,5 м. Ширина ее в северо-восточной части около 25 м., а в юго-западной до 6 м. Выемки почвы здесь менее глубокие, но все таки они захватили почти все верхние слои: культурный, желтой глины и красной глины.

Третья терраса начинается незначительным уступом и обнимает всю юго-восточную половину площадки городища. По северо-западному краю террасы сохранились остатки двух обширных печей для обжигания кирпича. Повидимому, в этой части городища разработки глины велись не так систематически, как на территории первых двух террас. Культурный слой уничтожен и здесь почти на всей площади, но выемки глины производились спорадически, благодаря чему вся поверхность оказалась пересеченной многочисленными ямами. По сведениям местных жителей, при выборке глины в некоторых местах находили громадное количество человеческих костей, но где именно—определить не удалось.

Незначительные остатки культурного слоя в виде мысков сохранились лишь у подошвы юго-восточного вала, где нами и произведены были раскопки. Всего проведено семь небольших траншей.

Дневник раскопок.

Траншея № 1. Размеры: 4×4×1 м.

Траншея проведена в южном углу городища, в расстоянии 1 м. от вала, и захватила весь мыс культурной почвы, образуемой двумя позднейшими ямами.

Обнажения разреза дали здесь следующий профиль: верхний растительный слой толщиной до 0,05 м., под ним культурный слой глубиною до 0,7 м., состоящий сплошь из рыхлой почвы, содержащей в большом количестве щебень, угли и кости домашних животных (коровы, овцы и свиньи), внизу подстилал известковый грунт.

Культурный слой в нижней части был насыщен черепками черного цвета, плохо обожженными; в верхнем горизонте обнаружено несколько десятков черепков желтой и красной окраски с хорошим обжигом. Судя по бережковым черепкам, посуда сделана была на станке и имела крутые загибы горла. Многие черепки снабжены линейным и двойным волнистым орнаментом (табл. III).

Кроме черепков в культурном слое найдены: головка глиняной статуэтки, изображающая человека в войлочной шляпе („головка холопа“), табл. I, рис. 1; железная походная чернильница с помещением для пера, табл. I, рис. 2; железный седельный крючек, табл. I, рис. 4; часть стеклянного браслета (или ручки от сосуда) с витым орнаментом, табл. I, рис. 3; железный плоский гвоздь, табл. I, рис. 5; часть человеческой челюсти с двумя зубами, железный нож финского типа, табл. 1, рис. 7; конец железного клинка, табл. I, рис. 6; часть деревянной рукоятки ножа с остатком железного стержня, короткий плоский гвоздь, табл. II, рис. 8; железная дверная петля для навеса, обломанный железный ножик финского образца, табл. 2, рис. 9; железный обломок неизвестного назначения, два глиняных грузила от рыболовных сетей—одно

короткое круглое, другое длинное, табл. II, рис. 14-15; несколько костей домашних птиц и клюв крупной болотной птицы.

Характер перечисленных находок дает возможность предположить, что в данном месте находилось жилое строение, следы которого в значительной степени уничтожены при копании глины.

Траншея № 2. Размеры: 2×2×1 м.

Проведена на расстоянии 8 м. от траншеи № 1 в восточном направлении и имела целью захватить второй небольшой мысок культурного слоя, сохранившийся в южном углу городища. Здесь верхний растительный слой вместе с культурным имел до 0,7 м толщины. Ниже шел известковый грунт.

В обрезе обнаружено: множество черепков прежнего типа, сломанный железный нож, плоский гвоздь, железная скобка, табл. II, рис. 12, и кости домашних животных.

Траншея № 3. Размеры: 2×2×0,5 м.

Траншея проложена на расстоянии 10 м. от предыдущей в восточном направлении. Она имела целью захватить следующий остаток культурной почвы, выступающий зубцом между ямами около юго-восточного вала городища.

Обрез траншеи обнаружил наслоения серой и темной земли и известковой массы. Глубина рыхлых прослоек простиралась до 0,2 м. Дальше залегала компактная масса подстилающей известковой породы.

В верхнем рыхлом слое обнаружено: несколько десятков черных черепков с крутым загибом на краях и часть лошадиного ребра. Внизу в значительном количестве встречались валуны, при чем один имел громадные размеры.

Траншея № 4. Размеры: 2×2×0,5 м.

Траншея проведена на расстоянии 10 м. от траншеи № 3 в направлении к В и захватывала последний мысок культурной почвы, оставшийся в этой части городища.

Профиль обреза обнаружил: верхний слой толщиной 0,2 м., состоящий из щебня, перемешанного с углем и желтовато-серой глиной, и нижний подстилающий известковой породы.

В верхнем культурном слое найдены черепки и кости домашних животных.

Траншеей № 4 раскопки в южной части городища были закончены, так как здесь не оказалось больше остатков культурной почвы. Исследования перенесены были в восточный угол городища, к старому проходу, где имелся незначительный клочок цельного культурного слоя.

Траншея № 5. Размеры: 2×1,5×1,5 м. Проведена в самом проходе старых ворот, находящихся в восточном углу городища.

Профиль разреза обнаружил следующие напластования: под тонким слоем гумуса простиралась на глубину 1 м. компактная суглинистая почва, образовавшаяся из оползней соседних валов; далее шел культурный слой толщиной до 0,4 м., внизу подстилал песок.

В верхнем горизонте культурного слоя найдены: половина стеклянной фиолетового цвета бусины и осколок каменного ядра.

Траншея № 6. Размеры: 2×2×1,5 м.

Проложена против старых ворот, параллельно Ю-В. валу. Траншея эта почти примыкала к траншее № 5 и являлась как бы ее продолжением. Под тонким растительным слоем здесь обнаружился сразу же культурный слой глубиной до 0,4 м., в котором найдены: кости домашних животных (коровы и овцы), несколько десятков

черепков среднего и хорошего обжига, без орнамента, железный нож финского образца, табл. II, рис. 11, часть вещицы из листовой меди, напоминающая горлышко сосуда.

Ниже культурного слоя оказалось сплошное скопление мелкого булыжника, которое тянулось горизонтальным слоем вдоль ЮВ вала и с противоположной от вала стороны отграничивалось громадным булыжным камнем.

Подстилающим слоем служила глинистая почва.

Траншея № 7. Размеры: 2×2×1,5 м.

Проведена на расстоянии 8 м. от траншеи № 6 в перпендикулярном к ней направлении. Профиль обреза оказался тот же, что и в траншее № 6.

На глубине 0,2-0,3 м. найдены: кости домашних животных (свиньи и овцы), черепки желтого и темного цвета, некоторые с орнаментом, железный нож с заостренным концом .(тип хирургического), табл. II, рис. 10, и железное шило с утолщением посредине, табл. II, рис. 13.

На глубине 1 м. обнаружено сплошное скопление мелкого булыжника, залегавшего горизонтальным слоем, как и в траншее № 6. Здесь среди камней найдены: точильный брусок, железный нож финского типа и несколько десятков черепков темного цвета, некоторые с волнистым орнаментом.

Описание

предметов, найденных на Кляземском городке при раскопках в 1925 году.

№ 1. Головка глиняной статуэтки, изображающая простолюдина („холопа“) в высокой шляпе типа войлочных с отогнутыми полями; профиль лица и посадка головы схвачены необыкновенно рельефно и живо. Высота головки—4 см., окружность полей шляпы—9 см. Статуэтка, от которой сохранилась головка, слеплена была, несомненно, руками местного мастера не позднее XVI в. и служила детской игрушкой (табл. I, рис. 1).

№ 2. Железная походная чернильница в форме цилиндра с припаянной к ней узкой длинной трубочкой, имеющей глухое дно и служившей в качестве пенала для перьев. Дно чернильницы отвалилось, от него сохранилась только часть; по ребру соединения стенок со дном заметны следы припайки красной медью. Верх чернильницы имеет круглое отверстие размерами 1,2 см. в диаметре; следов крышки не сохранилось. Размеры чернильницы: высота 3,5 см., ширина—3 см. в диаметре, толщина стенок—0,1—0,15 см. Размеры пенала: длина 13,8 см., ширина—1 см. в диаметре (табл. I, рис. 2).

№ 3. Два фрагмента стеклянного браслета (или ручки от сосуда) темно-зеленоватого цвета с витым орнаментом; длина одного—6,5 см., а другого 3 см., толщина в диаметре 0,6 см. (табл. I, рис. № 3).

№ 4. Железный (седельный) крючек; сделан, повидимому, из ножа, так как один край заострен, а другой толстый, тупой; нижний конец несколько сужен, верхний расширен и имеет плечики с остатками стержня; длина крючка—8 см. (табл. I, рис. 4).

№ 5. Железный кованный гвоздь, плоский, с загнутой шляпкой; длина—12 см., ширина в верхнем конце—1 см., толщина—0,4 см. (табл. I, рис. 5).

№ 6. Железный нож финского типа; стержень для насадки отломан; длина 11 см, ширина у рукоятки—1,7 см., толщина по обуху—0,4 см. (табл. I, рис. 6).

№ 7. Железный нож в форме кинжала с длинным стержнем для насадки; длина—12 см., ширина у рукоятки—1,2 см., толщина по обуху—0,4 см., длина стержня—4 см., (табл. I, рис. 7).

№ 8. Железный кованый гвоздь, плоский, без шляпки; длина—7 см., ширина вверху—1 см. (табл. II, рис. 8).

№ 9. Железный нож финского образца с отломанным концом, стержень для насадки—длинный и заостренный; длина сохранившейся части ножа—7, 5 см., ширина у рукоятки—1, 5 см., толщина по обуху—0, 4 см., длина стержня—4, 5 см. (табл. II, рис. 9).

№ 10. Железный нож, ланцетовидный, с ровным стержнем для насадки; длина 9 см., ширина у рукоятки—1 см., толщина по обуху—0, 2 см., длина стержня—4 см. (табл. II, рис. 10).

№ 11. Железный нож в виде кинжальчика с остатками стержня для насадки; длина—10 см., ширина у рукоятки—1 см., толщина по обуху—0, 4 см. (табл. II, рис. 11).

№ 12. Железная скобка (от седелки); длина—9 см., ширина в средней части—0,6 см. (табл. II, рис. 12).

№ 13. Железное шило длиной 6, 5 см. (табл. II, рис. 13).

№ 14. Глиняное грузило от рыболовных сетей, круглое продолговатое; длина—6 см., толщина 2 см. в диаметре (табл. II ,рис. 14).

№ 15. Глиняное грузило короткое, круглое; длина—4 см., диаметр 3 см. (табл. II, рис. 15).

№ 16. Обломок железного ножа с коротким стержнем для насадки.

№ 17. Обломок железного дверного крюка.

№ 18. Обломок железной скобы от неизвестного предмета.

№ 19. Обломок глиняной ручки от сосуда.

№ 20. Фрагмент вещицы из листовой красной меди.

№ 21. Половинка стеклянной бусины фиолетового цвета.

№ 22. Стержень от железного ножа с остатками деревянной ручки.

№ 23. Осколок каменного ядра.

По рассказам местных жителей и сестры быв. фабриканта Ф. Носкова, при разработках глины на площадке городища в 1908—1910 г. г. были найдены: несколько железных ножей описанных выше типов, кости человеческие и животных и один маленький мушкет. Худшие по сохранности вещи и кости выбрасывались, а лучшие находки Ф. Носков взял себе, но потом затерял.

Керамика городища.

Всего при раскопках городища найдено 135 черепков гончарной посуды. На основании изучения материала, техники обработки и орнамента, мы считаем возможным разделить их на четыре группы:

1. Первую группу составляют бережковые черепки (всего 3), сделанные из красной глины с большой примесью кварцевого песка, при чем в одном черепке крупные песчинки в значительном количестве выступают из массы стен наружу и придают поверхности шероховатый и грубый вид. Черепки весьма хрупки на излом и совершенно черные, что свидетельствует о примитивном способе обжига на костре или в закрытой печи [1]). Выработка велась, повидимому, от руки или на каком то первобытном ручном станке, так как стенки сохранившихся фрагментов не везде ровны. Верхние края (бережки) несколько утолщены, едва заметно отогнуты и имеют прямой обрез; шейки

1) Один черепок был подвергнут нами вторичному обжигу в мастерской местного гончара и получил совершенно красный цвет.

выражены слабо; выпуклость боков незначительна; орнамента нет. Судя по кривизне черепков, сосуды имели довольно широкие горла и отличались средними размерами. Толщина стенок двух черепков—0, 4 см., одного—0, 7 см.

2. Ко второй группе относятся черепки, совершенно сходные с первыми по материалу и степени обжига, но отличающиеся некоторыми деталями в обработке. Черепков этой группы насчитывается 19. Они все носят несомненные следы гончарного круга. Верхние края в большинстве круглые или слабо утолщены легкой складкой; обрез прямой. У некоторых черепков бережки плохо обработаны и имеют незначительный отгиб (таб. III, рис. 16), у других-края отогнуты под тупым углом к горлу (таб. III, рис. 17) и у третьих—под прямым углом (табл. III, рис. 18). Шейки довольно высокие и выражены сильно; боковые стенки—выпуклые; плечи почти отсутствуют, только у двух черепков они выступают настолько круто, что придают сосудам амфоровидную форму. Орнамент имеется только на 5 черепках: на одном он нанесен палочкой в виде беспорядочно расположенных грубых точек (табл. III, рис. 19), а на четырех состоит из одного или двух поясков волнистых линий, помещенных немного ниже горла (табл. III, рис. 20). Судя по черепкам, сосуды имели в большинстве довольно крупные размеры. Толщина стенок колеблется между 0, 4—0, 7 см.. Днища плоские.

3. Черепки третьей группы характеризуются особенностями отделки бережковой части. Все они имеют резко отогнутый край наружу, иногда под острым углом к горлу, при чем на месте плечиков идет желобчатая выемка, сделанная лопаточкой и образующая при пересечении с крутыми боками острое ребро (табл. III, рис. 21). У некоторых черепков желобок украшен волнистым орнаментом (табл. III, рис. 22). По материалу и степени обжига черепки этой группы сходны с предыдущими. Только в четырех случаях наблюдается тонкая красная прослойка с внешней и внутренней стороны, свидетельствующая о некотором прогрессе в технике обжигания. Всего черепков описанного типа добыто 27. Судя по ним, можно предположить, что сосуды удерживали прежние формы и размеры. Толщина стенок от 0, 4 до 0, 8 см.

4. В четвертую группу входят черепки иной техники и иного состава по сравнению с описанными выше. Они сделаны из красной и желтой глины без всякой почти примеси песка, прекрасно обработаны и отличаются весьма хорошим обжигом. Некоторые из черепков довольно значительны по размерам и дают отчетливое представление о формах и величине сосудов. В большинстве сосуды имели форму обычных горшков средней величины; диаметр зева колеблется между 15—20 см., верхние края отогнуты кругло или едва заметно, край одного черепка был совершенно почти прямой (табл. III, рис. 23); шейки выражены слабо, иногда обозначены простым желобком, сделанным лопаточкой; плечи отсутствуют; бока выступают весьма сильно; днища толстые, плоские и имеют по краю глубокий рубец, служащий подставкой; толщина стенок 0, 4—0, 7 см. Орнамент, если находится на сосудах, расположен исключительно по верхней части боков и состоит из прямых горизонтальных линий (табл. III, рис. 24). Всего черепков описанной группы добыто при раскопках—86.

Предложенный обзор фрагментарных остатков глиняной посуды Кляземского городища показывает, что гончарное производство пережило здесь длительный процесс развития. Точной хронологической классификации керамики городка не удалось установить, так как культурный слой, в котором она залегала, оказался сильно потревоженным. Можно только полагать, что находки керамических изделий обнимают период XII—XVI в. в.

Общие замечания.

Мы изложили все, что нам удалось собрать относительно Кляземского городка из письменных и устных источников и путем археологических обследований. К сожалению, собранный материал при всем своем разнообразии оказывается слишком отрывочным и бедным положительными данными, которые позволяли бы составить сколько нибудь цельный очерк разных сторон жизни городища. Нам приходится поэтому ограничиться лишь самыми общими замечаниями о прошлой судьбе и культуре описываемого памятника.

Время жизни городища. Летописные сказания упоминают Кляземский городок, как удельный город, в начале XIII в. Местные предания приписывают построение городища Юрию Долгорукому. А. Бунин считает возможным отнести основание Стародуба Кляземского к началу XII в. [1])

Последняя дата является, повидимому, наиболее приемлемой, так как тип укреплений говорит за то, что городок возник в период образования в нашем крае русской государственности и вместе с Ярополчем и Гороховцем служил одним из первых опорных стратегических пунктов.

Жизнь городища длилась с разными переменами в течение пяти столетий и закончилась в 1609 г. О последней судьбе городка имеются приведенные выше исторические данные, которые не вызывают сомнений.

Указанным хронологическим определениям не противоречит и добытый раскопками археологический материал. Среди находок не оказалось ни одной вещи, которую можно было бы отнести к инородческой культуре и датировать раньше XII в. В то же время полное отсутствие в культуре каких либо остатков кирпичей и изразцов говорит о прекращении существования городка не позднее первой половины XVII в.

Культура городища. Исторические известия рисуют жизнь городища весьма богатой военными событиями, а народные предания представляют ее довольно развитой экономически.

Относительно многочисленности военных столкновений, происходивших на территории Кляземского городка, мы едва ли можем сомневаться. Назначение его, как сторожевой крепости, было—защищать Владимирский край от вражеских нашествий со стороны низовьев Клязьмы и принимать на себя первые удары неприятелей. Две археологические находки—осколок каменного ядра, добытый при раскопках, и небольшой мушкет, обнаруженный рабочими при извлечении глины в 1908 г., являются вещественными свидетелями тяжких моментов борьбы, перенесенных городком. Первая служит памятником одного из ранних нападений на городок (татарских), а вторая может быть отнесена к последней драме, завершившей существование Стародубской крепости.

Что касается экономической жизни Кляземского городка, то свидетельства о ней местных народных преданий следует признать в значительной степени преувеличенными. Русский рядовой город XIII—XVI в. в. не имел тех основных черт, которые отличали европейский город того же времени, являвшийся центром торгового и промышленного населения известного округа. В нашей стране, преимущественно земледельческой, где в сильной степени преобладала первоначальная промышленность и крайне слабо развито было ремесло, города мало чем отличались от окрестных

[1]) Археолог. Известия и Зам. М. 1898, №№ 5-6-, стр. 188.

селений, разве только размерами и укреплениями; большинство же населения их промышляло теми же занятиями, как и окрестные сельские жители.

Стародуб Кляземский, по всем признакам, не являлся исключением в данном отношении. Археологические находки не дают никаких указаний на экономическое богатство города. Все вещи, добытые раскопками и при земляных разработках, отличаются бедностью материала и примитивностью техники.

Основными занятиями жителей Кляземского городка, как и большинства древних удельных русских городов, следует, повидимому, признать: земледелие, скотоводство и рыболовство. Земледелие составляло искони главный промысел славянской народности, а скотоводство и рыболовство могли развиться под влиянием чрезвычайно благоприятных местных природных условий: близость обширных пойм и богатого рыбой водного бассейна Клязьмы. Наличие среди находок значительного количества костей домашних животных и нескольких глиняных грузил от рыболовных сетей служит тому подтверждением. Что же касается названий некоторых местностей, связываемых народным преданием с бывшей торгово-промышленной деятельностью Кляземского Стародуба, то истолкование этих названий может быть иное и более верное. Так, наименование одного из ближайших к городищу оврагов „Просным“ указывает не на торговлю здесь просом, а скорее на большие запашки в данном пункте любимого славянами хлебного злака, оставившего по себе память в древних народных русских песнях. Название другого оврага „Коровьим“ следует признать в качестве указания на место, где зарывался павший скот.

Из местных ремесл археологический материал позволяет выделить с известной определенностью гончарное производство. Обилие остатков глиняной посуды разнообразных форм и техники и находка головки глиняной статуэтки говорят за то, что в области керамических изделий население Кляземского городка достигло больших успехов. Богатство залежей желтой и красной глины давало возможность развить гончарное дело в довольно широких размерах и сделать его предметом торгового сбыта.

Относительно общественного и домашнего быта жителей древнего Стародуба трудно сказать что-нибудь определенное за отсутствием данных. Культурный уровень их развития также остается неизвестным. Находки чернильницы и прекрасно сделанной головки глиняной статуэтки могут быть приняты в качестве свидетельств, что среди жителей Кляземского городка были лица грамотные и нелишенные эстетического вкуса.

В заключение нам остается отметить, что городища Владимирской губернии заслуживают самого серьезного внимания со стороны археологической науки. Вопрос об этих памятниках приобретает весьма большую и жизненную тему о заселении и культурных течениях края в период образования русского государства. Здесь историк будет знать лишь то, что даст археология.

План № 1.

Общий план „Кляземского городка"

0. 10. 20. 40 80. 120. метров

Селение

Строения

Гора „Монастырь"

В. Ю. З. С.

Плато „Теремище"

Гора Егорий

Городище

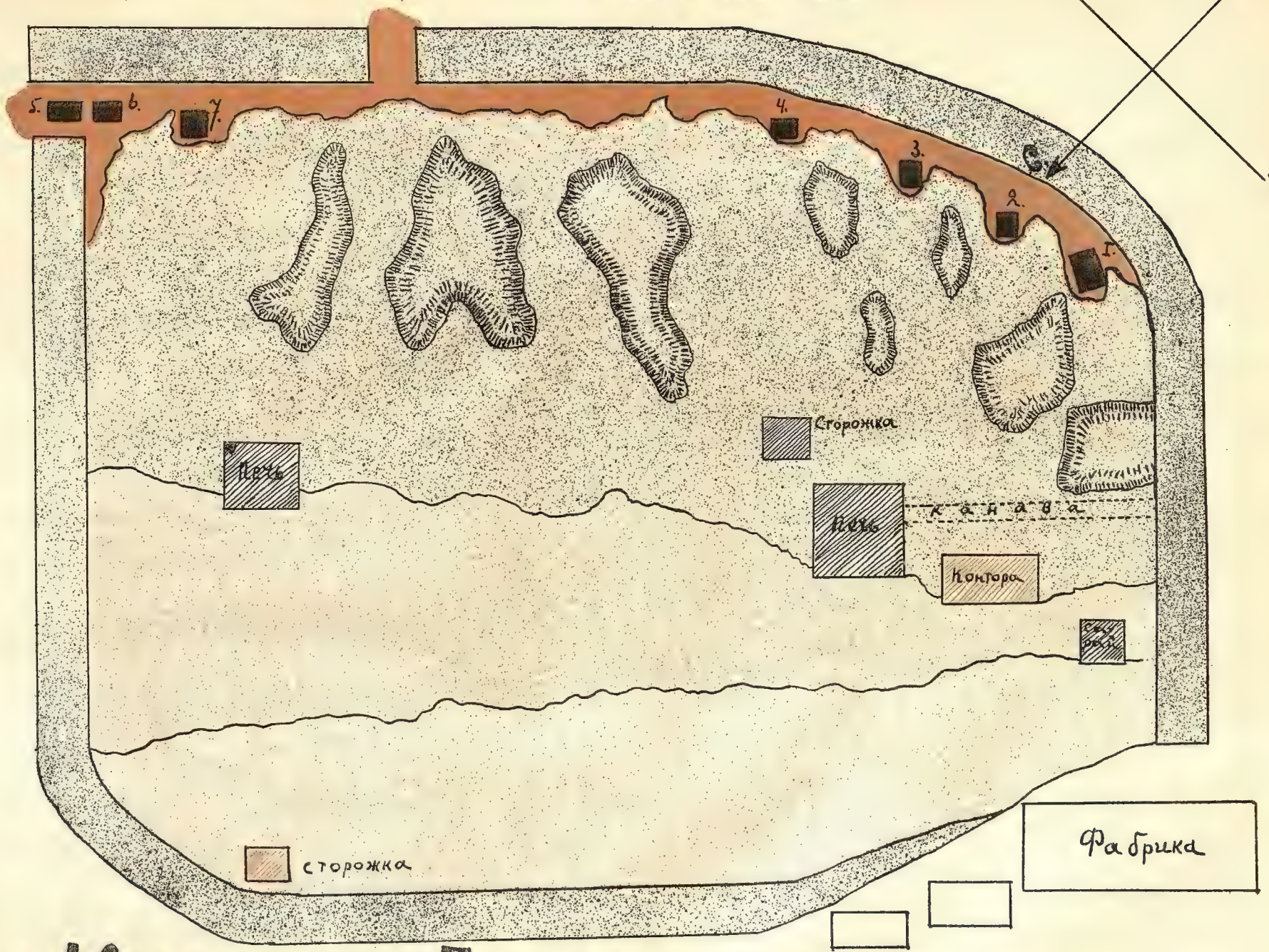
Старообрядческое кладбище

Фабрика

Фабричный поселок

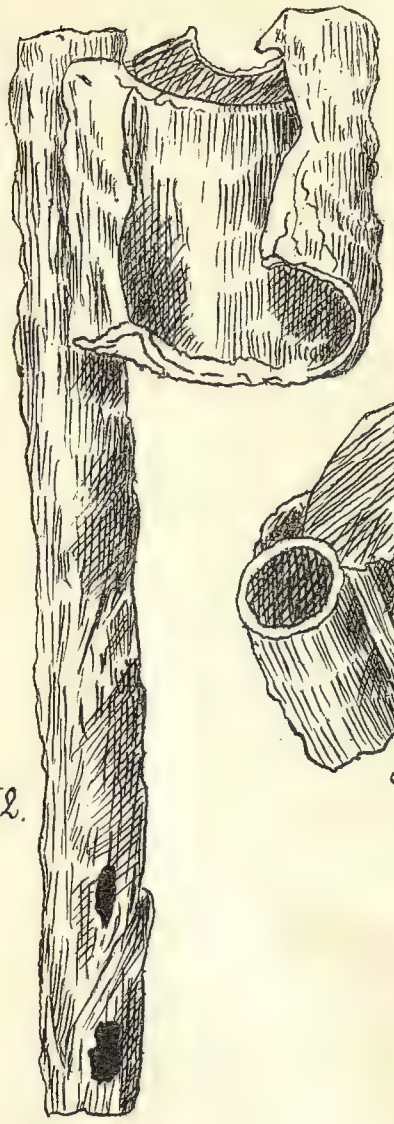
Р е к а К л я з ь м а

План №2.

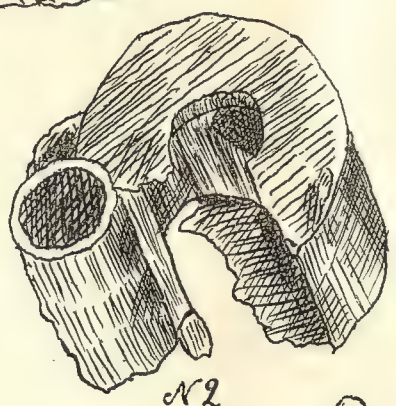


План Клязенского Городка

Табл. I.



№ 2.

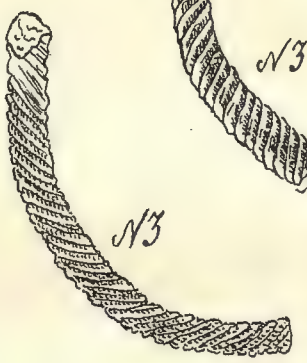


№ 2

№ 1.

№ 1.

№ 3

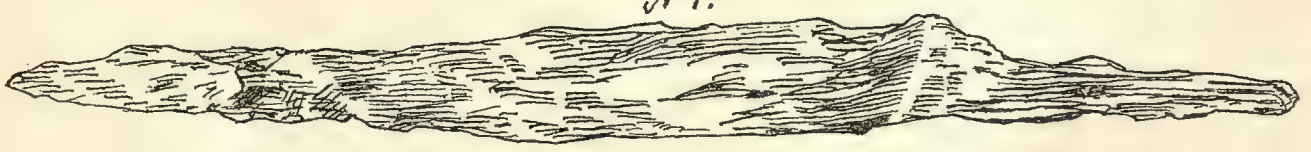


№ 3

№ 4.

№ 5.

№ 6.



№ 7.

Раскопки А. И. Иванова.

Княземский городок.

Табл. II.

№8

№9

№10

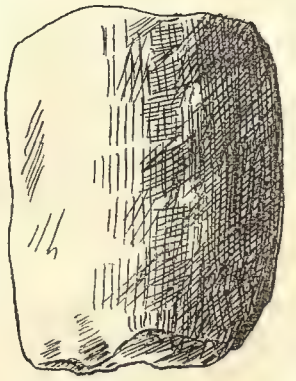
№11

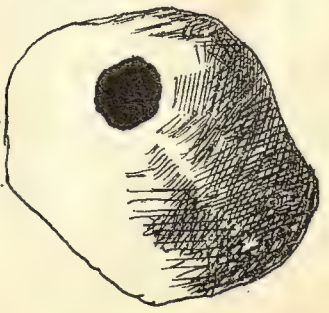
№12

№13

№14

№14

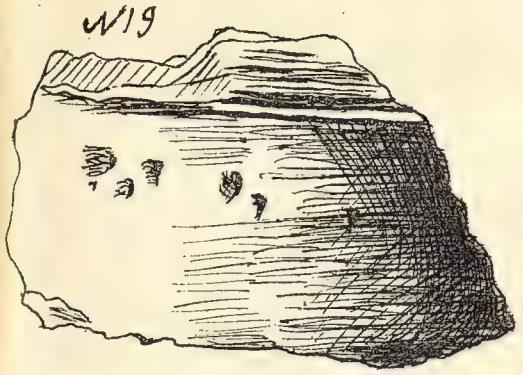

№15

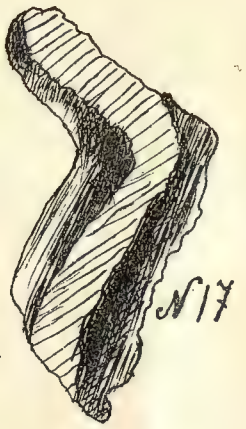

№15

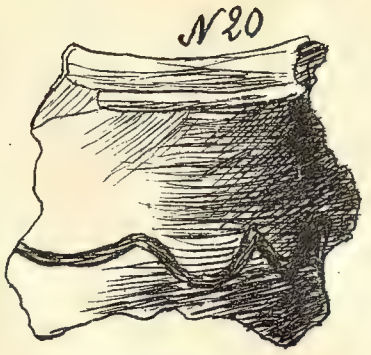
Княземский городок.

Раскопки А. И. Иванова.

Табл. III.


№19

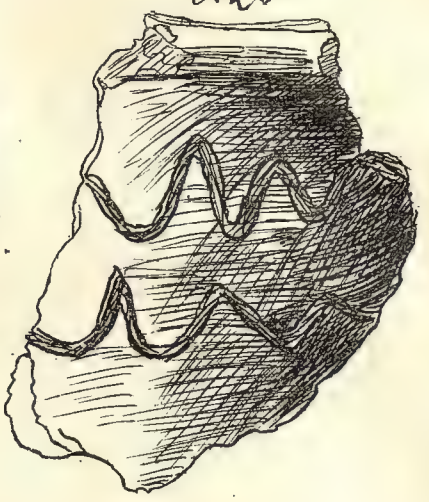

№17


№20

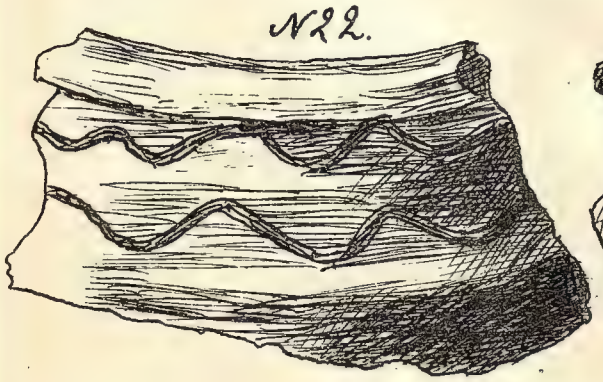
№16.

№20

№18.


№20

№18.


№22.

№21.

№22

№21.

№24.

№23.

Клязьменский городок.

Раскопки А. И. Иванова.

Музейное дело

во Владимирской губернии за время революции [1]).

А. И. ИВАНОВ.

Владимирская губерния в области музейного строительства занимает одно из видных мест в ряду других губерний нашего Союза ССР. Богатство культурно-исторических памятников, находящихся на территории края, прочные традиции глубокого научного интереса к местной старине и природе, созданные трудами прежних научных организаций (Владимирской Губернской Ученой Архивной Комиссии и Общества Любителей Естествознания), и наличие нескольких квалифицированных и самоотверженных музейных работников—все это в совокупности значительно содействовало успеху развития музейного дела.

За время революции у нас появилась целая сеть новых музеев, которые необыкновенно быстро растут в своем содержании, впитывая в себя все, что оставило прошлое наиболее ценного в культурно-историческом и художественном отношениях.

Обогащаясь важнейшими и ценнейшими произведениями человеческого творчества, музеи постепенно приобретают вместе с тем громадное культурно-просветительное значение: они становятся центром школьной и внешкольной экскурсионной работы. С каждым годом групповая посещаемость музеев увеличивается. Из мертвых складов разнородных случайно накопленных более или менее ценных вещей музейные собрания путем постепенного отбора, пополнения и классификации экспонатов превращаются в живые кабинеты и лаборатории по различным отраслям знания.

Развертывающаяся в настоящее время на местах научно-исследовательская краеведческая работа обещает обогатить музеи новыми ценнейшими материалами и придать им характер научно-исследовательских краеведческих институтов.

Чтобы дать ясное представление о масштабе и значении музейного строительства в губернии и самом ходе его постепенного развития, мы коснемся в кратких чертах всех разделов музейной работы и, прежде всего, остановимся на административно-организационной части.

Административно-организационная работа.

До революции создание разного типа музеев в провинции и охрана памятников старины, искусства, народного быта и природы составляли предмет внимания и инициативы частных лиц и отдельных общественных групп. Необходимые суммы на содержание возникающих музейных учреждений и на поддержание памятников собирались путем добровольных пожертвований и членских отчислений.

---

[1]) Доклад, прочитанный Завед. Владимирским Губмузеем А. И. Ивановым на 2-й Влад. Губ. Конференции по изучению производительных сил.

Вполне понятно, что положение как музеев, так и охраны памятников в провинции не могло считаться прочным, поскольку всецело зависело от частной инициативы и поддержки.

После Октябрьской революции все дело охраны и музейного строительства взято было в ведении государства и подчинено высшему руководству Всероссийской Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, организованной при Комиссариате Народного Просвещения.

По предписанию Центральной Коллегии, в мае 1918 г. при Владимирском Губернском Отделе Народного Образования создается первая Комиссия по охране памятников искусства и старины, в состав которой вошли, кроме специалистов, три представителя от Губисполкома. В августе того же года Комиссия преобразовывается в Губернскую Коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

12 декабря на губернском с'езде по народному образованию на основании доклада председателя Коллегии вынесено было постановление—приступить к организации уездных коллегий в городах: Вязниках, Муроме, Переславле, Суздале и Юрьеве. Вскоре действительно возникают музейные коллегии и по уездам: в декабре 1918 г. в г. Переславле, в январе 1919 г. в г. Муроме, в марте того же года в г. г. Суздале и Юрьеве.

В апреле 1919 г., согласно предписания Наркомпроса, Губернская Коллегия преобразовывается в Подотдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. В состав Подотдела вошли: заведующий Подотделом, как постоянный руководитель-специалист, представитель от Губоно, как политический руководитель, и 5 сотрудников консультантов в качестве членов Коллегии Подотдела. С образованием Музейного Подотдела и с назначением постоянного руководителя-специалиста организационная работа пошла усиленным темпом. В течение нескольких месяцев заведующий Подотделом произвел обследование всех уездов губернии, кроме Переславского, с целью инструктирования местных работников и создания на местах музейных ячеек. 8—10 июля 1919 г. Губернским Подотделом созван был с'езд музейных работников губернии, на котором выявлены были текущие нужды музейного строительства и намечен план дальнейшей работы. К концу 1919 г. Музейные Подотделы существовали во всех уездных городах губернии, за исключением Александрова, Гороховца, Коврова и Покрова, где назначены были агенты.

В начале 1920 года Подотдел по делам музеев превращен был в секцию вновь организованного при Губоно Подотдела Искусств. Соответствующая реорганизация произошла и на местах.

23 мая 1921 г. Наркомпросом издается новое Положение о губернских музейных органах. Согласно этого Положения, по губерниям при Отделах Народного Образования создаются губернские Комитеты по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (Губмузеи). На Губмузеи возлагалось: а) организация и направление деятельности всех как существующих, так и вновь возникающих в губернии музеев, как художественно-исторических, так и естественно-научных, государственных парков, зоопарков, заповедников и заказников научного характера, б) охрана произведений искусства, памятников старины, народного быта и природы, регистрация и взятие на учет, в) организация губернских музейных фондов, г) производство археологических раскопок и реставрационных работ—в обоих случаях лишь с ведома и разрешения Главмузея, д) организация художественных и научных выставок, лекций, экскурсий, экспедиций, с'ездов и издание специальной и популярной

литературы. Для осуществления всех указанных задач Губмузеи делились на три Подотдела: а) музейный, б) учета и охраны памятников и в) просветительный, при чем штат служащих для Владимирского Губмузея определялся в 11 человек. По плану Губернского Музейного Комитета намечалась организация Комитетов по уездам с соответствующим кругом прав и обязанностей и со штатом в 3—4 человека. Указанное Положение 1921 г. остается действующим до настоящего времени.

Такова в общих чертах история организации музейного управленческого аппарата в нашей губернии.

Из этой истории мы видим, что музейное ведомство всегда стремилось создать на местах такие формы управления, которые бы позволили иметь в поле зрения всю территорию губернии и при помощи которых можно было бы обеспечить успех охраны памятников и музейного строительства. К сожалению, в распоряжении музейного ведомства никогда не было достаточных сил и средств к осуществлению своих стройных проектов. Намеченные Положением штаты для Губмузея и Умузеев остались только на бумаге. Работу Губмузея всегда вел один человек (заведующий). Что же касается уездов, то в тех из них, где успели организоваться музеи, обязанности по делу охраны памятников и музейному строительству возложены на заведующих музеями, в прочих уездах, не имеющих музеев, работа ведется непосредственно Губмузеем.

Такая скудость сотрудников необходимо должна быть учтена при оценке деятельности в области музейного строительства и охраны памятников, к обозрению которой мы переходим.

Учет и охрана памятников.

10 октября 1918 года опубликован был декрет об учете и охране памятников искусства и старины, по которому государство в общем и целом брало под свое покровительство охрану всех вещевых и монументальных памятников художественно-исторического значения, в чьем бы владении они не находились. На основании указанного декрета Владимирские губернский и уездные музейные органы в первую очередь направили свое внимание на принятие мер охраны громадного художественного достояния, оставшегося в богатых усадьбах и домах бежавшей буржуазии, так как этому достоянию грозила наиболее серьезная опасность. В условиях гражданской войны и при полном почти отсутствии транспортных и денежных средств работа в данном направлении требовала исключительной напряженности. Необходимо было в самом спешном порядке обследовать быв. помещичьи имения и богатые особняки, чтобы зарегистрировать находящиеся в них художественно-исторические ценности и принять соответствующие меры охраны. С целью ускорения работы Губернский Подотдел по делам музеев обратился во все уездные и волостные исполкомы и земельные органы с просьбой дать сведения о находящихся в их распоряжении усадьбах и оказать всемерное содействие музейным сотрудникам при обследовательских поездках. Вместе с тем в Коллегию Музейного Подотдела введены были представители от Губземуправления и Губсовхоза для выработки общих мероприятий по охране музейных ценностей, находящихся в бывших помещичьих усадьбах.

К концу 1919 г. музейным органам удалось взять под охрану государства 5 богатых художественных собраний в городских особняках (Сенькова и Демидова—в г. Вязниках, Беднякова, Овсянникова и Ганшина—в г. Юрьеве) и 12 крупнейших усадеб с общим количеством заключающихся в них предметов до 4000. Значительная часть ценных вещей была немедленно вывезена в музейные хранилища.

28 марта 1920 года в местной „Районной газете“ № 46/107 опубликовано было постановление Владимирского Губисполкома, которым все владельцы художественно-исторических предметов (учреждения, общества и частные лица) обязывались представить в Губернский Подотдел по делам музеев сведения о принадлежащих им памятниках искусства и старины.

С этого момента охранная деятельность музеев вступает на путь более спокойного, но в то же время и более детального обследования. В поле зрения берутся не только учреждения, но и частные лица, а также монастыри и храмы. На последние обращено было особенное внимание, так как хранящиеся в них художественно-исторические предметы в большей своей части представляют исключительное значение.

В течение 1920—21 г. г. обследовано: 7 усадеб, 15 монастырей, 52 церкви и одно частное собрание (Полянского в г. Коврове), при чем взято на учет до 8000 предметов художественно-исторического характера, значительная часть которых тогда же вывезена в местные музеи.

1922 год проходит под флагом из'ятия церковных ценностей в комиссии Помгол. Музейные сотрудники привлечены были к работе как эксперты-специалисты по выделению предметов, имеющих музейную ценность. Кампания из'ятия весьма много помогла делу охраны и учета памятников, так как в процессе работы музейным сотрудникам удалось зарегистрировать целый ряд новых предметов высокой музейной ценности и обогатить музеи новыми поступлениями.

В марте месяце 1923 года изданы были декрет о переучете и перерегистрации всех предметов музейного значения, в чьем бы ведении и обладании они не находились, и Положение Отдела по делам Музеев НКП о создании при Губмузеях Губернских Научно-Художественных Экспертных Комиссий, на которые возлагалось проведение в жизнь вышеозначенного декрета.

Права и обязанности Комиссий определялись особой инструкцией.

Созданная при Владимирском Губмузее Научно-Художественная Экспертная Комиссия приступила к работе в мае того же года. По уездам учет и перерегистрация музейных памятников возложены были на местных музейных работников. 25 апреля 1924 года Губисполком издал обязательное постановление (Изв. Влад. ГИК'а № 13/87), которым предписывалось всем учреждениям, организациям и частным лицам в трехмесячный срок представить списки имеющихся у них художественно-исторических предметов в Губернскую Научно-Художественную Экспертную Комиссию при Губмузее. Кампания по переучету не дала, однако, больших результатов. Всего вновь зарегистрировано 97 предметов. Об'ясняется такое явление, несомненно, тем, что все наиболее ценное в художественном отношении захвачено было прежней регистрацией.

Одновременно с работой по учету и охране вещевых памятников искусства, старины и быта Губмузеем развивалась широкая деятельность по научной регистрации памятников монументальных и археологических.

По богатству и значению указанных памятников Владимирская губерния занимает исключительное положение, привлекая издавна к себе внимание не только русской, но и западной науки. Вполне понятна отсюда забота музейного ведомства сберечь и охранить это ценнейшее наследие прошлой культуры, тем более, что некоторые из памятников остались после революции совершенно беспризорными.

В 1919 г. Губмузеем взято было на учет 14 архитектурных памятников, в том числе 4 гражданского и 10 церковного зодчества XII—XVII в.в. В 1920 г. количе-

ство зарегистрированных монументальных памятников доходит до 34. К концу 1922 г. на учете музейных органов состояло 60 памятников гражданской и церковной архитектуры. В 1923 г., на основании декрета от 19 апреля о специальных средствах музеев, начата была кампания по закреплению за Музейным Отделом некоторых памятников со всеми находящимися при них владениями и имуществом. В последние два года в связи с декретом от 7 января 1924 г. развивалась особенно усиленная деятельность по учету архитектурных сооружений исторического характера.

Результаты этой работы в настоящее время представляются в следующем виде:

1. В непосредственном ведении музейных органов по Владимирской губернии находится: 9 памятников гражданской архитектуры и 53 церковных сооружений (см. список—приложение № 2-й).

2. На учете Музейного Отдела состоят: 21 памятник гражданского зодчества и 172 церковного (см. список—приложение № 3-й).

Наряду с памятниками архитектуры велась регистрация археологических памятников. К числу таких принадлежат: стоянки древнего человека, могильники, курганы, городища и места всякого рода археологических находок. Сведения о всех этих памятниках собирались музейными работниками как путем личного обследования, так и по литературным более или менее верным указаниям. В настоящее время в распоряжении Губмузея имеются данные о нескольких тысячах пунктов, имеющих то или иное археологическое значение. Большинство из этих пунктов не нуждаются ни в какой охране, так как часть их совершенно исчерпана прежними исследователями, а другая часть отмечает лишь случайные находки и клады. Сведения о таких местах собирались, как материал для археологической карты. Охране подлежат те из археологических памятников, которые имеют внешние определенные признаки или обозначают местонахождение остатков древней человеческой культуры. Таких памятников зарегистрировано Губмузеем 136. По своему типу они распределяются: палеолитических стоянок—1, неолитических—36, палеометаллических—2, могильников—8, курганов несколько сот, расположенных в 43 пунктах, и городищ—46 (см. список—приложение № 4-й).

Что касается мероприятий фактической охраны, то в первые годы революции музейные органы, за отсутствием средств, не имели никакой возможности производить необходимые ремонты с целью предохранения памятников от разрушения.

В этот тяжелый период все мероприятия по охране ограничивались назначением сторожей для надзора за целостью памятников, находящихся в непосредственном ведении Музейного Подотдела, и общим наблюдением за состоянием тех памятников, которые состояли в пользовании учреждений, общественных организаций и частных лиц. С 1923 г. положение значительно изменилось к лучшему. В связи с передачей музейным учреждениям доходных имуществ получилась возможность приступить к неотложным ремонтам и даже реставрации некоторых памятников. За истекшее время Губмузеем произведен частичный ремонт 9 памятников и ведется одна большая архитектурная реставрация.

Декретом от 7 января 1924 года и инструкцией Наркомпроса от 7 июля 1924 г. обязанность принимать действительные меры к охране памятников зодчества и археологии, состоящих на учете Музейного Отдела, возлагается на местные Исполнительные Комитеты. За музейными же органами остается охрана и содержание памятников, находящихся в непосредственном их ведении.

В дальнейшем работа по учету и охране памятников архитектурного и археологического значения должна углубиться и расшириться при широкой поддержке общественных сил и, прежде всего, краеведческих организаций.

Музейное строительство.

В связи с работой по учету и охране вещевых памятников искусства, старины и быта развивалась деятельность по строительству музеев.

За время революции рост музеев во Владимирской губернии получил чрезвычайно широкие размеры. Вместо 2 довольно скудных музеев, имевшихся в губернии до революции (Исторического и Естественного), в настоящее время насчитывается 12 музеев, при чем многие из них обладают таким богатством экспонатов, что составили бы в прежнее время украшение любого губернского города. Такое развитие музеев об'ясняется усиленной концентрацией музейного материала, распыленного по разным уголкам нашего края.

Насколько ускоренным темпом шла собирательская работа, можно видеть на примере Владимирского Государственного Музея. Основание этому музею положено в 1862 году Владимирским Губернским Статистическим Комитетом по инициативе секретаря Комитета К. Н. Тихонравова. Музей существовал около 20 лет и за этот период времени скопил 300 экспонатов и библиотеку в 2000 книг. В начале 80-х годов музей со смертью К. Н. Тихонравова был закрыт и передан в древлехранилище так называемого Братства Александра Невского. В 1898 году музей снова возрождается при Владимирской Архивной Комиссии, получившей в свое распоряжение экспонаты, собранные Статистическим Комитетом. В дальнейшем пополнение музея и учрежденной при нем библиотеки идет непрерывно до самой революции. В 1918 году музей бывшей Архивной Комиссии насчитывал 5200 экспонатов, а библиотека имела около 15000 томов. Таков результат почти 50-летней работы.

Совсем другую картину представляет деятельность музея в период революции. Количество поступлений экспонатов по годам выражается в следующих цифровых данных: 1918 г.—810 пр., 1919—975 пр., 1920—938 пр., 1921—3851 пр., 1922—375 пр., 1923—290 пр., 1924—235 пр. и 1925—1054 пр. Таким образом, в течение 8 лет музей увеличился в три раза. Столь же быстро пополнялась и библиотека музея: с 15000 томов она возросла до 25900, не считая лицевых рукописей и старопечатных книг, количество которых доходит до 1300.

Громадное накопление экспонатов, из которых многие имели внушительные размеры (картины, мебель), заставило музей искать новых помещений и развертывать новые отделы. В 1923 году организована была в особом здании Художественная Галлерея, заключающая в себе богатые собрания портретов, картин, мрамора, бронзы и предметов художественной обстановки. В 1924 г. положено основание Музею Церковных Древностей, занявшему позднейшие пристройки Успенского собора. В 1920 г. учрежден Историко-Революционный Музей, который в начале 1922 года был передан, по распоряжению Губоно, в Губсовпартшколу и теперь снова возрождается.

Таким образом, Владимирский музей за время революции развернулся в четыре отдельные музея, богатейшие коллекции которых в общей сложности приобретают не только губернское, но и общегосударственное значение.

Столь же энергичная деятельность по музейному строительству развивалась и в уездах. Основной принцип музейной политики—всемерно приблизить научно-культурные сокровища к массам. Поэтому там, где только представлялась возможность, созда-

вались местные музейные центры, в которых сосредоточивались памятники окружающей территории. С первых же лет революции начинают возникать музеи в уездных городах и даже в некоторых сельских поселениях. В 1918 году организуются музеи в гор. Муроме, Вязниках и Переславле. В 1919 году положено основание музеев в гор. Александрове, Меленках и Юрьеве. В 1922 году создается музей в гор. Суздале. В 1923 году возникают музеи в гор. Киржаче и погосте Мстере, Вязниковского уезда. В настоящее время мы имеем в губернии по ведомству Наркомпроса 12 музеев (см. список и краткий исторический очерк музеев—приложение № 1).

Разростаясь количественно, уездные музеи с каждым годом крепли и обогащались качественно. Из небольших собраний случайных вещей они быстро превращались в крупные для уезда научно-просветительные учреждения.

Некоторое представление о развитии уездных музеев могут дать цифры поступления экспонатов за 1925 год: Александровский музей приобрел 132 предмета, Муромский—232, Переславский—392, кроме естественных коллекций, Суздальский—102. и Юрьевский—356.

На 1 октября 1925 года общее количество экспонатов и книжных собраний по каждому музею губернии выражается в следующих данных:

Владимирский Государственный Областной музей—более 15000 экспонатов и библиотека 25900 томов, кроме рукописей и старопечатных книг и библиотек Историко-Революционного и Естественного музеев.

Александровский музей—до 1000 экспонатов.

Вязниковский музей—1323 экспоната и библиотека до 1000 томов.

Киржачский—416 эксп., Меленковский—1733 эксп., Мстерский—150 эксп., Муромский—10907 экспонатов и библиотека более 20000 томов.

Переславский—около 1000 экспонатов историко-бытового и художественного характера и более 2000 естественно-научных, библиотека до 25000 томов. Суздальский—2683 экспоната и библиотека 4096 томов. Юрьевский—1703 экспоната и библиотека 4813 томов.

Всего по музеям мы имеем до 40000 предметов исторического, художественного бытового, естественно-научного и экономического характера и более 80000 книг научно-справочного содержания.

Одних этих цифр достаточно для того, чтобы судить, какую громадную величину представляют музеи нашей губернии, как научные учреждения, и каким могучим фактором они могут стать в деле научно-исследовательской и культурно-просветительной работы нашего края.

Научная работа музеев.

Переходя к обзору научной деятельности музеев, мы должны сделать предварительную оговорку, что в данном случае имеется в виду исключительно исследовательская работа, вносящая новые данные в те или иные отрасли знания.

По существу вся текущая работа музеев является научной, поскольку она связана с материалами, представляющими собой квинт-эссенцию человеческого творчества и культурных достижений. Нельзя, например, включить тот или иной предмет в музейную коллекцию, не произведя предварительно научной экспертизы. Нельзя, далее, выставлять и об'яснять музейные коллекции, не изучив и не выявив всех характерных их особенностей. Самое хранение музейных экспонатов требует большой научно-технической подготовки и опыта. Однако, вся эта каждодневная, многочасовая научная

работа, проходящая в лабораториях музеев, не может быть учтена, так как не проявляет себя очевидными для всех научными результатами. Учету подлежит лишь та часть научной работы музеев, которая носит чисто исследовательский характер и сопровождается известного рода научными открытиями. К такого рода работе музеи смогли приступить не сразу, а после некоторых чрезвычайно серьезных задержек.

Первой задержкой являлась весьма спешная задача, поставленная перед музейными органами революционным вихрем,—это спасти от гибели культурные и художественные ценности в ликвидированных усадьбах, храмах и монастырях. Не смотря на ряд самых неблагоприятных условий—отсутствие материальных средств и достаточного кадра сотрудников, задача эта, как отмечено выше, выполнена музейными органами успешно. Свидетельством тому служит существующая сеть музеев, созданных из художественно-культурных сокровищ, вывезенных из бывших помещичьих имений и ликвидированных церквей.

Вторая задержка заключалась в том, что музейным работникам необходимо было разобраться в накопившемся материале, классифицировать его и выставить для обозрения. Работа в этом отношении выполнена также вполне удовлетворительно. Все сосредоточенные в музеях коллекции подобраны так, что каждый посетитель может вынести определенное и цельное впечатление об известных культурных эпохах и ходе развития разных отраслей искусства и производства Владимирского края.

Только по выполнении указанных срочных заданий музейные сотрудники могли перейти к серьезной работе чисто исследовательского характера. К настоящему моменту в этой области проделано следующее:

1. По истории края. Директором Владимирского музея А. Ивановым, на основании местных архивов, произведен ряд исследований по истории революционного движения во Владимирской губернии, из которых напечатаны: „Движение среди учащихся Владимирской губернии в 1905—06 г. г. Труды Владимирского Научного Общества, вып. III", „Крестьянское движение во Владимирской губернии в 1905—06 г. г. Тр. Влад. Научного Общества, вып. IV", „Крестьянское движение во Владимирской губернии в XVIII в." Владимир, 1923 г.,„Профессиональный Союз работников просвещения Владимирской губернии", Владимир, 1924 г.

Сотрудниками Переславского музея разрабатывалась история Переславского края по архивным материалам и напечатано несколько статей в докладах Переславского Научно-Просветительного Общества, вып. № 1-13.

2. По археологии. Заведующим Муромским музеем Ф. Селезневым в течение 1923—1925 г.г. совершен ряд археологических обследований окрестностей города Мурома, установивших новые местонахождения древней культуры, и произведены раскопки неолитических стоянок в бассейнах рек Илемны, Ушны, Кутри, Тепи, могильников при деревне Корниловке, Максимовке, Катышове, Перемиловской пустыни, Ефановой, Пятницкого в г. Муроме и Чаадаевского городка. В 1924 г. произведены раскопки проф. В. А. Городцовым палеометаллической стоянки при с. Панфилове, Муромского уезда, и А. Ивановым финского могильника в селе Пустоши, Судогодского уезда. В 1925 году произведены раскопки: А. Ивановым „Кляземского городища", Ковровского у, и проф. А. А. Спицыным двух стоянок неолита на реке Вексе и озере Сомино, Переславского уезда. Кроме того, А. Иванов занимался сводкой и обработкой всего археологического материала, добытого в пределах Владимирской губернии для монографии „Доисторическое прошлое Владимирского края".

Из работ по археологии напечатаны:

1. Ф. Я. Селезнева—„Археологические обследования окрестностей Мурома". Материалы по изучению Муромского края, вып. I-й—1925 г.

2. А. И. Иванова—„Пустошенский могильник". Тр. Владимирского Государственного Областного Музея, вып. I—1925 г.

К печати приготовлены:

1. Проф. В. А. Городцова. „Палеометаллическая Панфиловская стоянка."

2. Ф. Я. Селезнева—Культура финнов средней Оки.

3. А. И. Иванова. Кляземское городище, бывший удельный город Стародуб.

3. По народному искусству. Работа сосредоточивалась, главным образом, во Владимирском Государственном Музее, которым собирались литературные материалы, фотографии и рисунки, относящиеся к древним архитектурным памятникам, крестьянским резным и расписным по дереву изделиям и древним изразцам. Всего собрано 240 фотографий и рисунков. Кроме того, при содействии музея напечатана работа Н. Малицкого „Поздние рельефы Дмитриевского собора". Тр. Владимирского Научного О ва, вып. V.

4. По этнографии. Исследования велись преимущественно сотрудниками Переславского музея, напечатавшими несколько заметок в „Докладах Переславского Научно-просветительного О-ва".

5. По природе края. Работами заявили себя Меленковский, Муромский и Переславский музеи и, в частности, сотрудник Муромского музея И. П. Мяздриков и сотрудники Переславского музея В. А. Варенцов и С. С. Геммельман, напечатавшие ряд статей в местных изданиях.

6. По экономике. Вел исследования бывший Заведующий Муромским Музеем И. П. Богатов, напечатавший две заметки: „Полотняная мануфактура гор. Мурома" и „Бумаготкачество в Муромском уезде" (Материалы по изучению Муромского края, вып. I).

Ведя самостоятельно научно-исследовательскую работу музеи Владимирской губернии всегда оказывали самое широкое содействие ученым, приезжающим из разных мест Республики и даже из за границы для исследования тех или иных вопросов, связанных с памятниками Владимиро-Суздальского края. За время революции при одном Владимирском музее вели работу 34 ученых, приезжавших из Москвы и Ленинграда, и два заграничных профессора.

В общем, музеи нашей губернии в области научной работы успели заявить себя весьма ценными результатами и дают основание надеяться, что в будущем научно-исследовательская деятельность их углубится и расширится.

Просветительная деятельность музеев.

Музейные учреждения губернии ставили всегда себе целью не только собирать, охранять и изучать культурно-бытовые и художественные богатства Владимирского края, но и популяризировать собранный материал и добытые исследованиями научные результаты среди населения.

Популяризационная деятельность музеев развивалась в трех главных направлениях: 1) экспозиционном развертывании своих коллекций, 2) в составлении об'яснительных надписей и 3) проведении экскурсий.

Экспозиция музейного материала, надлежащим образом поставленная, значительно облегчает посетителям ориентироваться в обозреваемой ими массе предметов и уло-

вить основную идею и значение развернутых экспонатов. В виду этого музеи старались построить свои коллекции так, чтобы на первый план выступало самое главное и чтобы в общем создавалась цельная и яркая картина культурных достижений человека в известную эпоху или постепенного развития той или иной отрасли искусства и производства.

Для детального ознакомления посетителей с выставленными в музеях коллекциями применялась система кратких надписей, ярлыков, прикрепленных около отдельных предметов или целой обособленной группы их. На ярлыках обозначалось название предмета с краткой научной характеристикой.

Главной же формой просветительной работы музеев были устные об'яснения, даваемые музейными руководителями организованным группам посетителей.

Внимательно прорабатывая все указанные виды популяризации музейных собраний и гостеприимно открывая двери для широких масс, музеи Владимирской губернии с каждым годом привлекают все больший интерес со стороны населения и постепенно становятся могучим фактором в деле школьного и внешкольного просвещения. Наглядную картину развития просветительной деятельности музеев дают цифровые данные количества ежегодной посещаемости. По Владимирскому Государственному Областному музею за период времени с 1918 года по 1-е октября 1925 года посещаемость выражается: в 1918—2219 чел., в 1919—6320 чел., в 1920—7190 чел., в 1921—8670, в 1922—9872, в 1923—12170, в 1924—10523, в 1925—11207 человек.

Некоторое уменьшение посещаемости за 1924 и 1925 г. по сравнению с 1923 годом об'ясняется тем, что музей, по причине перемещения одного из своих отделов (Художественной Галлереи) в другое здание и перестановки экспонатов, закрывался на несколько месяцев. Относительно посещаемости уездных музеев, мы имем точные сведения за время с 1-го октября 1924 года по 10-е августа 1925 года. Согласно этих сведений, музеи пропустили в течение 10 месяцев следующее количество посетителей: Александровский—2162, Вязниковский—6493, Меленковский—2500, Муромский—15261, Переславский—3537, Суздальский—2550, Юрьевский —1759. На основании приведенных цифровых данных, мы можем определить среднюю годовую посещаемость музеев Владимирской губернии в 50.000 человек. Если сравнить это количество с количеством посещаемости 1918 года (всего 2219 человек), когда существовал один только Владимирский Исторический музей, то достижение музеев в области культурно—просветительной работы и значение музейных учреждений, как культурно-просветительных центров, будут очевидны.

Ближайшие задачи.

Нам остается сказать несколько слов о ближайших задачах, которые стоят перед музейными органами.

Основной задачей, несомненно, следует признать усиление краеведческого уклона в построении и научно-исследовательской деятельности музеев. Каждый музей, органически связанный с определенной территорией, должен строиться на местном материале и вести научно-исследовательскую работу по краеведческому методу. Горячее время спасания памятников и связанного с ним бессистемного накопления музейных коллекций прошло. Необходимо теперь вступить на путь строгой планомерности в работе, имея главнейшей целью—выявление и изучение разных сторон природы и быта окружающей местности. Только при неуклонном проведении краеведческого принципа музеи смогут стать действительно жизненными учреждениями, отвечающими научным, просветительным и практическим запросам современности.

Из указанной основной задачи музейного строительства вытекает ряд второстепенных, из которых одна должна быть признана ударной—это организация общественно-экономических отделов при музеях. Мы переживаем такой момент, когда каждое научное учреждение должно принять участие в деле поднятия производства и вообще экономического развития страны. Общественно экономические отделы, выявляя естественно-производительные силы природы своего края и влияние их на производственную деятельность человека, будут иметь, несомненно, громадное не только научное, но и практическое значение.

Через постоянный смотр—отчет и изучение концентрированных в стенах музея продуктов производства они помогут совершенствовать продукцию нашей добывающей и обрабатывающей промышленности.

Усиление краеведческого принципа в музейной работе и, в частности, создание общественно-экономических отделов необходимо связаны с собиранием соответствующих материалов. Организация планового собирательства и систематического пополнения музеев новыми коллекциями чисто краеведческого характера является следующей неотложнейшей задачей в музейном строительстве. Здесь придется применить в возможно широких размерах метод экспедиций, так как экспедиции представляют единственный верный путь к систематическому научному пополнению краеведческих музеев.

Наконец, музеям необходимо расширить и углубить работу по учету и охране памятников как вещественных, так и монументальных и археологических. До настоящего времени регистрационная и охранная деятельность велась без надлежащей системы, от случая к случаю. Сведения о памятниках часто собирались путем переписки и по литературным указаниям. В дальнейшем необходимо ввести принцип самых тщательных и планомерных обследований, которые бы давали исчерпывающее представление о памятниках и могли бы служить точным научным справочником. Делу охраны архитектурных и археологических памятников значительно может помочь усиленная популяризация и, в частности, организация при музеях архитектурных и археологических кабинетов или отделов.

Мы коснулись только основных и неотложнейших задач музейного строительства, не задевая целого ряда второстепенных больных вопросов. Но и то, что отмечено нами, не может быть осуществлено в надлежащей мере без соблюдения трех главнейших условий:

1) теснейшего единения и согласованности в работе всех музеев в губернии, не исключая музеев ГСНХ, Губздрава и других ведомств;

2) установления широкой и постоянной связи с местными научными краеведческими обществами и

3) усиления материальной помощи музеям со стороны центральных и местных органов власти.

Всех указанных условий в прежней деятельности музеев не доставало. Музеи, в особенности разных ведомств, вели работу совершенно изолированно, не имея представления о взаимных планах и достижениях.

Связь между музеями и краеведческими научными обществами существовала, но она была не настолько крепка, чтобы вести научно-исследовательскую краеведческую работу по единому, совместно выработанному плану. В материальном отношении музеи всегда находились в плачевном положении, испытывая нужду в самом необходимом.

Для того, чтобы развернуть деятельность музеев по указанным выше заданиям, мы должны привести в согласованное движение все наши музейные организации, привлечь на помощь все местные культурные силы и добиться материальной поддержки со стороны государственных органов.

Значение музеев, ставших на твердый путь краеведческой деятельности в согласии с требованиями момента, будет в ближайшее же время громадно. Являясь местами хранения и демонстрации наглядно обработанного научно-исследовательского краеведческого материала, музеи сделаются центрами культурно-просветительной, научной и практической работы, всесторонне отражающими наши достижения по различным отраслям знания и деятельности и намечающими к разрешению новые вопросы науки и жизни.

Приложение № 1.

МУЗЕИ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Владимирский Государственный Областной Музей.

Гор. Владимир, ул. III Интернационал, 58.

Основание музею положено в 1862 году Владимирским Губернским Статистическим Комитетом по инициативе секретаря Комитета К. Н. Тихонравова. По первоначальному плану музей должен был разделяться на отделы: а) археологии и древностей Владимирской губернии, б) промышленности мануфактурной, заводской и кустарной, а равно одежды и утварей домашних и в) сельского хозяйства, флоры и ископаемых. Накопление экспонатов пошло довольно успешно. К 1870 г. музей имел уже отделения: 1) кустарно-промышленное, 2) минералогическое, 3) палеонтологическое и 4) историко-археологическое—с общим количеством экспонатов до 200. Помещение отведено было в одной из зал губернской гимназии. В 1876 г. музей насчитывал 300 предметов и имел библиотеку в 2000 томов. С 1879 г., после смерти К. Тихонравова, деятельность музея замерла. В течение нескольких лет экспонаты музея валялись в помещении быв. Губернского Правления (здание Губисполкома). В 1886 г. остатки музейных коллекций поступили в древлехранилище так называемого Братства Александра Невского.

В 1898 г. учреждена была Владимирская Губернская Архивная Комиссия, которая в числе задач своей деятельности ставила устройство Исторического музея. Основу этого музея составили экспонаты бывшего музея Статистического Комитета, которые были переданы комиссии из Братства Александра Невского. Первое время музей помещался в здании Золотых Ворот. Вскоре, однако, планы комиссии относительно организации музея расширились. На заседании 13 июня 1899 г. был принят проект устроить в г. Владимире музей не исторический только, но краевой, в котором были бы сосредоточены не только памятники старины, но и экспонаты современной промышленности, земледелия, кустарных и иных промыслов и в особенности мануфактурной деятельности. При такой постановке дела занимаемое в Золотых Воротах помещение оказалось тесным. Решено было построить специальное здание для музея. Постройка и отделка этого здания, существующего и теперь, закончена в 1903 г. и тогда же были перенесены в него все накопившиеся экспонаты музея. Открытие музея для обозрения состоялось только 17-го июня 1906 г. Пополнение музея и учрежденной при нем библиотеки происходило путем пожертвований и мелких приобретений. К 1917 г.

музей имел приблизительно до 5200 предметов и разделялся на следующие отделы: 1) археологический, 2) бытовой, 3) церковный и 4) художественный. Таким образом, первоначальный проект Архивной Комиссии организовать естественно-историческое и экономическое отделения при музее не получил осуществления. Библиотека музея к 1917 г. насчитывала до 15000 томов.

В течение 1917 г. музей переживал период некоторой растерянности и затишья, а с 1918 г. в нем закипела новая жизнь.

После Октябрьской революции деятельность музея пошла небывало ускоренным темпом. Поступление экспонатов происходило настолько быстро и в таком большом количестве, что администрация музея едва справлялась с работой по записи и систематизации вновь прибывающего материала.

В 1918 г. в музей передано было полностью древлехранилище Братства Александра Невского с ценнейшими предметами церковного искусства и лицевыми рукописями. Всего экспонатов поступило 810.

В 1919 г. состоялась передача в музей наиболее ценных музейных предметов из ризниц—Успенского и Дмитриевского соборов, быв. Флорищевой пустыни и быв. Спасо-Евфимиева Суздальского монастыря. Сюда же поступили некоторые вещи из быв. дворянского собрания и полностью музейные собрания быв. Сибирского и Малороссийского полков. Всего поступлений за год было 975.

В 1920 г вывезены вещи художественно-исторического значения из быв. имений Трегубова, Оболенского (Жерехово), Леонтьева (Фетиньино) и Храповицкого (Муромцево)—всего 938 предметов.

В 1921 г. произведены крупные из'ятия музейных вещей из Владимирских храмов (232), быв. именья Воронцовых-Дашковых (Андреевское)—502 и из Ковровского Уоно богатейшая нумизматическая коллекция Полянского. Указанные из'ятия дали музею в общей сложности 3851 экспонатов.

В 1922 г. музей пополнился путем вывоза из усадеб и храмов новыми предметами, в количестве 375.

В 1923 г. новых поступлений в музей насчитывалось 290 предметов.

В 1924 г. в музей доставлены: коллекция картин Ганшина — из гор. Юрьева, коллекция картин и фарфора из государственного музейного фонда и крупное собрание церковно-археологических предметов из быв. Флорищевой пустыни. Всего за год поступило 235 предметов.

В 1925 г. музей обогатился материалами, добытыми раскопками финского могильника в с. Пустоши, Судогодского уезда, и Кляземского городища, Ковровского у. Кроме того, вывезено было громадное количество музейных предметов из монастырей г. Гороховца и Суздаля. Общее количество вновь поступивших за 1925 г. экспонатов равняется 1054.

Кроме вывозов, музей пополнялся пожертвованиями и покупкой. Всего за время революции пожертвовано и приобретено покупкой более 1000 предметов.

В настоящее время количество имеющихся в музее экспонатов превышает 15.000.

Необходимо отметить, что пополнения музея, всегда страдавшего малочисленностью сотрудников, производились исключительно почти силами и средствами Губмузея.

Вполне понятно, что такое громадное количество вновь поступивших экспонатов, среди которых многие имели значительный размер (картины, мебель), не могло вместиться в прежнем здании. Нужно было подыскать новые помещения и разбить музейный материал на отделы.

При содействии Губмузея Владимирский музей развернулся в трех зданиях, разделившись на три самостоятельные отдела—музеи: 1) Исторический, занимающий прежнее здание, 2) Художественный, развернутый в быв. здании Коммунотдела по ул. III Интернационал и 3) Церковный—в здании Успенского собора.

Кроме того, в 1919 г. в ведение Губмузея передан был Естественно-Научный музей, организованный в дореволюционное время Обществом Любителей Естествознания, а в 1920 г. Губмузеем устроен был Историко-Революционный музей.

Таким образом, Владимирский Государственный Областной Музей состоит из 5 крупных отделов, являющихся как бы самостоятельными музеями. В отношении оборудования, содержания материалов и деятельности указанные отделы представляют собой следующую картину:

1. Исторический музей. По характеру экспонатов делится на 8 Подотделов:

I. Доисторической культуры. Подотдел включает: палеонтологические находки, предметы неолита, финской культуры и древне-славянской—всего 1713 экспонатов.

2. Военный. Экспонаты Подотдела: оружие, знамена, регалии, карты и планы походов, фотографии и боевые памятники--всего 900.

Среди оружия имеются: шлем, дротик и кольчуга XII в., предметы вооружения и снаряжения—кольчуги, шлемы, щит, секиры, бердыши, алебарды и т. п. XIII-XVI в. в., интересные образцы ружей и пистолетов с кремневыми замками XVI-XVIII в. в., полный подбор позднейшего вооружения, громадная коллекция холодного оружия, начиная от стрел и кончая образцами шашек последних времен, знамена и регалии местных полков (Сибирского и Малороссийского) с 1709 по 1900 г.

3. Бытовой. Экспонаты Подотдела: предметы крестьянского искусства резьбы и раскраски по дереву, металлические изделия домашнего обихода, одежды, головные уборы и разные украшения, громадная коллекция изразцов и две целых фигурных изразцовых печи XVII и XVIII в. в., хрусталь, фарфор и фаянс XVIII-XIX в. в., изделия из слоновой кости, раковин и перламутра, трубки, табакерки и спичечницы--всего 1136.

Весь Подотдел представляет собой громадный интерес, так как рисует яркую картину культурных запросов и быта Владимирского крестьянина и среднего помещичьего класса с начала XVIII и до средины XIX в.

4. Историко-промышленный. Подотдел представлен: образцами старых набоек с 1690 г. по 1810 г. вместе с орудиями производства набивки, образцами первых фабричных ситцев 1820 г., предметами старинного шитья шелками, шерстями и бисером—всего до 200 экземпляров.

Со стороны посетителей, в особенности, членов союза текстильщиков, Подотдел этот пользуется чрезвычайно большой популярностью.

5. Нумизматика. В Подотделе сосредоточены: крупные коллекции монет русских от Удельного периода и до настоящего времени и иностранных почти всех государств мира, жетоны, медали и нагрудные знаки—всего 7343.

6. Художественный. Заключает в себе картины, гравюры, рисунки, барельефы и альбомы. Из картин особенно замечательны: Луки Джиордано „Христос и грешница“, В. Васнецова „Распятие“, „Похвала“ и „Херувимы“, С. Тончи „Крещение Руси“. Из портретов выделяются: Евдокии Лопухиной, царевича Алексея, Екатерины II (гобелен) и Н. Зубова. Всего Подотдел заключает 442 предмета.

7. Архитектурный. Подотдел пока не развернут. Материалом служат фотографии, планы, чертежи и рисунки с разных памятников Владимирского края—всего до 400.

8. Книгохранилище. Здесь собраны рукописи XV-XVIII в. в. с миниатюрами, заставками и орнаментом, старопечатные книги в художественно--тисненных кожаных переплетах и старинных окладах и древние грамоты с художественным орнаментом и с вислыми печатями—всего до 1300.

При музее имеется научно-справочная библиотека, насчитывающая 25400 томов, поставленных на карточки и внесенных в инвентарную опись. Остается неописанными около 500 книг, вновь поступивших. Необходимо отметить, что за время революции библиотека пополнилась почти вдвое путем вывоза книжных собраний из имений и путем покупки. Кроме того, в музее имеется собрание негативов с разных памятников старины и клише портретов местных деятелей—всего 500.

II. Художественная Галлерея. Образовалась из художественных предметов (картин, гравюр, бронзы, художественной обстановки), вывезенных из крупных быв. помещичьих усадеб. Открыта для обозрения 1 мая 1923 года. Экспонаты Галлереи делятся на следующие Подотделы:

1.Иностранная живопись. Представлена несколькими подлинными произведениями голландской школы и прекрасными старыми копиями. Среди подлинников следует отметить: Д. Гейма „Цветы" 1684 г, Иордана „Пир" и две картины Тенирса.

2. Русская портретная живопись XVIII в.. Здесь размещена в 3-х комнатах портретная галлерея, вывезенная из быв. имения Воронцовых--Дашковых. Всего портретов 168. Среди них заслуживают особого внимания: Антропова—„Портрет Елизаветы Алексеевны", Боровиковского – „Портрет неизвестной дамы", Левицкого—„Александр 1", Тропинина—„П. Зубов", портреты первых деятелей русского театра (Волкова, Попова, Дмитревского и др.) и ряд редко встречающихся портретов: первой жены Павла Натальи Алексеевны, Ивана Антоновича, царевича Алексея брата Петра 1, Балакирева, Крепшина и попа Битко. Обстановка комнат составляет полный ансамбль: стены обиты тисненым раскрашенным сафьяном, по углам расставлены угольники и мебель XVIII в., с потолка свешиваются хрустальные в бронзовой оправе фонари и люстры того же времени.

3. Русская живопись XIX и начала XX в. в. Подотдел занимает 4 комнаты, вмещающие 114 полотен. Среди картин наиболее замечательны: Айвазовского—„Море при луне", И. Шишкина—„Лесная лужайка" и „Поле", К. Маковского—„Боярышня", Саврасова—„Весна", Пастернака—„В вагоне", Сверчкова—„Собака", Верещагина—„Праздничное утро", Степанова--„Зимний пейзаж", Клевера—„Поздняя осень", Самокиш—„Барабанщик", Серова—„Женщина в лесу", Поленова—„Пейзаж", К. Коровина—„Этюд", И. Куликова—„Ярмарка" и „У околицы" и другие.

4. Гравюры. Всего выставлено 145 гравюр иностранных мастеров XVIII в Замечательные по технике выполнения гравюры дают в то же время представление о главных школах западной живописи XV-XVIII в.в.: итальянской, фламандской, голландской, французской и английской.

5. Китайская комната. Стены обиты клеенкой, раскрашенной от руки китайским рисунком. Здесь выставлены вазы китайского производства и витрина с образцами китайской работы из слоновой кости и китайского фарфора.

Предметы художественной обстановки (мебель, вазы, мрамор и бронза) за теснотой помещения расставлены по всем комнатам галлереи. Некоторые из них отличаются высокой художественностью: два открытых буфета с тонкой инкрустацией из слоновой кости, два футляра под часы в виде бюро--секретер и 18 комодов и угольников с инкрустацией из цветной фанеры, севрские вазы, мрамор и бронза известных французских мастеров и др. Общее количество предметов обстановки 205.

В вестибюле и в главной зале среди картин вывешены гобелены.

III. Церковный музей. По богатству и по ценности экспонатов музей является лучшим отделом Владимирского Государственного Областного Музея. Образовался он главным образом из церковных древностей быв. древлехранилища при так называемом Братстве Александра Невского, быв. ризниц Успенского и Дмитриевского соборов и ризниц Суздальского Спасо--Евфимиева монастыря и Флорищевой пустыни. Первоначально составлял часть Исторического музея. Выделение в самостоятельный отдел Областного Музея начато в 1924 г. и пока не закончено. Значительная часть экспонатов находится в помещении Исторического музея. Музей развертывается в быв. Георгиевском приделе Успенского собора.

Все экспонаты делятся на следующие Подотделы:

1. Церковная живопись. Здесь представлены иконы, начиная с византийских писем XIV в. и кончая позднейшими письмами Владимирских богомазов, при чем демонстрируется коллекция досок, на которых нанесен процесс кустарного производства образов во Мстере. Среди икон имеются выдающейся ценности экземпляры XIV--XVI в. в.: „Владимирской Б. М.“ XIV в., „Боголюбовской“ XIV в., „Покрова“ XII в., „Яхримской“ и „Успения“ XVI в. и др. Всего Подотдел насчитывает 299 предметов Дополнением Подотдела служат знаменитые фрески XII и XV в. в. Дмитриевского и Успенского соборов, фрески XVII в. б. Успенского монастыря и громадные полотна В. Васнецова с изображением „Страшного суда“, „Сошествия во ад“ и „Евхаристии“.

2. Церковная пластика. Подотдел включает: произведения резьбы по камню в виде точных гипсовых слепков с Владимирских рельефов XII—XIII в. в., резные деревянные царские врата XVI—XVIII в. в., резные из дерева изображения разных святых XVII—XVIII в. в., изделия из кости и камня. Всего в Подотделе насчитывается 255 предметов.

3. Церковное шитье, парча и ткани. Подотдел дает представление почти о всей истории развития русского искусства в области художественного шитья и выделки тканей. Здесь имеются редкие образцы шитья XV--XVI в. в., показывающие „сплошную вышивку“, затем образцы перехода к „парчевой мозаике“ XVII—XVIII в. в. и, наконец, произведения эпохи „мишуры“ XVIII—XIX в. в. Громадная коллекция всевозможной парчи и тканей иностранного и русского производства знакомит не только с материалом и техникой изготовления, но и с историей развития рисунка, отражающего художественные вкусы разных эпох. Здесь имеются образцы тканей XII в. (остатки великокняжеских одежд). Всего подотдел насчитывает 950 предметов.

4. Церковная утварь. Здесь собраны: дарохранительницы, дароносицы, деревянные, оловянные, медные, серебряные и золотые потиры с приборами, начиная от XV в. и кончая XIX в., коллекция кадил, подсвечников, водосвятных чаш, лампадниц, кропил, жезлов XVI—XVIII в. в., коллекция брачных венцов XVI—XIX в. в., громадная коллекция антиминсов (150), представляющая собой редкое собрание, начиная с примитивов в виде небольшого куска грубого холста с надписями от руки (XV в.) и кончая художественно-отпечатанными на разноцветном атласе. Всего экспонатов в Подотделе 539.

5. Церковные металлические изделия. Подотдел имеет образцы литья, ковки, всевозможного чекана и штампа по металлам разного рода, с применением эмали и финифти. Сюда входят: кресты от XII до XIX в., украшения и оклады икон XIV—XVIII в., оклады евангелий XVI—XVIII в. и другие предметы. Среди этих коллекций представляют исключительную ценность: „великокняжеский бронзовый нарамник“ XII в. с выемчатой эмалью и золотой крест с финифтью XV в. Всего Подотдел имеет 447 предметов.

IV. Историко-революционный музей. Организован Губмузеем в конце 1920 г. Первоначальное ядро музея составили экспонаты историко-революционного характера, выделенные из Исторического музея: орудия пытки и наказания политических заключенных, коллекции революционно-сатирических открыток, богатейшие собрания революционно-сатирических журналов 1904-1908 г. г. (до 1000) и несколько сот книг революционного содержания.

В дальнейшем музей пополнялся путем выделения соответствующего материала из складов местного агентства Центропечать и путем случайных приобретений и покупок. В течение 1921 г. музеем собрано: 25 портретов революционных вождей, 150 плакатов, несколько сот листовок и лозунгов, 30 фотографических снимков и до 2000 книг.

В 1922 г. в музей были переданы все материалы с Губернской Октябрьской выставки, устроенной губернскими государственными и профессиональными органами.

К концу 1922 г. музей насчитывал более 1000 экспонатов в виде портретов, фотографий, плакатов, листовок, лозунгов и т. п. и имел библиотеку специального содержания в 3000 томов.

В начале 1923 г. музей, по распоряжению Губоно, был передан в Губсовпартшколу и распределен по учебным кабинетам.

В настоящее время музей вновь возрождается и, надо думать, вскоре приобретет значение одного из крупнейших культурно-просветительных учреждений губернии.

V. Естественно-научный музей. Основан в дореволюционное время Владимирским Обществом Любителей Естествознания. В первые годы революции, в связи с прекращением деятельности Общества, оставался беспризорным. В 1919 г. передан в ведение Владимирского Государственного Музея и переведен в новое помещение. В виду полного отсутствия средств музей совершенно не мог принимать мер к ремонту и консервации экспонатов, а потому некоторые коллекции значительно пострадали. В начале 1924 г., по распоряжению Губоно, музей передан в ведение Владимирского Рабфака и превращен в учебный кабинет. В музее имеются коллекции по палеонтологии, минералогии, биологии, ботанике, зоологии и энтомологии, имеющие научное значение, и специальная библиотека в составе около 3000 томов. В дальнейшем необходимо выделить научную часть музея в самостоятельное научное музейное учреждение.

За время революции Владимирским Государственным Областным Музеем велась научно-исследовательская работа в следующих направлениях: 1) по исследованию революционных архивов, 2) по исследованию памятников архитектуры края, 3) по археологическому обследованию губернии и производству раскопок и 4) по собиранию материалов о наиболее интересных памятниках народного искусства.

В результате научно-исследовательской работы появился ряд печатных трудов сотрудников музея, а именно: А. Иванов. Движение среди учащихся Владимирской губернии в 1905—1906 г. г. Тр. Влад. Научного Об-ва, вып. III, 2) Его же. Крестьянское движение во Владимирской губернии в 1905—1906 г. г. Труды Влад. Научного Об-ва, вып. IV, 3) Его же. Крестьянское движение во Владимирской губернии в XVIII в. Влад. 1923 г., 4) Его же. Профсоюз работников просвещения. Исторический очерк. Владимир .1924 г., 5) Его же. Пустошенский могильник. Труды Влад. Госуд. Областного Музея, вып. I. 1925 г., 6) Н. Малицкий. Поздние рельефы Дмитриевского собора. Труды Владимирского Научного Об-ва, вып. V.

Кроме того, в портфеле музея имеется ряд законченных работ, но пока не изданных.

Средняя годовая посещаемость музея равняется 12.000 человек.

Заведующими музея последовательно состояли: А. В. Смирнов, Н. В. Малицкий, Х. В. Медведков.

В настоящее время директором музея состоит А. И. Иванов.

Суздальский историко-художественный и краевой музей.

Отделение Владимирского Государственного музея.

Гор. Суздаль, Владимирской губернии и уезда, здание быв. архиерейские палаты XVII в.

Музей основан в начале 1922 г. В течение 1922-23 г.г. шла организационная работа. Открыт для обозрения 7 ноября 1923 года.

Экспонаты музея распределены по следующим отделам:

1. Первобытная культура: предметы неолита, бронзы и кости ископаемых животных—62.

2. Современная обработка металла, дерева и ткани—91.

3. Краеведческий отдел—экспонаты по местной фауне и флоре, народного быта, планы и виды г. Суздаля, портреты местных деятелей—46.

4. Нумизматика—монеты XVIII-XIX в.в.—1510.

5. Отдел церковной старины—иконопись XVI-XIX в.в., церковные облачения XVII-XVIII в.в., церковная утварь серебряная и оловянная, шитье XVII-XVIII в.в.—531.

6. Обстановка быта буржуазно-дворянского класса XVIII-XIX в.в.—155.

7. Художественный отдел—40.

8. Отдел здравоохранения—санитарное просвещение, бактериология в связи с заразными болезнями, вредное влияние разных видов труда на здоровье, уход за матерью и грудным ребенком—248.

Всего музей насчитывает 2783 экспонатов.

При музее создана библиотека научно-справочного характера по вопросам истории, археологии, искусства и быта Суздальского края с общим количеством томов 4096. Кроме того, музей имеет в качестве своих отделений следующие архитектурные памятники: городской Рождественский собор XIII в. с внутренним убранством XVII в., быв. Покровский женский монастырь XVI-XVII в.в. с богатейшей ризницей, заключающей предметы XIV-XVII в.в., храмы быв. Ризположенского и Спасо-Евфимиева монастырей XVI-XVII в.в., Борисоглебскую ц. в с. Кидекше XII в. и 12 церквей по г. Суздалю XVII-XVIII в.в.

Научная работа музея ведется под непосредственным руководством Владимирского Государственного Областного музея и носит краеведческий характер

Посещаемость музея—около 3000 чел. в год.

Заведующим музеем состоит с начала основания В. И. Романовский.

Переславский историко-художественный и краеведный музей.

Отделение Владимирского Государственного Областного музея.

Гор. Переславль-Залесский, Владимирской губернии, быв. Горицкий монастырь [1].

[1]) См. „Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного об-ва“, вып. 13.

Александровский Государственный музей „Александровской слободы".

Гор. Александров, Владимирской губ., здание бывш. Успенского монастыря.

Музей был основан в 1919 г. во временном помещении. Первоначальное содержание музея составили коллекции художественно-бытовых предметов, вывезенных из местных усадеб.

В августе 1921 г. музей переведен был в быв. Успенский монастырь и помещен в 2-х комнатах большого корпуса.

В феврале 1923 г. в связи с ликвидацией монастырей музею был передан весь Успенский монастырь с его художественно-историческими и бытовыми ценностями и с частью хозяйства. В результате такой передачи музей значительно развернулся и преобразовался в музей „Александровской слободы".

В настоящее время памятники музея разделяются на группы:

1. Архитектурная группа, которую составляют памятники начала и конца XVI в. и типичные для конца XVII в. В настоящее время разрабатывается материал для архитектурного кабинета в виде планов, чертежей, фотографий и образцов строительного материала.

2. Памятники церковного убранства и церковной археологии, среди которых наиболее ценны: Новгородские и Тверские двери XIV и XV в., художественное серебро XVII в., шитье и ткани XVI в. и иконы с пробной расчисткой XV в. (три Рублевские). Всего отдел имеет 349 предметов.

3. Памятники быта XVI-XVIII в.в. Среди этих памятников редкая коллекция оловянной посуды XVI в. Всего в отделе 635 предметов.

4. Книжная палата, заключающая рукописи с миниатюрами (17), старинные грамоты и несколько старопечатных книг.

Заведующий музеем С. С. Погодин.

Вязниковский художественно-исторический и местного края музей.

Гор. Вязники, ул. III Интернационал, д. № 45.

Музей основан в 1918 г. во временном помещении. В начале 1919 года перенесен в другое помещение, тоже временное и, наконец, 1 октября 1919 г. устроен в постоянном помещении. Открыт для обозрения с 1 мая 1920 г. Основу музея составили коллекции картин, поступивших из домов быв. фабрикантов Сенькова, Демидова и Елизарова, а также коллекции икон, принятых из домов Демидова, Сенькова и быв. имения Лаптева. Содержание материалов само собой определило разделение музея на три отдела: I—отдел древней живописи (иконы), II—отдел новой живописи (картинная галлерея) и III—отдел художественно-промышленного производства.

В I отделе—древней живописи—имеются образцы XVI-XVIII в.в. разных „писем", преимущественно, московских XVII в. Общее количество экспонатов доходит до 200. Важнейшими в художественно-историческом отношении являются: „Деисус" старо-московских писем в типе А. Рублева, „Страшный суд" лучшей поры московского письма XVII в., „Троица" строгановских писем и несколько икон (6) новгородского письма.

Отдел II новой живописи—составляет произведения русских мастеров второй половины XIX и начала XX веков, преимущественно, реалистического и лишь в малой мере импрессионистского направления. Общее количество экспонатов по отделу 123. К числу наилучших следует отнести картины: Айвазовского—„Черное море",

Боголюбова—„Толбухин маяк“, 2 портрета работы Зарянко, проф. Лагорио—„Вечер“, В.П. Верещагина—„Этюд девочки татарки“, В.Е. Маковского—„Реставратор“, Лемоха—„Любитель“, Шишкина—„Лес“, Альберта Бенуа—„Прибой“, Александра Бенуа—„Озеро в горах“, К. Коровина—большой этюд, Крымова—„Лето“, Жуковского—„Старый пруд“. Большая часть картин вполне характерна как для самих художников, так и для тех направлений русской живописи, коих они были последователями.

По отделу III—художественно-промышленного производства—имеется до 1000 экспонатов (мебель, фарфор, хрусталь, фаянс). Из вещей этого отдела заслуживают внимания комплекты мебели стилей „рококо“, „ампир“, „модерн“, фарфор фабрик Попова и Гарднера и хрусталь Баккара прекрасной гранки.

В настоящее время в музее собирается отдел крестьянского искусства (резьба по дереву, набойка, вышивки и пр.).

При музее имеется библиотека в 1000 томов. Музей занимает дом быв. Елизарова нач. XIX в., великолепно отражающий черты русской помещичьей архитектуры. В одной из комнат второго этажа стоят две изразцовые художественной работы печи в стиле „ампир“. К сожалению, здание получено музеем в крайне запущенном виде и нуждается в капитальном ремонте. За последние три года музей неоднократно обращался с ходатайством в центр и к местным властям об отпуске необходимых средств на ремонт, но все эти ходатайства не имели успеха. Только летом прошлого года (1925 г.) ему удалось при содействии Владимирского Губмузея и Владимирского Государственного Областного музея залечить самые опасные раны: починить давно протекавшую крышу и подложить оседавшие углы здания.

Научная работа ведется музеем совместно с краеведческим обществом.

Посещаемость музея—5000 человек в год.

Первым заведующим музея был академик живописи Н.Н. Харламов. В настоящее время музеем заведует К. Большаков.

Киржачский историко-бытовой музей.

Гор. Киржач, Александровского уезда, здание быв. Благовещенского собора.

Основан в 1923 г. Первоначальное содержание музея составили предметы древне—русского церковного искусства, собранные из местных исторических храмов. В дальнейшем музей пополнялся случайными находками и пожертвованиями. В настоящее время музей имеет два отдела: 1) древне-русского церковного искусства и 2) быта.

В первом отделе сосредоточены: иконы XIV-XVII в. в., серебряные изделия XV-XIX в.в., шитье XVI-XIX в.в., резьба по дереву, каменные могильные плиты XV и XVII в.в., утварь, рукописи и старопечатные книги—всего в отделе 206 предметов.

Во втором отделе собраны: мебель, картины, подсвечники, святцы, замки, глиняная и деревянная посуда, швейки, кадилки и монеты,—всего в отделе 210 предметов.

Музей только что зарождается. Существованием своим он обязан исключительно заботам заведующего, получавшего за свой труд случайные и мизерные вознаграждения от Губмузея. В дальнейшем предполагается включить Киржачский музей в общую сеть музейных учреждений губернии.

Заведующим с основания музея состоит Н.В. Синичкин.

Меленковский естественно-исторический музей.

Гор. Меленки, Владимирской губернии, Казанская ул.

Основан в 1919 г. Основание музея составили материалы, главным образом, зоологического характера местной водной фауны, собранные и обработанные И. Г. Закс. В основанный музей были переданы все естественно-исторические препараты, принадлежащие Меленковской мужской гимназии. В 1920-1921 г г. музей пополнился материалами, собранными в окрестностях г. Меленок и в районе Меленковского уезда. Так, с геологического обреза берега р. Оки и из с. Верхоунжья в музей было доставлено значительное количество ископаемых окаменелостей. В музей поступила тогда же частная коллекция (Дубенских), состоящая из 66 номеров (кораллы, иглокожие и др.). В 1922 г. музей пополнялся материалами, собранными И. Г. Закс в районе Мурманской Биологической станции. Всего доставлено было 54 препарата (морские рыбы, моллюски, морские водоросли и др.). Тогда же в музей был прислан от М. И. Назарова гербарий (50 видов), собранный летом 1921 г. на Новой Земле. В 1923 г. музей продолжал пополняться материалами, добываемыми в районе Меленковского уезда. К средине 1923 г. в музее насчитывалось экспонатов: 1) по сравнительной анатомии—27, 2) по систематической зоологии—557, 3) по геологии—79, 4) минералогии—510, 5) ботанике—560. Библиотека музея состояла всего из 87 книг. В настоящее время музей разделяется на отделы: 1) местной фауны, 2) местной флоры, 3) минералогии и геологии и 4) фауна и флора моря.

Музей обслуживает, главным образом, учащихся местных школ.

Первым заведующим был И. Г. Закс. В настоящее время обязанности заведующего исполняет Л. А. Тильш.

Мстерский музей церковных древностей.

Пог. Мстера, Вязниковского у., здание быв. Богоявленского собора.

Основан в 1923 г. В музей превращен древний Богоявленский храм со всеми находящимися в нем предметами церковной старины XV-XVII в.в. Часть экспонатов оставлена на местах исконного их нахождения (иконы в иконостасе и предметы постоянного церковного обихода), другая же часть размещена в шкафах и витринах под стеклами. Количество последних экспонатов доходит до 150. Среди них наиболее замечательны: фелони, унизанные жемчугом и драгоценными камнями, XVI в.; евангелия старопечатные в серебряных окладах с редкой гравировкой и с цветными дорогими камнями XVI-XVII в.в.; большое блюдо кн. Ромодановских с гербом и гравировкой, несколько серебряных предметов церковной утвари с золотой накладной надписью XVI в. и ряд других редких вещей.

Музей существует исключительно на средства местных организаций.

Заведующим музеем с момента основания состоит И. И. Занцев.

Муромский музей местного края.

Гор. Муром, Владимирской губ., здание б. дом Зворыкина.

Временем основания музея можно считать 25-е августа 1918 г., когда по распоряжению местного УОНО были собраны естественно-исторические коллекции, добытые студенческим кружком, и даны первые ассигнования. Осенью того же года было принято на учет историко-археологическое достояние Уварова в с. Карачарове, которое

и передано в Муромский музей в декабре; сюда же поступила и богатая Уваровская библиотека. Кроме того, в декабре же уездная Ч.К. передала музею художественно-исторические вещи, конфискованные у участников бывшего здесь белогвардейского восстания, и между прочим богатые коллекции А. Жадина. Таким образом, сформировалось историко-археологическое и художественно-этнографическое ядро музея.

Из случайного помещения музей переводится в старинный быв. купеческий дом, подходящий по величине.

В январе 1919 г. музей открывается для обозрения и затем вскоре пополняется новыми коллекциями краеведа Н. Г. Добрынкина. Кроме того, сюда же поступают коллекции местного научного общества и вещи музейного значения, случайно оказавшиеся в руках милиции. Поступления старины из церквей дают материал для составления нового церковного отдела.

В мае 1920 года музеем была устроена выставка картин местных художников во главе с И. С. Куликовым, чем в особенности привлекалась публика. Часть этих картин затем музей и приобрел для себя.

Подотдел по охране искусства и старины, в интересах музея, между прочим, произвел ряд экскурсий к местам исторических памятников края, а также перевез в музей библиотеки некоторых бывших учреждений города и оставшуюся часть библиотеки Уварова, а также взяты были на учет местные архивы.

Музей за это время пополнял бытовой и исторический отделы приобретением вещей от частных лиц, среди которых особенно выдаются вещи, собранные кладоискателями у д. Волосова.

В июле 1920 г., по инициативе правления Муромского научного общества, ставится вопрос о слиянии естественно-исторического и историко-археологического музеев в один музей местного края. В связи с этим при музее организуется музейный совет, который и выработал план музея. Детально были разработаны отделы музея с прибавлением нового экономического отдела. Для образования последнего было сделано несколько обращений к местным производствам, откуда и стали поступать экспонаты. По мысли учредителей, этот отдел должен был отражать картину промышленности края, становясь, таким образом, показательным

В начале 1923 г. во главе музея становится примерный по своей энергии работник И. П. Богатов и в качестве специалиста--Ф.Я. Селезнев. Названными лицами прежде всего был приведен в известность и систематически расположен богатый материал музея. Затем началось новое пополнение его покупкой вещей у разных лиц и, главным образом, у Куликова. Церковный отдел вырос в две комнаты, а число экспонатов по древнейшим культурам—каменной и финской—увеличилось самостоятельными исследованиями и раскопками.

При церковном отделе был организован особый подотдел--агитационный, куда были перевезены так называемые „мощи“ местных святых, „чудотворные“ кресты с „мощами пророка Даниила“ и с частями „жезла Ааронова“. Весь этот материал давал хорошую иллюстрацию благочестивых фокусов и позволял устраивать целые диспуты на эту тему. Музей становился настолько популярным, что можно было проделывать огромную педагогическую работу по всем отделам.

Насколько возросла в 1923 г. посещаемость музея, можно видеть из следующих цифр:

1919 г. было посетителей	. . . . .	2904 чел.
1920 г. „ „	. . . . .	4710 „

1921 г. было посетителей . . . . . 1886 „
1922 г. „ „ . . . . . 1492 „
1923 г. „ „ . . . . . 24831 „

1924 г. музей пережил тяжелое положение в связи с переводом его на местный бюджет; штат служащих остался лишь в составе заведующего и сторожа.

Возврат к нормальной жизни музея произошел с 1925 г., когда ему переданы были местные монастыри и некоторые помещения, дающие доход. С этого момента оказалось возможным снова приняться за исследовательские работы.

Из работ музея за этот период следует отметить произведенные раскопки (начатые в прошлом году) на Пятницком могильнике, давшем около 20-ти погребений и раскопки на Муромском „городке", а также на р.р. Ушне и Теше. Кроме этого богатый материал стал поступать в музей снова покупкой. Так, приобретен был рог с частью черепа „первобытного быка", найденный в Муроме, ассортимент каменных орудий Волосова и большой клад из с. Малотиц (Мордочки).

В настоящее время музей делится на следующие отделы:

I. Археологический, заключающий в себе экспонаты: каменного периода (1575), бронзовой эпохи (48) и финской культуры (1008)—всего 2631.

2. Военный с количеством экспонатов 122.

3. Бытовой (мебель, ковры, изделия из дерева и металла, фарфор, костюмы, украшения, лубочные картинки и т. п.)—всего экспонатов 1363.

4. Церковной старины—всего экспонатов 613.

5. Нумизматический—3896.

6. Художественный—картины русских и иностранных художников—202.

7. Картографический—67.

8. Естественно-исторический с коллекциями по ботанике, зоологии, энтомологии, минералогии и палеонтологии—всего экспонатов 1555.

9. Экономический с образцами орудий производства и продукции сельско-хозяйственной, кожевенной, мануфактурной и металлической промышленности—всего экспонатов 458.

Общее количество экспонатов музея достигает цифры 10907.

Среди экспонатов археологического отдела заслуживают особого внимания: волосовские кремневые и костяные изделия и образцы керамики, топоры фатьяновского типа из разных мест, вновь открытая стоянка „Садовый бор" (на Теше) и ее уникум—глиняная флейта, бронзовые волосовские кельты и шедевры финского литья—фибулы из Подболотского могильника, а также Савковский клад из арабских диргемов.

В военном отделе замечательны: щиты и некоторые образцы огнестрельного оружия (фитильное ружье, пищаль и мушкеты). В бытовом отделе: обувь XVII в., столы, вышивки и женские головные уборы. В церковном отделе—евангелие XVI в., монастырские синодики и жалованные грамоты.

Из картин местных художников выделяется „Ярмарка" Куликова и его же портрет Шляпникова, а также „Старички" Целебровского, „Переправа через Оку" Архипова и Поленовская „Мечты". Гвоздем однако из всего собрания произведений кисти следует признать шедевры старых мастеров—„Монах" Рибера и „Портрет"—Бронзино.

Что касается огромной и ценнейшей библиотеки музея (более 20.000 томов), то она еще не вся разобрана. Был момент, когда все книгохранилище музей вынужден

был сложить в кладовые. Теперь есть надежда, что и этот отдел вскоре будет функционировать.

В последние два года средняя годовая посещаемость музея определялась 15.000—20.000 человек.

Заведующими музеем последовательно состояли: В. Жадин., И. Куликов и И. Богатов. В настоящее время заведующим состоит Ф. Я. Селезнев.

Юрьевский художественно-исторический и бытовой музей.

Гор. Юрьев-Польский., ул. III Интернационал, здание быв. Архангельского монастыря XVII в.

Основан в 1919 г. во временном помещении (в здании, занимаемом школой II ступени). В 1922 г. переведен в постоянное помещение и открыт для обозрения. Большая часть экспонатов поступила из быв. помещичьих усадеб уезда (кн. Голицина, Салтыкова и др.) и частных собраний фабрикантов г. Юрьева (Н. Ганшина, Д. Овсянникова и И. Беднякова). Остальная часть собрана по церквам и путем пожертвований.

В настоящее время музей разделяется на следующие главные отделы: 1) культурно-исторический, 2) художественный, 3) бытовой и 4) естественный.

В культурно-историческом отделе собраны: предметы финской и славянской культуры X-XII в. (63), добытые случайными раскопками на территории Юрьевского уезда, коллекция древне-русского оружия XVI-XVIII в.в. (74), коллекции монет XV-XVIII в.в. (362), предметы религиозного культа XVII-XIX в.в. (190) и разного рода атласы и карты (68). Всего в первом отделе насчитывается до 574 предметов.

Во втором отделе—художественном—выставлены: картины, этюды, портреты и гравюры. Среди картин наиболее ценными являются: Сверчкова—„Лошадь в конюшне“, И. Шишкина—„Этюд“, Ворошилова—„Тройка“ и Маковского—„У монастыря“. Обращают также внимание на себя несколько замечательных портретов, писанных неизвестными художниками конца XVIII и первой половины XIX в. и несколько гравюр XVIII в. военного и религиозно-духовного содержания. Всего в отделе 372 предмета

Третий отдел—бытовой наиболее богат количеством и разнообразием экспонатов. В нем собраны: хрусталь и фарфор XVIII-XIX в.в. (369), старинные ларцы и шкатулки (20), головные уборы и кружева XVIII-XIX в.в. (88), кошельки и бумажники (14), статуэтки и вазы(48), мебель (43), веера, игральные карты (12), люстры (20), часы (5) и изразцы (80). Всего отдел имеет 679 предметов.

Четвертый отдел—естественно-научный—только зарождается. В нем собраны пока остатки костей вымерших животных, найденные в пределах уезда—всего 24 экземпляра, и 54 предмета морской фауны и флоры, вывезенные из Крыма и пожертвованные в музей.

При музее имеется библиотека, насчитывающая 4813 томов, в том числе 1840 на русском и 2973 на иностранных языках.

В последние два года под наблюдением музея велись грандиозные работы по реставрации древнего Георгиевского собора в г. Юрьеве (XIII в.), ответственным руководителем которых состоит архитектор П. Д. Барановский. Работы еще не закончены. При разборке позднейших пристроек собора (быв. Троицкого придела и колокольни) извлечено 65 древних камней с разными фигурами и орнаментом.

Музей пропускает ежемесячно посетителей 200-300 человек.

Заведующим музеем состоит с момента основания А. И. Романов.

Приложение № 2.

СПИСОК

архитектурных памятников Владимирской губернии, находящихся в непосредственном ведении Музейного Отдела Главнауки НКП.

Памятники гражданского зодчества.

1. Золотые ворота XII в. в гор. Владимире.
2. Палаты Андрея Боголюбского XII в. в с. Боголюбове, Владимирского уезда.
3. Дворец в усадьбе быв. Воронцовых-Дашковых XVIII в. в с. Андреевском, Владимирского уезда.
4. Дворец в усадьбе быв. Оболенского XVIII в. в с. Жерехове, Владимирского уезда.
5. Дом быв. Сапожникова XVI в. в г. Гороховце.
6. Дом быв. Селина XVII в. в г. Гороховце.
7. Быв. усадьба «Ботик», Переславского уезда.
8. Дом быв. Елизарова нач. XIX в. в гор. Вязниках.
9. Дом быв. Архиерейский XVII в. в гор. Суздале.

Памятники церковного зодчества.

1. Быв. Успенский женский монастырь XVI-XVII в. в. в г. Александрове.
2. Успенский собор XII в. в гор. Владимире.
3. Дмитриевский собор. XII в. в гор. Владимире.
4. Быв. Успенский женский монастырь XIII-XVII в. в. в гор. Владимире.
5. Быв. Богородицкая (семинарская) церковь XVII в. в гор. Владимире.
6. Храм Покрова на Нерли XII в. близ с. Боголюбова, Владимирского уезда.
7. Быв. Боголюбов монастырь XII-XVIII в. в. в с. Боголюбове, Владимирск. у.
8. Быв. Козьмин монастырь XVII в. в с. Небылом, Владимирского уезда.
9. Быв. Казанский собор XVII в. в г. Вязниках.
10. Быв. Благовещенский монастырь XVII в. в г. Вязниках.
11. Быв. Никольский монастырь XVII в. в г. Гороховце.
12. Быв. Знаменский монастырь XVII в. близ гор. Гороховца.
13. Быв. Флорищева пустынь XVII в., Гороховецкой вол., Вязниковск. уезда.
14. Быв. Троицкий монастырь XVII в. в г. Муроме.
15. Быв. Благовещенский монастырь XVII в. в г. Муроме.
16. Быв. Спасский монастырь XVI в. в гор. Муроме.
17. Быв. Козьмодамианская церковь XVI в. в гор. Муроме.
18. Быв. Ильинская деревянная церковь XVII в. близ с. Карачарова, Муромского уезда.
19. Преображенский собор XI в. в г. Переславле.
20. Быв. Горицкий монастырь XIV-XVII в. в. в гор. Переславле.
21. Быв. Никитский монастырь XVI в. в гор. Переславле.
22. Быв. Федоровский монастырь XVI-XVIII в. в. в г. Переславле.
23. Быв. Никольский монастырь XVII-XVIII в. в. в г. Переславле.
24. Быв. Данилов монастырь XVI-XVII в. в. в г. Переславле.
25. Черниговская часовня нач. XVIII в. в гор. Переславле.

26. Часовня «Креста» XVI в. в гор. Переславле.
27. Быв. Богословская церковь XVIII в. в гор Переславле.
28 Быв. Ильинская церковь XVIII в. в гор. Переславле.
29 Быв. Князь-Владимирская церковь XVIII в. в гор. Переславле.
30. Быв. Успенская (Филипповская) церковь XVIII в. в гор. Переславле.
31. Быв. Благовещенский собор XVI в. в гор. Киржаче.
32. Быв. Спасская церковь XVII в. в гор. Киржаче.
33. Быв. Сергиевская церковь XVII в. в гор. Киржаче.
34. Рождественский собор XIII в. в гор. Суздале.
35. Быв. Васильевский монастырь XVII в. в гор. Суздале.
36. Быв. Спасо-Евфимиев монастырь XIV-XVII в. в. в гор. Суздале.
37. Быв. Ризположенский монастырь XVI-XVII в. в. в гор. Суздале.
38. Быв. Покровский монастырь XIV-XVII в. в. в гор. Суздале.
39. Быв. Воскресенская (Казанская) церковь XVIII в. в гор. Суздале.
40. Быв. Козьмодамианская церковь XVIII в. в гор. Суздале.
41. Быв. Ильинская холодная XVIII в. в гор. Суздале.
42. Быв. церковь Креста XVII-XVIII в. в. в гор. Суздале.
43. Быв. Борисоглебская холодная церковь XVIII в. в гор. Суздале.
44. Быв. Тихвинская церковь XVII в. в гор. Суздале.
45. Быв. Входо-Иерусалимская церковь XVII в. в гор. Суздале.
46. Быв. Ивано-Предтеченская холодная ц. XVII в. в гор. Суздале.
47. Быв. Богоявленская церковь XVIII в. в гор. Суздале.
48. Быв. Димитриевская церковь XVIII в. в гор. Суздале
49. Быв. Смоленская церковь XVIII в. в гор. Суздале.
50. Быв. Цареконстантиновская ц. XVIII в. в гор. Суздале.
51. Быв. Афанасьевская церковь XVII в. в гор. Суздале.
52. Георгиевский собор XIII в. в гор. Юрьеве-Польском.
53. Быв. Архангельский монастырь XVII в. в гор. Юрьеве-Польском.

Приложение № 3.

СПИСОК

архитектурных памятников Владимирской губернии, состоящих на учете Музейного Отдела Главнауки НКП.

Памятники гражданского зодчества.

1. Дом 2-х этажный смешанный XVIII в в быв. Лукьяновской пустыни, Александровского уезда.
2. Дом быв. Дворянского собрания и гимназии начала XIX в. в г. Владимире.
3. Заставы городские—Московская, Нижегородская и Юрьевская—бытовые памятники в гор. Владимире.
4. Дом в совхозе „Завалино“, быв. усадьба Акинфиева, нач. XIX в., Владимирского уезда.
5. Дом быв. Шумилина XVII в. в гор. Гороховце.
6. Дом быв. Судоплатова XVII в. в гор. Гороховце.
7. Дом быв. Канунникова XVII в. в гор. Гороховце.
8. Дом Румянцева XVII в. в гор. Гороховце.

9. Дом Белова XVII в. в гор. Гороховце.
10. Здание быв. тюрьмы XVII в. в гор. Гороховце.
11. Дворец быв. усадьбы Гусь-Баташевский XVIII в., Меленковского уезда.
12. Дворец быв. Свиньиных XVIII в. в селе Смоленском, Переславского у.
13. Два деревянных дома быв. Самсоновых XVIII нач. XIX в. в селе Бектышеве, Переславского уезда.
14. Два каменных корпуса ф-ки Тимериных и дом фабриканта XVIII нач. XIX в. в гор. Переславле.
15. Народный дом имени Карла Либкнехта XVIII в. в гор. Переславле.
16. Городские торговые ряды 1811 года в гор. Суздале.
17. Здание быв. Блохинской богадельни нач. XIX в. в гор. Суздале.
18. Жилой дом № 36 XVI в. района [redacted] в гор. Суздале.
19. Каменная палатка начала XVIII района Свердлова в г. Суздале.
20. Две городские заставы—Владимирская и Юрьевская—бытовые памятники в гор. Суздале.
21. Дворец быв. усадьбы „Сима“ князей Голицыных нач. XIX в., Юрьевского уезда.

Памятники церковного зодчества.

Александровский уезд.

1. Быв. Лукьянова пустынь XVII—XVIII века.
2. Быв. Стефано-Махрищский монастырь XVII–XVIII в.
3. Благовещенский погост—каменная и деревянная церкви—XVI и XVIII века.
4. Село Спас-Шимохтино—церковь XVII–XVIII в.
5. Село Старая слобода—церковь XVII века.

Гор. Владимир.

6. Георгиевская церковь основана в XII в. и перестроена в XVIII веке.
7. Николо-Галейская церковь XVII в.
8. Спасская церковь XVIII в.
9. Борисоглебская церковь построена в 1755 году.
10. Вознесенская церковь построена в 1724 году.
11. Ильинская церковь построена в 1773 году.
12. Мироносицкая церковь построена в 1776 году.
13. Николо-Златовратская церковь XVII—XVIII века.
14. Николо-Кремлевская церковь XVIII века.
15. Никитская церковь XVIII века.
16. Сергиевская церковь XVIII века.
17. Троицкая церковь XVIII в.

Владимирский уезд.

18. В с. Второве церковь XVII в.
19. В с. Бабаеве церковь XVII в.
20. В с. Ундоле ц. XVIII в.
21. В с. Оликове церковь XVIII в.
22. В с. Чистухе церковь XVIII в.
23. В с. Сновицах церковь XVII в. (быв. Сновицкий монастырь).

24. В с. Андреевском церковь XVIII в.
25. В с. Жерехове церковь XVIII в.
26. В с. Фомине церковь XVIII в.
27. В с. Кидекше церковь XII в.
28. В с. Ивановском церковь XVIII в.
29. В с. Крапивье церковь XVIII в.
30. В с. Абакумове две церкви XVIII в.
31. В с. Барском Городище церковь XVIII в
32. В с. Воскресенской слободке церковь XVIII в.
33. В с. Красном церковь XVIII в.
34. В с. Переборове церковь XVIII в.
35. В с. Спасском-Городище церковь XVIII в.
36. В с. Крутицах церковь XVIII в.
37. Пог. Быково церковь XVIII в.
38. В с. Заполицах церковь XVIII в.
39. В с. Кистыше церковь XVIII в.
40. В с. Гавриловском церковь XVIII в.
41. В с. Яневе церковь XVIII в.
42. В с. Сольце церковь XVII—XVIII в.
43. В с. Коровниках церковь XVIII в.

Город Суздаль.

44. Лазаревская церковь XVIII в.
45. Никольская церковь XVII в.
46. Церковь мученика Александра XVII в.
47. Петропавловская церковь XVII в.
48. Златоустовская церковь XVII в.

Город Вязники.

49. Введенская церковь XVII—XVIII в.
50. Троицкая церковь 1647 года на „Яропольче“.

Вязниковский уезд.

51. Пог. Архидиаконский церковь XVIII—деревянная.
52. Слобода Мстера—Богоявленский собор XVII в.
53. С. Холуй церковь XVIII в.
54. В с. Красном церковь XVIII в.
55. В с. Мячкове церковь XVIII в.
56. Слобода Георгиевская церковь XVIII в.
57. Гор. Гороховец—Благовещенский собор XVII в.
58. Гор. Гороховец—Воскресенская церковь XVII в.
59. Гор. Гороховец—быв. Сретенский монастырь XVII в.

Город Ковров.

60. Рождественский собор начала XVIII века.
61. Часовня на кладбище с плитами XVI в.
62. В с. Любец церковь XVII в.
63. В с. Эдемском церковь XVIII в.

64. В с. Большие Всегодичи две церкви XVIII в.
65. В с. Егорий за Вазалью церковь XVIII в.
66. В с. Антилохове церковь 1803 года.

Меленковский уезд.

67. В с. Лавсе деревянная церковь XVIII в.
68. Пог. Георгиевский в Коробщиках церковь деревянная XVIII в.
69. В с. Никулине церковь XVIII в.
70. В с. Драчеве деревянная Казанская церковь XVII в.
71. В с. Окшове деревянная церковь XVIII в.

Город Муром.

72. Богородицкий собор XVI в.
73. Николозарядская церковь XVII в.
74. Николо-Можайская церковь XVII в.
75. Николо-Набережная церковь XVIII в.
76. Воскресенская церковь XVII в.
77. Георгиевская церковь XVII в.
78. Введенская церковь XVII в.

Муромский уезд.

79. В с. Александрове церковь XVIII в.
80. В с. Борисоглебском три церкви XVII в.
81. В с. Булатникове церковь XVIII в.
82. В с. Климове церковь XVIII в.
83. В с. Дедове церковь XVII в.
84. В погосте Перемиловская пустынь церковь XVII в.
85. В с. Чуди деревянная церковь XVII в.
86. В с. Арефине Троицкая церковь начала XVIII в.
87. В с. Голянищеве церковь деревянная XVII в.

Город Переславль.

88. Новый собор с двумя храмами 1740 года.
89. Петромитрополитская церковь XVI в.
90. Вознесенская церковь до 1764 года.
91. Златоустовская церковь 1803 года.
92. Знаменская при кораблях церковь 1788 года.
93. Князь-Андреевская церковь до 1764 года.
94. Варварская церковь 1795 года.
95. Покровская церковь 1789 года.
96. Козьмо-Дамианская церковь XVIII в.
97. Духовская церковь XVIII в.
98. Симеоновская церковь XVIII в.
99. Смоленская церковь 1694—1705 года.
100. Сретенская (Александро-Невская) церковь XVIII в.
101. Сергиево-Троицкая церковь XVIII в.
102. Рождественская церковь XVIII в.
103. Введенская церковь 1698—1706 года.

104. Сорокосвятская церковь XVIII в.
105. Усекновенская (Предтеченская) церковь XVIII в.
106. Владимирская до 1764 года.

Переславский уезд.

107. В с. Николо-Кижила церковь XVIII в.
108. В с. Осипова пустынь церковь XVIII в.
109. В с. Выползовой слободке церковь XVIII в.
110. В с. Глебовском церковь XVIII в.
111. В с. Новоселках Гагаринских церковь XVIII в.
112. В с. Семендяеве церковь XVIII в.
113. В с. Соломидине церковь XVIII в.
114. В с. Дубровицах две церкви XVIII в.
115. В с. Елизарове Басмановская церковь XVI в.
116. В с. Доротниках церковь XVIII в.
117. В с. Нагорье церковь XVIII в.
118. В с. Святове церковь XVIII в.
119. В с. Большой Бремболе церковь 1706 года.
120. В с. Ивановском церковь XVIII в.
121. В с. Скоблеве церковь XVIII в.
122. В с. Троицком (Великий двор) церковь XVIII в.
123. В с. Смоленском церковь XVIII в.
124. В с. Андрианове церковь XVIII в.
125. В с. Ермове церковь XVIII в.
126. В с. Спасском деревянная церковь XVII в.
127. В с. Вашки церковь XVIII в.
128. В с. Городище церковь XVIII в.
129. В с. Рагозине церковь XVIII в.
130. В с. Бектышеве церковь XVIII в.
131. В с. Насакине церковь XVIII в.
132. В с. Елпатьеве церковь начала XIX века.
133а. В с. Волнине церковь XVIII в.

Судогодский уезд.

133б. В с. Ново-Николаевском церковь 1781 года.
134. В пог. Басенках деревянная церковь 1798—99 года.
135. В с. Брыкине деревянная церковь 1714 года.
136. В с. Воскресенском церковь XVIII в.
137. В с. Ивонине деревянная церковь 1731 года.
138. В с. Ликине церковь 1784—87 года.
139. В с. Святец деревянная церковь 1709—1809 года.
140. В с. Языкове деревянная церковь 1757 года.

Гор. Юрьев-Польский (ныне Иваново-Вознесенской губернии).

141. Введенская церковь XVIII в.
142. Воскресенская церковь XVII в.

Юрьевский уезд (ныне Иваново-Вознесенской губернии).

143. В с. Ильинском церковь 1792 года.
144. В с. Козьмодамианском церковь 1803 года.
145. В с. Клинах церковь 1777 года.
146. В с. Ковыреве церковь 1765 года.
147. В с. Пьяницыне церковь XVIII в.
148. В с. Голянищеве церковь 1795—1798 года.
149. В с. Турабьеве деревянная церковь 1779 года.
150. В Георгиевской слободке деревянная дубовая церковь 1718 года.
151. В с. Даниловском церковь XVIII в.
152. В с. Ельцах церковь XVIII в.
153. В с. Лычеве церковь XVIII в.
154. В с. Никульском-Терпигореве церковь XVIII в.
155. В с. Бережок церковь холодная 1798 года.
156. В с. Жаворонкове церковь 1792 года.
157. В с. Подольце церковь XVII века.
158. В с. Весках церковь XVIII в.
159. В с. Игрищах церковь XVIII в.
160. В с. Кощееве церковь XVIII в.
161. В с. Мирславле церковь 1801 года.
162. В с. Никольском-Красенских церк. 1790 года.
163. В с. Воскресенском церковь XVIII в.
164. В с. Симе холодная церковь 1769 года.
165. В с. Перемилове деревянная церковь 1776 года.
166. В с. Андреевском церковь 1801 года.
167. В с. Есиплеве две церкви XVIII в.
168. В с. Кучках церковь XVII в.
169. В с. Ратислове церковь 1802 года
170. В с. Клинах церковь 1777 года.
171. В с. Афинееве церковь 1803 года.

Приложение № 4.

СПИСОК

археологических памятников Владимирской губернии, находящихся на учете Музейного Отдела Главнауки НКП.

Палеолитические стоянки.

1. Близ с. Карачарова, Муромск. у., в овраге, открыта гр. Уваровым в конце 70-х годов прошлого столетия палеолитическая стоянка, которая подвергалась потом обследованию со стороны целого ряда ученых.

Неолитические стоянки.

Вязниковский уезд.

1. Дубовская. Стоянка расположена близ села Ново на дюне, называемой Дубово.

2. Заборочская. Стоянка расположена близ деревни Заборочье на дюне того же названия.

3. Шаламониха. Стоянка находится близ деревни Брагино на дюне.

4. Старая Деревня. Стоянка находится на дюне «Старая Деревня» близ деревни Малые Узолы.

5. Шальной бугор. Стоянка расположена на дюне, известной под названием «Шальной бугор».

6. Поланижник. Стоянка находится ниже города Вязников на 5—6 в. на дюне „Поланижник".

7. Быковская. Находится выше г. Вязников на 5—6 в. на Быковской дюне, близ Липовской усадьбы.

8. Липкинская. Стоянка около с. Липки.

9. Серапионовская. Стоянка около быв. монастыря Серапионова пустынь.

10. В недалеком расстоянии от б. Серапионовой пустыни в урочище Ялтовский бор стоянка.

11. Дер. Станки. На поле близ деревни крестьянами часто выпахиваются каменные орудия.

12. Дер. Чудиново. Около деревни встречаются находки каменных орудий.

Местонахождение всех перечисленных стоянок открыто Н. М. Соколовым и П. И. Поповым в 1915—16 г. г.

Меленковский уезд.

13. Между с. с. Ляхи и Верья у озера Колодлива открыта неолитическая стоянка в 1900 году И. Л. Щегловым.

14 К востоку от дер. Высоковой, у озера Частого, имеется неолитическая стоянка, открытая в 1900 г. И. Л. Щегловым.

Муромский уезд.

15. Волосовская стоянка. Находится к северу от деревни Волосово, в расстоянии $1^1/_2$ версты от последней на берегу реки Велетьмы и по западному склону дюнного бугра. Значительная часть стоянки обследована Уваровым, Кудрявцевым и другими.

16. Чаадаевский бугор. На юг от села Чаадаева в двух верстах, на пойме, дюнная стоянка с культурой волосовского типа. Открыта в 1916 году Ф. Селезневым.

17. Вознесенский Яр. В обвалах берега реки Ушны у Вознесенского выселка попадаются остатки неолитической культуры.

18. Красный Яр. В полутора верстах от Вознесенского Яра, по тому же берегу р. Ушны, к северу, на участке под лесом открыт в 1916 году неолит.

19. Каметово. В двух с половиной верстах от Красного Яра на восток, на участке поля среди леса, попадаются следы позднего неолита.

20. Борок. Стоянка находится на дюне на пойме в долине реки Ушны против самого села Борис-Глеба.

21. На горе у Борисоглебского терочного завода встречаются неолитические орудия.

22. Шалов бугор. Стоянка расположена на дюне против села Борисоглебского, открыта Ф. Селезневым в 1916 году.

23. Варежская стоянка. Расположена на правом пойменном берегу в долине реки Ушны, на границе луговых владений селений двух Варежей, частично обследована Ф. Селезневым в 1915 году.

24. Стоянка у Переделки. Находится в полверсте от Варежской стоянки. Обследована в 1916 году.

25. Кошкино. На усадьбе гражданина Ф. Волкова, в значительной степени застроенной, обнаружены находки позднего неолита.

26. Лягалин бугор. Возле селения Малое Акулово, в урочище „Лягалины", есть песчаный бугор, на котором находили каменные орудия.

27. Золотой бугор. Против Мурома, на противоположной стороне реки Оки, находится „Золотой бугор", содержащий находки неолитических орудий.

28. Мордовщик. Бугор под названием „Мордовщик" находится у села Липки и содержит остатки неолита.

29. Шихан курган. Расположен у деревни Туртанки, близ озер Лохани и Святое; на нем находили множество остатков каменных орудий и керамики.

30. Ефановский бугор—близ деревни Ефановой, на правой стороне речки Муромки; имеет следы неолита.

31. Сметанин бугор—близ деревни Рождествено, против села Клин, в пойме; имеет следы неолита.

32. Семеновский или Львиный бугор—близ деревни Чулково; на нем сделаны многочисленные находки неолита Голициным и Уваровым.

33. Плеханов бугор, расположен в 4 верстах от Семеновского против деревни Поляны. На нем сделаны многочисленные находки неолита Голициным и Уваровым.

Переславский уезд.

34. Неолитическая стоянка на реке Вексе против села Усолье, в урочище „Польцо". Разведка и раскопки произведены А. Спициным в 1925 году.

35. Неолитические стоянки на берегу Сомина озера на „Селятине Торговище" и на бывшем островке при впадении речки Барановской.

36. Стоянка на северном берегу Плещеева озера, на песчаной дюне, близ деревни Криушкина.

Стоянки металлического периода.

Муромский уезд.

1. Панфиловская стоянка. Находится на левом берегу р. Илемны в 2-х верстах от села Панфилова. Открыта в 1923 г. Ф. Селезневым и обследована в 1924 г. проф. В. А. Городцовым.

2. Площадь. Участок на пойме против с. Борисоглебского по бугру на берегу Старицы. Найдены предметы бронзовой культуры.

Могильники.

Муромский уезд.

1. Близ с. Бердищева в 70-х годах прошлого столетия открыто было несколько бронзовых привесок и пряжек. Местность осталась необследованной.

2. Пятницкий могильник. Находится за городом Муромом, близ Пятницкой церкви. Часть могильника раскопана в 1924 г. Муромским музеем.

3. Подболотьевский могильник. Расположен по обоим сторонам шоссе у д. Подболотье. В значительной части вскрыт проф. В. А. Городцовым.

4. Максимовский могильник. Расположен в 50 саж. от д. Голоперовки. Значительная часть вскрыта Нефедовым в 80-х годах и Муромским музеем в 1924 году.

5. Перемиловский могильник. Расположен у затона Перемиловской пустыни. Открыто несколько погребений.

6. Корниловский могильник. Находится в 150 саж. от дер. Корниловки. Значительно испорчен соседним кирпичным заводом. Несколько погребений вскрыто Ф. Селезневым.

7. Ефановский могильник. Находится на склоне поля к р. Муромке у деревни Ефанова.

Судогодский уезд.

8. Пустошенский могильник. Находится на окраине с. Пустоши. Обследован А. Ивановым в 1924 году.

Курганы.

Александровский уезд.

1. Близ деревни Семеновской, на земле крестьян села Сущева, имеется несколько курганов.

2. Близ села Успенского Муханова, при р. Дубне, сохранился курган размерами 3 саж. высоты и до 20 саж. в окружности. К северу от этой местности имеются еще курганы.

3. В расстоянии 1/2 в. от с. Снятинова, в еловом лесу, находится курган, поросший деревьями.

4. Около г. Киржача, к северу, в расстоянии 1/2 в., на ровном месте имеется курган.

5. По дороге от г. Киржача к Юрцеву на расстоянии 4 в., а от Юрцева в 1 1/2 в., находятся 3 кургана, из которых один разрыт.

6. Между деревнями Наумово и Михали, среди поля, на обрыве овражка стоит курган.

7. Около с. Сергиевского—два кургана круглой формы.

8. Близ с. Санина—курган.

Владимирский уезд.

9. Село Доброе, расположенное в 5-ти верстах от Владимира по Нижегородскому шоссе. Около села, на выезде к городу Владимиру, возвышается большая насыпь и далее по отлогости сухого оврага заметны небольшие курганы, называемые крестьянами „курмыши“ и приписываемые татарам. Позади села, на правой стороне оврага, также сохранилось несколько курганов.

10. Село Житково. Подле села, находящегося в 18 верстах от Владимира, на границе Владимирского и быв. Суздальского уездов имеется несколько десятков курганов. В средине XIX в. их насчитывалось более сотни, но многие из них раскопаны и срыты.

11. Деревня Новоселки. В трех верстах от села Ставрова, близ деревни Новоселки, на левой стороне от дороги к Владимиру, имеется 10 курганов.

12. Деревня Тетерино. Близ деревни, отстоящей на 2 версты от Новоселок, имеются курганы или могилища.

13. Пог. Семиногорский. Недалеко от погоста, на северной стороне, есть курганы, называемые „лисьи горы“.

14. Деревня Сущево. Около деревни, расположенной в пяти верстах от Владимира, сохранилось несколько курганов (до 10).

15. Село Брутово. Курган.

16. Село Горицы. Курган.

17. По дороге к Ставрову, на Чижовой горе, имеется 5 больших курганов.

18. Село Кусуново. Близ села, находящегося в 7 верстах от Владимира за рекой Клязьмой, сохранились остатки 10 курганов на краю глубокого оврага.

19. Деревня Уварово. Около деревни, в лесу, в урочище под названием „могилки“, имеется до 30 курганов и близ озера Вачехра до 20 курганов.

20. Деревня Вилки. Здесь близ дороги, пролегающей к деревне из Владимира, 5 курганов и в лесной даче той же деревни 4 кургана.

21. Деревня Федотово (быв. Покровский уезд). При деревне, близ реки Шерны, по дороге к деревне Наумовой есть курганы.

Ковровский уезд.

22. Село Кляземский городок. В трех верстах от села по направлению к СВ среди соснового леса находятся три кургана, называемые „войтовы могилы". Открыты А. И. Ивановым в 1925 году.

Меленковский уезд.

23. Деревня Усад. Близ деревни, в пустоши „Медведко", сохранились курганы.

24. Село Урваново. Около села в разных расстояниях находятся курганы: в расстоянии 4 верст от села, близ дороги в село Репино, два кургана, в расстоянии 3 верст от села, близ той же дороги—1 курган, и в расстоянии 3 верст от села, близ дороги к деревне Косиково, 4 кургана. При распахивании на курганах находили металлические вещи.

Муромский уезд.

25. Радчинские курганы. В бассейне реки Ушны 3 кургана славянской эпохи, вскрытые колодцами в шестидесятых годах.

26. Село Зименки. Около села, по берегу реки Илемны, имеются остатки многих курганов, открытых Н. Добрынкиным в 70-х годах прошлого столетия. Жителями соседних селений курганная местность называется урочищем „Моры". В 1877 году Кулрявцев, Гаффе и Соколов раскопали 5 курганов, в которых нашли вещи славянской культуры XI—XII в. в.

27. Деревня Анциферово. Саженях в 100 от деревни возвышается песчаный бугор, называемый „Яруса",—на нем находили медные поделки.

28. Деревня Битюково. В полверсте от деревни, за широкой пойменной низиной, начинается холмистая местность, известная под названием „Моры". В этой местности сохранились выпуклости распаханных курганов, называемых „огрудки".

29. Сельцо Бердичево. На поле есть курган с четырехугольной площадкой.

30. Деревня Лобаново. В расстоянии 100 саженей от деревни по дороге к погосту Мускову встречается группа курганов, расположенных по обе стороны дороги. Местные жители называют их „бугры".

Переславский уезд.

31. Село Бектышево. При селе имеется курган.

32. Деревня Горки. При деревне, в урочище „Палы", три кургана, называемые „Паны".

33. При деревне Киучер имеется несколько десятков курганов, частично испорченных кладоискателями. Расположены курганы в местностях: в лесу „Грачки" и в лесу „Бутриха".

34. При селе Никульском, на лугу „Шевериха", сохранились десятки не обследованных курганов.

35. При деревне Троицкая, в урочище „Пальники", имеется „Царев курган".

36. При деревне Поварово, на берегу речки Рокши, два кургана.

37. Близ деревни Погост, за полем к реке М. Нерли, 2 кургана.

38. Близ села Филимонова, в урочище „Паны", курган.

39. При селе Городищах—курганы.

40. В лесной даче „Бармахово", Переславской волости, курган.

41. Близ деревни Рупосово, в пустоши „Снятинка" на речке Курганихе—курган.

42. Близ реки Дубны по зимней дороге из села Подлипы в деревню Зимняк—курган.

Юрьевский уезд (ныне Иваново-Вознесенской губернии).

43. Погост Троице-Шижегда. Между погостом и деревней Воронцово сохранились два кургана.

ГОРОДИЩА.

Александровский уезд.

1. Близ дер. Семеновской, на земле крестьян с-ца Сущева, на оконечности оврага к р. Дубне сохранились остатки земляного укрепления.

Владимирский уезд.

2. Близ села Красного имеется большой насыпной холм, являющийся остатком древнего поселения. При поверхностных раскопках здесь находили узорчатые кафли, слюду, разные глиняные сосуды и т. п.

3. Близ деревни Хохловой сохранились остатки земляного вала, называемого „Мокеевским".

4. В 18 в. от г. Владимира, близ дороги к селу Ставрову, существует высокая гора, известная под названием „Чижовой". На средине горы сохранился городок, обнесенный земляными валами и рвами. Около городка возвышаются большие курганы.

5. Рядом с селом Осовец, на берегу р. Клязьмы, сохранился городок, представляющий собою возвышенность, обнесенную валами и глубокими рвами. Высота валов в некоторых местах простирается до 3-х сажен. Городище имеет четырехугольную форму.

6. При с. Добром, на юго-западной стороне села и на юго-восточной, при овраге Дебри, сохранились остатки двух городищ, имеющих признаки круглой формы. Первое, называемое „Курмыш", раскапывалось в 60-х годах прошлого века К. Тихонравовым, при чем найден был нуклеус (Изв. И. Русск. Археол. О-ва, V, 479).

7. Близ деревни Мокеево сохранился вал, называемый „Мокеевским". Предание усвояет ему значение древней крепости, что весьма возможно, так как местность эта была некогда прежней дорогой к Нижнему и служила защитой Владимира.

8. При с. Кидекше (быв. Суздальского уезда), на берегу реки Нерли, имеются остатки древних валов, насыпанных, вероятно, Юрием Долгоруким около 1152 года.

9. В г. Суздале возвышенность, известная под именем „Красная горка" и расположенная на левом берегу р. Каменки в том месте, где река делает почти прямой угол в направлении с З на В, представляет собой несомненные признаки древнего укрепления.

10. При с. Большом (Барском) Городище (б. Суздальского у.), на берегу р. Нерли, имеются слабые остатки земляного укрепления, созданного, по преданию, Юрием Долгоруким. Раскопано гр. Уваровым в 1851-52 г. г.

11. При с. Малом (Спасском) Городище, на берегу р. Нерли, сохранились признаки земляного городка. Раскопан Уваровым в 1851-52 г. г.

12. При с. Якиманском (б. Суздальского у.), на правом берегу р. Нерли, имеется возвышенность, занятая в настоящее время церковью и кладбищем. Возвышенность носит все признаки городка.

13. При с. Выселки (б. Суздальского у.), расположенном на р. Нерли, на горе, сохранился городок с земляной насыпью. Городок находится на оконечности обширного мыса и имеет круглую форму. Савельев в 1851 г. провел несколько канав по площади городища, при чем обнаружил звериные кости, череп, каменные бусы и др. находки. Существовавшие близ городка курганы (71) раскопаны в 1852 г. К. Тихонравовым.

14. При с. Менчакове (б. Суздальского у.), над р. Нерлью, сохранились остатки городка, называемого в народе „Лисья гора". Городок имеет полукруглую форму, 53 саж. в окружности.

15. В 19 в. от г. Суздаля, в 67 саж. вправо от дороги, ведущей к Гаврилову Посаду, находится большое городище, осыпанное валом и окруженное рвом с выходом на восток. Длиною городище 28 и шириною 22 сажени.

16. Городские земляные валы в г. Владимире, являющиеся остатком первоначальной крепости.

17. Городские земляные валы в г. Суздале, имеющие почти правильную четырехугольную форму и окруженные рвами, свидетельствуют о древней крепости.

Вязниковский уезд.

18. При с. Лукине, на берегу р. Луха, имеется городище. Сохранились остатки насыпи и валов.

19. В 5 в. от г. Вязников, при с. Пировы-Городищи, на правом крутом берегу р. Клязьмы сохранилась довольно высокая земляная насыпь, образующая собою древнее укрепление, которое до сих пор называется „Городок". Городище полукруглой формы и имеет в окружности более версты. Все пространство внутри вспахано. В прежнее время крестьяне находили здесь серебряные и медные монеты, а подле самой насыпи найден был каменный гроб с костяком. К сожалению, все находки затеряны.

Ковровский уезд.

20. В 12 в. от г. Коврова, при с. Кляземский Городок, на высокой береговой возвышенности находится земляная крепость, окруженная земляными валами в виде почти правильного четырехугольника и рвом. Некогда это был город Стародуб, резиденция удельных князей. Городище разрушено фабрикантом Носковым в 1908-1910 г. г. В 1925 г. остатки раскопаны А. Ивановым.

21. При с. Хотимле имеются остатки земляного укрепления, свидетельствующие о древнем городке.

Меленковский уезд.

22. В 1 в. от с. Окшова, на горе над р. Окою, близ дер. Усада, в пустоши „Борзынка", сохранились остатки городища.

Муромский уезд.

23. Чаадаевский городок. Находится на расстоянии 5 в. от г. Мурома по большой дороге в г. Гороховец и занимает левую сторону откоса Чаадаевского поля, граничащего с поймой. Сохранились признаки городового вала. В 1925 г. на городке найдены черепки и угли.

24. Кондраковский городок. В 2 в. от с. Кондракова, на самом краю берега, возвышается небольшой холм, известный под названием „Городок". Вершина холма имеет круглую и плоскую поверхность в поперечнике сажени четыре с крутыми боками. На вершине холма ясно видны три впадины, образовавшиеся, по мнению кондраковцев, от обвалов в подземелья. С городком связаны предания о богатых кладах в подземельях. По склонам городка находили мелкие камни, уголь и глиняные черепки. К городку ведет узкий проход, называемый „Тропа" с поперечной канавой.

25. Седчинский городок. При с. Спас-Седчине на оконечности мыса, образуемого оврагами Стрелица и Подчасна, имеется возвышение с широкими круглыми валами, называемое городок. К городку ведет узкий проход, называемый „Тропою". Проход перед самым валом пересекается канавой. Валы также пересекаются углубленной тропой.

26. Окоп. Близ дер. Высоково, около берега р. Ушны, существует земляной „Окоп". Предание говорит, что здесь была засада литовцев.

Переславский уезд.

27. В 6 в. от Переславля, при с. Городище, находится большой городок, обсыпанный земляным валом, весьма хорошо сохранившимся. Городок, расположенный на горе, над Плещеевым озером, отмечает место древнего Переславля (Клещина).

28. Берендеев городок. На западной оконечности Берендеева болота, в 2-х в. от ст. Берендеево, находится высокая гора (Волчья) с обширной площадью на вершине. Местность носит название Гридина или Григорова городища. В прежнее время здесь видны были остатки древнего жилья—признаки дубовых мостовых, обсеченные камни, мусор, черепки обливных глиняных изделий. Предание считает это место резиденцией царя Берендея. В настоящее время частично разрушено северной жел. дорогой, устроившей сюда специальную ветку для вывоза песка.

29. При дер. Городище, Глебовской вол., сохранились слабые остатки валов.

30. Близ дер. Григорова, при впадении Шусты в р. Кубрю, имеется городок с признаками валов.

31. При р. Студенец городок—гора.

32. Близ дер. Добрилова существует гора-„городок", в которой, при выборке камня, находили погребения в сидячем положении и железные предметы.

33. Близ с. Рождествина имеется гора-„городец", на которой находили бронзовые подвески.

34. Близ дер. Охотина и Плечевки, при впадении р. Ремжи в М. Нерль, имеются возвышенности, называемые „городцы".

35. Близ дер. Ивкина городище „Жданая гора".

36. Близ дер. Антонки „Городец", представляющий собою заросшую лесом гору при соединении двух оврагов; носит следы искусственной обработки; наверху курган „Золотая чаша", частично раскопан кладоискателями.

37. Городок при дер. Никитское, близ с. Соломидина. Городок составляет высшую точку на юго-западном берегу Плещеева озера; земляных валов не сохранилось.

38. Близ дер. Тукаленки имеются большое и малое городища; валов не сохранилось; песчаные бугры изрыты кладоискателями.

39. Городище с земляным валом при слиянии речек Мечки и Шусты, притоков р. Кубри, недалеко от с. Горы-Пневицы

40. В г. Переславле городские земляные валы.

Юрьевский уезд (ныне Иваново-Вознесенской губ.).

41. В 10 в. от г. Юрьева расположено село Числовские-Городищи. Здесь сохранилась высокая земляная насыпь круглой формы с глубокими вокруг ее рвами, в некоторых местах наполненными водой.

42. В 17 в. от г. Юрьева сельцо Городище сохранило земляную насыпь, весьма сходную с кремлевскими городскими валами Суздаля, Переславля и Юрьева.

43. Близ села Симы, над р. Симкою, сохранилась земляная насыпь под названием „Симский Хабаров городок".

44. За селом Даниловским существует городок при сухом овраге с высокими и крутыми берегами. Городок окружен земляною насыпью с двумя выходами на восток.

45. При селе Красном имеется городок, называемый „Тункар".

46. При с. Ильинском, близ оврага, сохранились остатки городища, называемого „Турдан" и расположенного на возвышении, имеющем форму загнутого вала. При раскопке в двух местах в 1852 г. Савельев на глубине 6 арш. нашел угли, черепки от необожженых сосудов и костяной черепок (Гр. Уваров. Меряне, стр. 673).